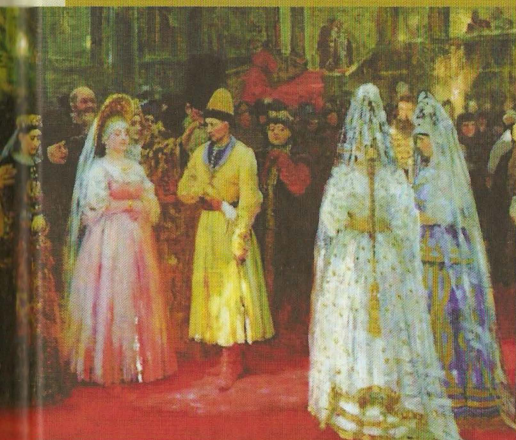

история / география / этнография

Людмила Морозова
Андрей Дёмкин

Русские царицы
и царевны
XVII века

Ломоносовъ
издательство

Людмила Морозова
Андрей Дёмкин

Русские царицы
и царевны XVII века

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 94(47).044-048
ББК 63.3(2)45-46
М80

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

ISBN 978-5-91678-313-1

© Людмила Морозова, 2016
© Андрей Дёмкин, 2016
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

Людмила Морозова

Царицы и царевны
первой половины XVII века

Вместо предисловия

Любители истории знают многое о знаменитых русских государынях XVIII века: жене Петра I Екатерине I, покровительнице «бироновщины» Анне Иоанновне, красивой и веселой дочери Петра Великого Елизавете Петровне и, наконец, умелой и дальновидной правительнице Екатерине Великой. Это и неудивительно, ведь каждой посвящена серия книг, статей, публикаций. Но знают ли читатели, кто был их предшественницами в XVII веке? Чем прославились царицы более раннего века? Какой внесли вклад в историю Российского государства?

Увы, даже не каждый профессиональный историк знает, что за царицы перечислены в Синодике Новодевичьего монастыря, так мало сохранилось о них сведений. «Благодарная царица Анна» — это явная загадка, поскольку она упомянута раньше Анастасии Романовны, жены Ивана Грозного. Единственное предположение — это мать царицы Анастасии. «Благодарная царица Леонида» — это третья жена царевича Ивана Ивановича Елена Ивановна Шереметева, по непонятной причине названная царицей. «Благодарная царица Марфа, монахиня». Третьей женой Ивана Грозного, Марфой Собакиной, она быть не может, поскольку Собакина не была пострижена. Монахиней Марфой была мать царя Михаила Федоровича, носившая

до пострижения имя Ксения Ивановна Шестова. «Благодарная царица Ирина Иоанновна» — опять полная загадка. Ириной Федоровной была жена царя Федора Иоанновича, постриженная в Новодевичьем монастыре под именем Александра. Ириной Михайловной была дочь царя Михаила Федоровича. Других Ирин в царском роду не было. «Благодарная царица Мария» — это, скорее всего, первая жена Михаила Федоровича — Мария Владимировна Долгорукая, но, может быть, и жена Василия Шуйского — Мария Петровна Буйносова. Точный ответ мы дать не можем. «Благодарная царица Евдокия Лукьяновна» — тут уж сомнений нет, это жена Михаила Федоровича. «Благодарная царица Мария Ильинична» — это первая жена царя Алексея Михайловича, «благодарная царица Наталья Кирилловна» — его вторая жена. Не возникает вопросов и по поводу «благодарной царицы Агафьи Симеоновны» — первой жены царя Федора Алексеевича и по поводу его второй жены — Марфы Матвеевны, хотя вряд ли кто-нибудь знает подробности из жизни этих женщин. Последней царицей в Синодике названа Прасковья Федоровна — жена соправителя Петра I царя Ивана Алексеевича, полностью заслоненного младшим братом и потому малоизвестного в настоящее время.

Как видим, даже простой перечень имен русских цариц содержит массу загадок. Что же тогда говорить об их жизни? Для многих она настоящая тайна. Но только не для авторов данной книги.

Чтобы составить жизнеописание цариц XVII века, авторы провели настоящее исследование многочисленных источников и по крупицам собрали разрозненные сведения о них. Оказалось, что жизнь каждой из этих женщин была достаточно примечательной, каждая царица внесла свой вклад в историю России.

Первая выборная царица

Мария Григорьевна, урожденная Скуратова-Бельская, была женой первого выборного царя в истории России — Бориса Федоровича Годунова. Поэтому и ее саму можно назвать первой выборной царицей.

Ее жизнь и деятельность никогда не привлекали внимания историков, поскольку источники сохранили мало сведений о ней. Однако она была не только надежной и верной спутницей царя Бориса, заботливой и любящей матерью прекрасных детей — царевича Федора и царевны Ксении, — но и сама находилась во главе Русского государства несколько месяцев.

Дата рождения Марии Григорьевны неизвестна, но можно предположить, что она появилась на свет в середине 50-х годов XVI века, так как приблизительно в 1570 году она стала женой Бориса Годунова, а брачный возраст для девушек в то время был 15–16 лет.

Описания внешности самой Марии Григорьевны не сохранилось, но некоторое представление о ней могут дать портреты ее детей, составленные писателем XVII века И. М. Катыревым-Ростовским.

«Царевич Федор, сын царя Бориса, отроча зело чудно. Благолепием цветущи, и яко цвет дивный на селе от Бога преукрашен, и яко крин на поле цветущ; очи имея велики и черны; лице же бело, млечною белостию блистаяся, возрастом среду имея, телом изобилен. Научен же бе от отца своего книжному сочетанию, в ответах дивен и сладкоречив велми; пустотное и гнилое слово никогда из его уст не исхождало; о вере же и о поучении книжном со усердием прилежаше».

«Царевна же Ксения, дочь царя Бориса, девица сущи, отроковица чудного домышления, зельною красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны и велики, светлостию блистаяся; когда же в жалости слезы очию испущаше, тогда наипаче светлостию блисташе; бровми союзна, телом изобильна, млечною белостию облияна; возрастом ни высока, ни низка; власы имея велики и черны, аки трубы по плечам лежаху. Воистину во всех женах благочиннейшая и писанию книжному навична, многим цветуще благоречием; воистину во всех делах чредима; гласы воспеваемые любляше и песни духовные любезнее слышати любляше».

Поскольку и Федор, и Ксения были необычайно красивы, то можно предположить, что и Мария Григорьевна была очень недурна собой и в молодости, возможно, слыла красавицей. Несомненно, она была очень благочестивой и достаточно образованной. Ведь только в этом случае она могла

воспитать в детях любовь к книжному чтению, научить их красиво излагать свои мысли и быть благонравными.

Отцом будущей царицы был небогатый и незнатный сын боярский Григорий Лукьянович Бельский, получивший прозвище Малюта Скуратов. Оно означало, что сам Григорий был небольшого роста, а его отец отличался высоким ростом и худобой и, возможно, часто хворал. («Скурать» означало часто «хворать», «скуриха» — «тощий, худой»). О происхождении ее матери Марфы Степановны ничего не известно.

Можно предположить, что Г. Л. Бельский состоял в родстве со знатными князьями Бельскими, поскольку не только был их однофамильцем, но и считал родовой усыпальницей один и тот же с ними Иосифо-Волоколамский монастырь. Видимо, он принадлежал к боковой ветви князей Бельских, представители которой еще в Литве лишились наследственных владений и вместе с ними потеряли княжеский титул.

Известный исследователь русского дворянства полагал, что Скуратовы-Бельские были в XV веке звенигородскими дворянами. Дедом Малюты являлся Афанасий Евстафьевич, Бельский, а отцом — Лукьян Афанасьевич Скурат Бельский.

В разрядных книгах за ранний период встречается только Прокопий Скуратов, который в 1495 году вместе с супругой вошел в свиту княжны Елены Ивановны, ставшей супругой великого князя Литовского Александра.

У Григория Лукьяновича было четыре дочери, каждой из которых для удачного замужества следовало собрать приданое. Поэтому ему пришлось поступить на царскую службу и проявлять большую активность. При молодом и воинственном царе Иване Васильевиче Грозном это было сделать несложно. В Дворовой тетради 50-х годов XVI века Г. Л. Скуратов-Вельский значится дворовым сыном боярским по городу Белая. Это означало, что, хотя поместье его находилось в окрестностях Белой, он уже служил при царском дворе. Из-за худородности его чин в войске во время Ливонского похода 1567 года был очень низким. Он только третий по значимости голова — руководитель тысячи воинов.

Родственник Григория Лукьяновича — Григорий Нежданов Скуратов в 1571 году был всего лишь последним помощником второго рынды (оруженосца) в царской свите.

Пока отец служил при царском дворе, Мария с матерью и сестрами жили в поместье у Белой, поскольку средств для жизни в столице у них не было. Ведь в то время денег за службу не платили. Кормиться следовало с доходов поместья. В это время Мария могла многому научиться: и обустройству дома, и заготовке продуктов впрок, и рукоделию. Последнее было обязательным для каждой девушки.

Возможно, Григорий Лукьянович так бы и остался мало-заметным воеводой в царском войске, если бы не опричина. Иван Грозный решил окружить себя наиболее преданными людьми и начать открытую и беспощадную борьбу с боярско-княжеской крамолой. Г. Л. Бельскому к тому времени уже удалось войти в ближнее царское окружение, и он был зачислен в опричное войско. В 1567 году ему было поручено провести обыски в калужской вотчине опального боярина И. П. Федорова. С этим заданием он с успехом справился и стал царским любимцем. Теперь его именем стало прозвище Малюта Скуратов. Во время игрищ опричников, когда царь объявлял себя игуменом, Малюта выполнял роль пономаря.

Григорию Лукьяновичу удалось еще больше выслужиться во время противостояния Ивана Грозного с митрополитом Филиппом Колычевым. Иерарх публично клеймил опричные нововведения и порицал царя за разделение страны на части, за казни подданных, за погромы. В ответ в ноябре 1568 года Малюта вместе с А. Басмановым набросились на митрополита во время службы, сорвали с него мантию и насильно отвели сначала в Богоявленский монастырь, а потом отправили под конвоем в тверской Отрочь монастырь. Поскольку и там Филипп продолжал критиковать политику Ивана Грозного, то Малюта Скуратов в декабре 1569 года лично отправился в Отрочь монастырь и задушил митрополита-крамольника.

По православным законам мирянин не имел права поднимать руку на духовное лицо. Это считалось большим грехом и преступлением. Но царь лишь еще больше приблизил к себе самого верного опричника и даже с ним породнился.

Вполне вероятно, что, когда Иван Грозный сообщил Малюте о желании сделать его своим родственником, тот был готов мысленно от счастья прыгать до небес. На самом же деле он упал к монаршим ногам и собрался их облобызывать. Ведь

подобной чести удостаивались очень немногие. Однако когда Скуратов узнал, кто должен был стать женихом его старшей дочери Анны, радость сразу поутихла. Юной красавице следовало выйти замуж за слабоумного паралитика князя И. М. Глинского. Он действительно приходился царю Ивану родственником — по матери Елене Глинской (И. М. Глинский был сыном брата Елены — М. В. Глинского). Но вряд ли кто-либо из представителей знати желал выдать свою дочь за такого жениха. Безродному дворянину из Белой выбирать не приходилось. В любом случае родство с государем позволяло ему подняться к самому трону.

Можно предположить, что перед свадьбой Анна пролила немало слез, однако противиться воле родителя она не посмела. К тому же после замужества она становилась княгиней и владелицей богатого дома в Москве и обширных вотчин, приносящих в год не менее 40 тысяч рублей. В ее распоряжении оказались десятки слуг, наполненные всевозможным добром кладовые, фамильные драгоценности Глинских и многое другое.

Со временем, освоившись с новой для себя ролью, она стала находить много преимуществ даже в слабоумии мужа.

Следует отметить, что не все современники считали И. М. Глинского слабоумным. Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн даже относил его к числу наиболее умных русских князей.

В богатый дом Анны смогли переехать и младшие сестры. Все они вскоре должны были достигнуть возраста невест и нуждались в хороших женихах. Поскольку Малюта стал родственником царя, то знатные и влиятельные люди уже были готовы сами назвать его тестем. К тому же в выдаче замуж его дочерей самое активное участие принял царь Иван. Ему захотелось породнить любимцев, и он стал предлагать своему бывшему стряпчему Б. Ф. Годунову посвататься к Марии Скуратовой. Во время одного из церковных праздников, когда вся знать с семьями собралась в Успенском соборе, Борису показали на юную дочь Малюты, скромно стоящую рядом с новоиспеченной княгиней Глинской. Борис счел, что девушка очень недурна: невысокая, ладненькая, с длинной черной косой и правильными чертами лица, к то-

му же за ней давали хорошее приданое — имение под Малоярославцем.

Со свадьбой торопиться не стали, поскольку царь собирался в поход на Новгород, который, по его мнению, задумал измену. Малюта, желая показать свою преданность Ивану Грозному, вновь был самым активным и лютым опричником. Под его руководством в городе были устроены публичные казни, и кровь ни в чем не повинных людей полилась рекой. За эту «службу» он получил чин «опричного думного дворянина».

После возвращения в Москву весной 1571 года в узком опричном кругу сыграли свадьбу Б. Ф. Годунова и М. Г. Скуратовой-Бельской. На ней в качестве почетного гостя присутствовал сам царь. Несомненно, Марии повезло значительно больше, чем Анне. Ее муж был молод, красив, пользовался благосклонностью Ивана Грозного и успешно делал при дворе карьеру. Покровителем Бориса был его дядя Дмитрий Иванович, исполнявший очень почетную должность царского постельничего. Поэтому все Годуновы жили при царе в Александровой слободе. Дома у всех были довольно скромными — небольшие бревенчатые избышки. Но земельные владения каждого постоянно росли. Сначала они были далеко от столицы у Костромы, Новгорода и Вязьмы, и часто ездить туда было сложно. Но со временем Борис приобрел подмосковное имение Большие Вяземы на Смоленской дороге и начал превращать его в красивую загородную резиденцию. Когда был отстроен большой и просторный дом, Мария переехала в него, чтобы быть подальше от разгулов опричнины в слободе.

Возможно, Марии и хотелось жить в столице, но в мае 1571 года она воздала хвалу Богу за то, что с ближайшими родственниками оказалась вдали от Москвы. На город напал крымский хан Девлет-Гирей и сжег его дотла. Иван Грозный не смог вовремя организовать оборону и бежал со своими опричниками в Вологду. Поэтому многие москвичи не только лишились крова над головой, но и жизни. Хуже всех оказалась участь пленников, угнанных на невольничьи рынки Крыма.

Хотя царь во многом был виноват сам, он поручил Малюте найти виновных и наказать. Естественно, что ими оказались представители знати из земщины. Осенью этого же года, чтобы развеяться после трагических событий, Иван Грозный

задумал жениться в третий раз. Еще летом были устроены смотрины невест. Со всех концов страны в слободу привезли красавиц. Из них бояре выбрали 30 девушек и представили царю. Ему больше всех понравилась юная Марфа Собакина, а для старшего сына Ивана он выбрал Евдокию Сабурову. Первую свадьбу назначили на 28 октября.

Для Б. Ф. Годунова и Марии Григорьевны эта церемония стала очень знаменательной. Борис был назначен дружкой невесты, Мария — первой свахой. Вторым дружкой стал Малюта Скуратов. Эти назначения были очень почетными, поскольку на царских свадьбах главными участниками торжеств были либо родственники царя, либо самые знатные бояре и князья.

В обязанность Марии входило сопровождать невесту и помогать посаженной матери расчесывать ей волосы, укутывать фатой и обсыпать хмелем. Поэтому на свадебном пиру у нее было одно из наиболее почетных мест — рядом с боярынями. Правда, свадьба проходила не в Кремлевском дворце, а в Александровой слободе, и самых знатных людей на ней не было. Кроме того, она имела самые печальные последствия — молодая царица еще до свадьбы заболела и 13 ноября скончалась. Сразу появилось подозрение, что кто-то подсыпал ей яд, действующий не сразу. Подозрение могло пасть на всех членов свиты Марфы, в том числе и на Марию с мужем, и на Малюту Скуратова. Но царь не стал проводить расследование. Несмотря на смерть юной жены, он даже не стал откладывать свадьбу сына, состоявшуюся в тот же день. Возможно, новая супруга сразу же разочаровала Ивана Грозного, и ее смерть не слишком его огорчила. Посылая поминальные вклады в монастыри, он это наглядно демонстрировал: по первым двум женам он отправлял по 100 рублей, а по Марфе — только 70.

Не желая долго оставаться холостым, уже в следующем, 1572 году Иван Грозный женился на Анне Алексеевне Колтовской. Вполне вероятно, что Борис и Мария были в прежних должностях в числе участников свадебной церемонии. К сожалению, роспись этой свадьбы не сохранилась. Вновь торжество проходило в Александровой слободе в близком царю кругу родственников и опричников. Однако и эта супруга очень скоро разодралась царю Ивану. Через семнадцать не-

дель он постриг царицу Анну и отправил в отдаленный Тихвинский монастырь под именем Дарья.

Аналогичной была и участь пятой жены царя — Анны Васильчиковой. На ее свадьбе Борис Годунов был уже дружкой самого царя, а Мария Григорьевна сидела за столом с боярынями. Через полгода и эта новая царица оказалась монастырской постриженицей — в Покровском монастыре Суздаля.

Размышляя об участии царских жен, Мария Григорьевна наверняка радовалась, что ее супругом был покладистый и уравновешенный Б. Ф. Годунов. Ведь главным поводом для развода у царя было бесплодие жен. У нее также все еще не было детей, хотя с момента свадьбы в 1570 году прошло несколько лет.

Активно выслуживавшийся Малюта Скуратов смог удачно выдать замуж и других своих дочерей. Екатерина стала женой одного из наиболее знатных князей Рюриковичей — Дмитрия Ивановича Шуйского. Он хотя и был третьим среди братьев, но в придворной иерархии считался много выше других князей.

Последняя дочь Малюты, имя которой не сохранилось, стала женой ногайского князя Ивана Кельмаманова, о службе которого известно лишь то, что он был опричником и погиб на рубеже 1572—1573 годов.

Удачно выдав замуж дочерей и породнившись с царем и самыми знатными боярско-княжескими родами, Малюта погиб в январе 1573 года во время осады ливонского города Пайда.

Для Марии и ее сестер это стало большой потерей, поскольку отец всегда являлся для них опорой и советчиком во всех делах. Только благодаря его рьяной службе царю все они смогли обрести материальное благополучие и высокое положение при дворе после замужества.

По приказу царя тело Малюты для захоронения было привезено в родовой Иосифо-Волоколамский монастырь. Там вдова и дочери смогли проститься с ним и оплакать его безвременную кончину. По приказу царя за вдовой Марфой Степановной был сохранен оклад Малюты в 400 рублей годовых, что было совершенно уникальным явлением для того времени. Все это говорило о том, что Иван Грозный благоволил не только к своему любимцу, но и к его семье.

Через некоторое время Мария Григорьевна и ее муж Борис Федорович еще больше приблизились к царскому трону. Приблизительно в 1577 году младший царевич Федор Иванович женился на сестре Б. Ф. Годунова Ирине. После этого большая часть Годуновых вошла во двор будущего суздальского удельного князя. Боярином при нем стал Д. И. Годунов, кравчим — Б. Ф. Годунов. Марии Григорьевне предстояло войти в свиту Ирины. Конечно, служить при малом дворе царевича было не столь почетно, как при царском, но небогатая дворянка из Белой раньше не могла даже мечтать об этом.

В Александровой слободе все Годуновы с семьями входили в родственный круг царя Ивана Грозного. Поэтому на новой свадьбе царя с Марией Нагой они были снова в числе участников обряда. Муж Марии Григорьевны Б. Ф. Годунов — дружка невесты, она — первая сваха. Царевич Федор со своей женой Ириной — посаженные отец и мать. За свадебным столом все сидели на самых почетных местах.

Казалось бы, чего еще желать? Но судьба вскоре вновь внесла поправки в жизнь Марии и ее родственников. В ноябре 1581 года после непродолжительной болезни, вызванной ссорой с отцом, умер царевич Иван Иванович. Наследником престола официально был объявлен царевич Федор Иванович. Годуновым предстояло стать главной опорой его трона.

После воцарения Федора Ивановича в 1584 году муж Марии Григорьевны становится царским шурином, главой Земского приказа и конюшим, то есть старшим боярином. Теперь при дворе он один из главных политических деятелей вместе с дядей Дмитрием Ивановичем и троюродными братьями Григорием, Степаном и Иваном Васильевичами.

Довольно скромное пребывание царского двора в Александровой слободе было закончено. Царь Федор вновь возвращается в Кремль. Б. Ф. Годунов получает обширное место для своего боярского двора напротив Фроловских ворот. Раньше оно принадлежало удельному князю Владимиру Старицкому. Остальные его родственники расселились вдоль Кремлевской стены напротив Неглинки и активно занялись строительством.

Марии Григорьевне предстояло сделать внутреннее убранство новых просторных хором уютным и красивым. По ее ука-

занию закупили парчовые и шелковые ткани для занавесок, бархат — для скатертей и подушек на скамьи. Полы должны были украсить персидские ковры. Под ее началом целый штат девушек-искусниц занялся вышивкой полотенец, постельного белья и т. д. Кроме того, следовало обновить гардероб мужа — ведь он теперь был очень важным человеком. Для этих целей в светлицу Марии Григорьевны доставили узорчатый бархат, золотые и серебряные нити, жемчуг и драгоценные камни, вычурные пуговицы и меха для отделки.

Фасон и узоры придумывала сама Мария Григорьевна (материнские уроки в этом отношении были ей очень кстати), девушки воплощали ее замыслы в реальные изделия, каждое из которых было настоящим произведением искусства.

Иностранцы, видевшие Б. Ф. Годунова в то время, отмечали, что он выглядел просто великолепно: на голове — остроконечная бобровая шапка; под ней была маленькая шапочка, вышитая жемчугом. Кафтан был из золотой парчи, на которую нашиты бархатные красные цветы с зелеными листьями (новшество, придуманное Марией Григорьевной). Сверху был накинута другой короткий кафтан — из красного с узором бархата. Под кафтанами — белая атласная рубашка, рукава которой и ворот вышиты жемчугом и драгоценными камнями (узор для нее придумывала сама Мария Григорьевна).

Вскоре просторный трехэтажный дом на высоком подклете был отстроен и отделан. Для приема гостей была подготовлена особая каменная палата на трех подклетах, в которых размещались кладовые для всевозможных припасов, доставляемых из поместий. Мария Григорьевна была очень рачительной хозяйкой и редко покупала продукты на московских рынках. По ее указанию все необходимое доставлялось из подмосковных деревень: мясо, яйца, молоко, зерно, овощи. Сама она руководила засолкой огурцов, капусты, грибов, варкой пива и медов. Всему этому она была хорошо обучена в отцовом доме. Если что-либо она не знала, то всегда могла спросить у матери, которая приняла постриг в Новодевичьем монастыре под именем Маремьяна. Часто встречалась она и с рано овдовевшими сестрами. Младшая сама справлялась с не слишком большим владением мужа. Старшая же попросила Б. Ф. Годунова быть ее опекуном, ведь общий доход

от имений превышал 40 тысяч рублей. По тем временам это была очень большая сумма, которую трудно было потратить бездетной женщине (единственная дочь Анны умерла в юности). Вскоре Анна переселилась к Марии Григорьевне и стала помогать ей вести большое боярское хозяйство.

Общий доход семьи Б. Ф. Годунова составлял 93 700 рублей. В него включались: жалованье конюшего, средства, получаемые с вотчин и поместий, налоги с московских бань и купален, пчельников и лугов вдоль Москвы-реки, а также с пожалованных царем волостей Вага и Камарицкая. В числе многочисленных вотчин боярина были и земли в Вельском уезде, и около Малоярославца, составлявшие приданое Марии Григорьевны. Они приносили 1757 рублей.

Сама хозяйка редко ездила в дальние имения, но подмосковные владения она посещала регулярно. Особенно ей нравилось село Хорошево, наиболее близко расположенное от Москвы. В нем был построен красивый каменный храм и прекрасный дом. Другой загородной резиденцией были Большие Вяземы с уютным, просторным деревянным домом и великолепным каменным пятикупольным храмом, внутренним убранством которого Мария Григорьевна занималась лично. Девушки вышивали для него пелены и покровы, мастера-ремесленники изготавливали красивые подсвечники, выковывали драгоценные оклады для икон, написанных лучшими живописцами. Они же расписали церковь изнутри, изобразив Бога-создателя в куполе. Циркуль в его руках как бы подчеркивал покровительство строительству. Рядом с храмом была звонница необычной архитектуры. По церковным праздникам звон от ее колоколов разносился по всей округе на многие километры. Все эти постройки вместе создавали красивый ансамбль.

Поскольку Мария Григорьевна с сестрами в летнее время часто проживали в загородном доме одни, то все постройки были окопаны рвом и окружены высокой деревянной изгородью. Протекавшая рядом речка была запружена с помощью каменной плотины (она сохранилась до сих пор) и образовала большой пруд, в котором летом можно было купаться.

Словом, жизнь нашей героини была вполне счастливой и благополучной. Печалило только отсутствие детей. Пер-

венец Иван умер в младенчестве. Наконец в конце января 1588 года родилась дочь Ксения, ставшая для отца и матери настоящим подарком — красивая, благонравная, очень ласковая и послушная. Мария Григорьевна с сестрами души в ней не чаяла и старалась, чтобы у девочки были самые красивые платьица, башмачки, самые потешные куклы и замысловатые безделушки. Когда Ксения немного подросла, ее стали обучать рукоделию, грамоте и церковному пению. Девочка оказалась очень прилежной и вскоре начала вышивать не хуже мастериц. Быстро освоила она и грамоту и усердно занялась чтением книг из обширной отцовской библиотеки. К тому же оказалось, что ее голосок просто ангельский и великолепно звучит под церковными сводами.

Полюбоваться на чудо-ребенка приезжала вся родня, ведь у многих не было своих детей, ни у Дмитрия Ивановича (все его дети умирали в младенчестве), ни у второй сестры Марии Григорьевны — Екатерины, жены князя Д. И. Шуйского.

Больше всего окружение царя Федора Ивановича беспокоило то, что детей не было и у царицы Ирины Федоровны. Получалось, что царской чете некому было передать престол. Вполне вероятно, что царица также часто навещала племянницу и дарила ей красивые игрушки, купленные у заморских купцов.

Конечно, дочь радовала родителей, но им хотелось иметь и сына-наследника. Поэтому Мария Григорьевна ездила по монастырям на богомолье и вместе с мужем делала богатые вклады. Особенно часто они посещали Троице-Сергиев монастырь. В 1578 году в мастерской Годуновых девушки вышили златотканый покров для монастырского собора. В 1588 году ремесленники изготовили из серебра и золота замысловатую лампаду. В 1594 году по заказу Б. Ф. Годунова был отлит колокол «Лебедь», который потом торжественно доставили в монастырь. В 1597 году в дар монастырю был куплен золотой потир с драгоценными камнями.

Под руководством Марии Григорьевны в мастерских девушки вышивали красивые покровы и пелены для Иосифо-Волоколамского монастыря, где покоился ее отец, и для родового монастыря Годуновых — Ипатьевского около Костромы.

Б. Ф. Годунов, мечтая о появлении на свет наследника, в 1585 году даже попытался выписать из Англии опытную акушерку и доктора. Хотя официально он делал это для царицы Ирины Федоровны, но думал и о своей жене. Однако представители православного духовенства заявили, что еретики (так они называли англичан-протестантов) не могут вмешиваться в священное дело появления на свет наследника царского престола. В итоге акушерка и доктор доехали только до Вологды, после этого им пришлось вернуться на родину. Царица же без квалифицированной врачебной помощи вновь в 1586 году родила мертвого ребенка.

В этом отношении Марии Григорьевне повезло больше — в 1589 году она наконец-то родила здоровенького мальчика, названного в честь царя Федором. По случаю этого радостного события в доме Годуновых был устроен большой праздник. Собрались все многочисленные родственники и одарили счастливую мать множеством подарков.

Рождение Федора было знаменательным и в другом отношении — при бездетном царе брат царицы Борис теперь стал рассматриваться как возможный наследник престола. Имея сына, он мог продолжить династию.

Бесспорно, главной заботой Марии Григорьевны стало воспитание детей. В этом ей помогали и кормилица, и мамка, и многочисленные служанки. Всегда рядом были и сестры. Федору до пяти лет полагалось жить на женской половине. Посторонним запрещалось его видеть. Боялись сглаза и инфекций.

Б. Ф. Годунов в это время был очень занят на царской службе. Зимой 1589—1590 годов он участвовал в Ругодивском (Нарвском) походе царя Федора, закончившемся победой и возвращением выхода в Балтийское море, утраченного Иваном Грозным. Летом следующего года пришлось отражать нападение на Москву крымского хана Казы-Гирея. В это время Мария Григорьевна вместе со всеми натерпелась страха и была готова в любой момент покинуть опасную столицу. Но делать этого не пришлось. Даже не начав осады, крымцы бежали.

Весной 1592 года и в царской семье случилось радостное событие — появилась на свет долгожданная царевна Феодо-

сия. Правда, она совсем недолго радовала родителей — в начале 1594 года малышка скончалась. Это заставило Марию Григорьевну с еще большим рвением заботиться о здоровье собственных детей. Было даже решено переселиться в Большие Вяземы и прекратить всяческие контакты с посторонними, которые могли занести какую-нибудь инфекцию. В то время частые эпидемии чумы, холеры и оспы уносили тысячи жизней.

В имении был разбит красивый сад, в котором росли яблони, вишни, малина, крыжовник, смородина. Из их плодов готовили морсы, наливки, всевозможные пастилки. Гордостью огородников были очень вкусные и сладкие дыни, которые выращивались в особых углублениях, наполненных плодородной землей. В случае похолодания их сверху закрывали ветками или корой.

За городом детям было очень раздольно. Летом можно было купаться в пруду, вдоволь набегаться по зеленому лугу перед домом. Зимой — катание с горок на санках, по льду пруда — на коньках. Долгими зимними вечерами Ксения занималась рукоделием, Федор осваивал книжную премудрость. Так незаметно шли годы.

1598 год резко изменил размеренный и устоявшийся образ жизни семьи Марии Григорьевны. В ночь с 6 на 7 ноября умер царь Федор Иванович, так и не оставивший после себя наследника. По его завещанию править должна была царица Ирина Федоровна. Но она не захотела оставаться в миру и сразу после похорон приняла постриг в Новодевичьем монастыре. Там к этому времени умерла в монахинях ее мать Анфиса. Там же проживала и старенькая мать Марии Григорьевны. Б. Ф. Годунов последовал за сестрой, желая служить ей и в монастыре.

Судьбу престола должен был решить избирательный Земский собор.

Уже 16 января по всей стране были разсланы грамоты с требованием ко всем жителям городов — прислать выборщиков на Земский собор. Через несколько дней в Москву прибыло не менее 500 человек, и начались заседания собора.

Конечно, Мария Григорьевна и все ее родственники волновались по поводу того, кто станет новым государем. Ведь

от этого зависело их будущее благополучие. Реальных претендентов на корону было совсем немного — только те, кто состоял в родстве с царем Федором Ивановичем. По крови наиболее близки ему были братья Романовы — по матери царице Анастасии они приходились ему двоюродными братьями. Но в русском обществе и в московском правительстве у них не было поддержки. Ведь все ключевые позиции при дворе были в руках Годуновых: Дмитрий Иванович контролировал Боярскую думу, Григорий Васильевич в должности дворецкого — царскую казну, Степан Васильевич курировал дипломатическое ведомство, войско было в руках Ивана Васильевича, наконец, Борис Федорович ведал городами и сбором с них налогов. Даже глава церкви патриарх Иов был с Годуновыми в самых тесных взаимоотношениях. В этих условиях ни один другой претендент не имел ни малейшего шанса занять престол.

Мария Григорьевна волновалась зря. 17 февраля на Земском соборе ее супруг был единодушно назван новым царем. Для него это вряд ли было неожиданностью, но соглашаться сразу со столь почетным предложением он не стал. Борису хотелось еще раз убедиться в том, что все русские люди готовы ему служить.

Несколько дней москвичи толпами приходили к Новодевичьему монастырю и умоляли избранного монарха сесть на царский престол. Только 21 февраля после грандиозного крестного хода и обряда «умоления иконой» — в данном случае использовали Владимирскую Богоматерь, главную российскую святыню, — Б. Ф. Годунов согласился принять царство.

Мария Григорьевна с детьми в это время, скорее всего, жила в Больших Вяземах. Теперь ей вместе с мужем и детьми предстояло появиться перед всем народом.

Срочно на рынки были отправлены доверенные лица за лучшими тканями, украшениями, драгоценностями и мехами. Ведь всей семье следовало предстать в подлинно царских одеждах. Девушки-мастерицы тут же были посажены за работу. Времени оставалось очень мало.

Первый торжественный въезд нового государя в Москву состоялся 25 февраля, в последний день Масленицы. Потом

начинался Великий пост, и какие-либо празднества устраивать не полагалось.

Борис в парадном царском облачении, но без короны ехал верхом на коне, Федор тоже был на коне и следовал за ним. Мария Григорьевна с Ксенией ехали в красивой карете. На всем протяжении от Новодевичьего монастыря до стен Кремля их приветствовали толпы народа, а около крепостных стен встретили именитые горожане с подарками. Борис Федорович спешил, но принял только хлеб-соль, от всего другого вежливо отказался. В воротах Кремля стоял патриарх Иов с духовенством и боярами. Они также с почтением приветствовали нового государя. Затем все пешком отправились в главные кремлевские храмы. В Успенском соборе Иов вновь благословил Бориса на царство и вручил ему животворящий крест. В Архангельском соборе все почтили могилы прежних царей. Федор и Ксения всюду сопровождали отца. Те, кто видел их, с восхищением говорили, что они похожи на ангелов.

Действительно, дети Марии Григорьевны были очень красивы: темноволосые, белокожие, с большими карими глазами и правильными чертами лица. Ни чопорности, ни надменности не было в их облике, только спокойствие и благожелательность ко всем. Вполне вероятно, что они еще не осознавали, что удостоены очень великой чести — быть первыми в России избранными царевичем и царевной. А Мария Григорьевна стала первой выборной царицей. Она-то очень хорошо понимала, насколько высоко вознесла ее судьба, и очень волновалась.

Борису Годунову было уже 46 лет, и, по понятиям того времени, он считался в солидном возрасте. Чтобы показать всем, что с преемственностью его власти проблем не будет, он повелел в крестоцеловальной записи упомянуть и его жену, и детей. Отныне в церквах многолетие стали петь не одному государю, а всем членам его семьи. Был составлен текст особой молитвы, которую подданные должны были произносить даже дома: «Чтобы Всевышний даровал царю Борису Федоровичу, жене и детям его многие лета и здравие».

С того времени Мария Григорьевна стала не просто боярской женой, а публичным человеком, вторым лицом в госу-

дарстве, обладающим большой властью. Ее прежняя, более чем скромная жизнь в Белой осталась в далеком прошлом.

Окончательно семья нового царя переехала в Кремль только 1 апреля. К этому времени для всех отделали новые хоромы. Неизменными остались только приемные палаты и хозяйственные постройки. Отдельные терема были не только у самого царя, но и у Марии Григорьевны, царевича Федора и царевны Ксении. У всех теперь было собственное окружение, состоящее не из одних слуг и прислужниц, но и из представителей знати.

У Марии Григорьевны появилось сразу много обязанностей. В ее ведении оказалась мастерские со швеями, вышивальщицами, ткачихами, которые изготавливали не только царскую одежду для всех членов семьи, но и великолепные шубы из ценного меха для подарков. По обычаю того времени, царь одаривал своих приближенных за особые заслуги, роскошные наряды получали в подарок послы из Крыма и Ногайской орды. Кроме того, под присмотром цариц шилась одежда для придворных. В ней они должны были быть на официальных приемах во дворце.

В свободное время в царицыных мастерских изготавливали постельное белье, полотенца и скатерти на продажу. Царице следовало вести учет пряже, ниткам, тканям, всевозможным украшениям и т. д. Еще она должна была наблюдать за огородным и садоводческим хозяйством: указывать, какие плодовые деревья сажать, какие овощи выращивать, а после сбора урожая позаботиться о его сохранности и переработке. Приготовление пищи также находилось под наблюдением государыни, хотя непосредственного участия в этом процессе она не принимала.

Конечно, со всеми обязанностями справиться без помощников было невозможно. Поэтому Мария Григорьевна окружила себя верными прислужницами из числа дальних родственниц.

Когда торжества по случаю восшествия на престол нового государя закончились (Борис венчался на царство только первого сентября), перед царственными родителями встал вопрос о замужестве царевны Ксении, которой шел уже шестнадцатый год. Родниться с русской знатью они не захотели и стали

подыскивать подходящего жениха среди родственников европейских королей. После совета с дьяками Посольского приказа было решено, что наиболее подходящей кандидатурой является шведский королевич Густав, изгнанный дядей Карлом IX из страны. Ему, правда, было уже за сорок, но царя Бориса это не смущало. Он планировал с помощью Густава отвоевать Ливонию и сделать зятя правителем всей Прибалтики.

Бесспорно, Мария Григорьевна желала не такого жениха для своей красавицы дочери, но с мужем она никогда не спорила. В итоге уже в 1599 году шведский королевич прибыл в Москву. Там для него был построен красивый дом, при котором были и конюшни с превосходными конями, и погреба, полные продовольствия и всяких напитков. К Густаву представили множество слуг и выделили большую сумму на содержание, поскольку собственных средств у него не было.

Однако вскоре выяснилось, что дорогой гость вовсе не намерен жениться на царской дочери. Он пригласил из Германии свою любовницу и стал жить с ней, как с женой, хотя на родине у нее был законный супруг — домовладелец, у которого Густав прежде жил. Вызывающее поведение жениха царевны привело к появлению при дворе различных слухов, и многие стали насмехаться над Ксенией.

Узнав о насмешках, царь Борис возмутился — ведь поданным не полагалось говорить непригожие слова о царствующих особах. По совету жены он решил внедрить в русское общество новшество — систему доносов. Отныне любой человек мог сообщить во дворец о злом умысле кого-либо против царя или членов его семьи и получить за это имущество названного злоумышленника. Причем никаких доказательств не требовалось. Этим стали активно пользоваться бесчестные люди, чтобы оговорить своих недругов и обогатиться. Но правительство это замечать не хотело, поскольку мнительность и подозрительность царствующей четы не знали границ и были всем известны.

Мария Григорьевна оказалась очень похожей на своего отца Малюту Скуратова, рьяного исполнителя всех приказаний и прихотей скорого на опалу Ивана Грозного. Для него тоже не требовалось никаких доказательств вины тех, с кем он управлялся.

Особенно опасными соперниками казались царю Борису молодые и дружные братья Романовы, состоявшие в близком кровном родстве с царем Федором Ивановичем. Сами они к тому же были связаны родственными узами почти со всей высшей знатью: Ф. И. Мстиславский по матери приходился им двоюродным братом, Шереметевы и Колычевы были из одного с ними рода, бабка И. М. Воротынского была их родственницей, князя Черкасский, Троекуров, Сицкий были женаты на сестрах Романовых, а одна из них даже стала женой И. И. Годунова, сына Ивана Васильевича.

По мере того как родичи Б. Ф. Годунова дряхлели и уходили из жизни, Романовы занимали при дворе все более прочные позиции. Сам царь часто недомогал из-за приступов подагры, царевич Федор был еще недостаточно взрослым, чтобы заменить отца на престоле. Поэтому на семейном совете было решено: во что бы то ни стало расправиться с возможными соперниками.

С. Н. Годунов, глава Аптекарского приказа, взялся сфабриковать ложное обвинение в покушении на жизнь государя. Он подкупил казначея А. Н. Романова — Бартенева Второго, который подбросил в кладовую хозяина мешочек с корешками, используемыми в то время для приготовления смертельного зелья. После этого казначей написал донос тому же Семену Никитичу, и в домах Романовых был устроен обыск. Естественно, что улики были найдены, началось расследование «дела Романовых». Для видимости разбирательство длилось полгода, после чего все братья и их родственники были признаны виновными в покушении на жизнь царя. Старшего из Романовых, Федора Никитича, постригли в монахи вместе с супругой. Это навсегда закрыло им путь к престолу. Маленьких детей Федора Никитича, Татьяну и Михаила, отправили в Белозерскую тюрьму с тетками и князем Б. К. Черкасским. Остальных братьев Романовых выслали на Европейский Север и в Сибирь. Там через короткое время умерли Александр, Михаил и Василий, тяжело заболел и едва выжил Иван. От болезней скончались князь Сицкий с женой и князь Черкасский. Клану Романовых был нанесен такой удар, после которого, как полагали Годуновы, уже оправиться невозможно.

Марии Григорьевне стало казаться, что теперь будущему ее детей уже ничто не угрожает. Поэтому вновь начались поиски жениха для царевны Ксении. Теперь о возможности породниться с кем-либо из русской знати вообще не могло быть и речи. Расправой над старинным боярским родом по сфабрикованному доносу царь резко противопоставил себя остальному обществу.

Вскоре дипломаты выяснили, что стать мужем московской царевны согласен младший брат датского короля Иоганн. Он тут же был приглашен в Россию. В отличие от Густава он был молод, красив и скромен. Хотя Мария Григорьевна и Ксения до свадьбы не могли лично с ним познакомиться, но в потайное окошечко в Грановитой палате они хорошо его разглядели и решили, что лучшего жениха просто и быть не может. Следовало готовиться к свадьбе. Вновь в царицыных мастерских закипела работа — для невесты-царевны мастерицы шили самое чудесное платье. Пока же было решено всей царской семьей отправиться в Троице-Сергиев монастырь на богомолье.

Отъезд был необычайно торжественным. Никто из царей раньше столь пышно на богомолье не ездил. Первыми ехали 600 пищальщиков, за ними друг за другом следовали 25 человек, державших за поводья красиво убранных коней, на которых были накинuty леопардовые шкуры. Далее вели на поводу шесть рыжих лошадей в сбруе из алого бархата, за ними верхом ехали два дворянина с лестницами, обтянутыми красным сукном, с помощью которых царь выходил из кареты. Еще два дворянина везли парчовые подушки, опять же для царя. Перед царской каретой верхом ехал ясельничий М. И. Татищев, любимец Бориса Федоровича.

Царская повозка была позолоченной, внутри обита алым бархатом, ее везли шесть светло-серых лошадей в сбруе из алого бархата. За повозкой следовал верхом царевич Федор в одежде из золотой парчи, рядом с ним бежала толпа придворных, некоторые были весьма преклонного возраста. Так они демонстрировали особое служебное рвение. Далее шесть повозок везли царское имущество, каждая с большим фонарем для освещения дороги в темное время суток. Около повозок также бежали придворные. Царский кортеж заверша-

ли 40 пищальщиков, которые вели за собой серых в яблоках лошадей.

Перед каретой Марии Григорьевны везли две лестницы, обтянутые алым бархатом, и две парчовые подушки. Вместо ясельничего на серых лошадях ехали восемь бояр в кафтанах из алого бархата. Повозка царицы была такой же, как и у царя, золоченой, обитой алым бархатом, но везли ее не шесть, а десять лошадей, что, очевидно, подчеркивало высокий статус царской жены. Внутри царица сидела не одна, а с двумя старшими боярынями.

Последней ехала карета царевны Ксении, тоже золоченая, но обитая оранжевым бархатом. Поскольку Ксения была невестой, то от посторонних взглядов ее закрывало покрывало. Всю процессию замыкали 36 ехавших верхом боярынь — жен старших бояр и думных людей. Все они были в красных одеждах и белых войлочных шляпах с широкими полями, подвязанных красными лентами. Рот закрывала белая фата. Вдовы ехали последними в закрытых повозках.

Для москвичей все это выглядело необычным, поскольку Иван Грозный и Федор Иванович не отличались склонностью к помпезности и не любили публично демонстрировать собственное величие. Поэтому можно предположить, что царь Борис и его жена лично разрабатывали церемонию парадного выезда. Составляли списки участников, подбирали им одежду по цвету и фасону и т. д. Ведь вся процессия для простолюдинов должна была выглядеть как очень красочное и величественное шествие, демонстрирующее особую значимость государя и членов его семьи, особенно царицы, имевшей собственное окружение из наиболее знатных женщин. Эскорт из ехавших верхом боярынь, несомненно, был заимствован с Востока самой Марией Григорьевной.

Во время поездок царское семейство часто привозило подарки в Троице-Сергиев монастырь. В их числе был золотой оклад для иконы «Троица» Андрея Рублева, огромный колокол, весивший 2000 пудов, золотое паникадило, потир из восточного хрусталя в золоте и серебре, золотые подсвечники и т. д.

Среди даров были изделия, изготовленные в царицыных мастерских по личному указанию Марии Григорьевны. Это

расшитая жемчугом пелена под икону «Троица», великолепный покров на раку Сергия Радонежского, названный «большой воздух», и всевозможные пелены. Все они представляют собой шедевры декоративного искусства, свидетельствующие о достаточно изысканном вкусе заказчицы. Кроме того, в них ярко прослеживается тенденция к роскоши и помпезности. Во всех изделиях активно использованы золотые и серебряные нити, жемчуг и драгоценные камни: сапфиры, изумруды, рубины. После бедности в детстве и юности царица, видимо, старалась «отвести душу» и вдоволь насладиться своим богатством.

Но если отъезд в Троице-Сергиев монастырь в октябре 1602 года был пышным и торжественным, то возвращение — поспешным и скромным. 16 октября царю сообщили, что королевич Иоганн заболел. У него началась горячка, с каждым днем истощавшая его силы.

Созванные лучшие врачи ничем не могли помочь страдальцу. 26 октября царь Борис лично навещал тяжело больного королевича, хотя по этикету этого делать не полагалось. Увидев, что Иоганн мечется в горячке и лицо его осунулось, а глаза запали, Годунов понял, что и на этот раз свадьба Ксении не состоится. Действительно, 28 октября королевич скончался.

Царевна Ксения очень тяжело переживала эту потерю, и мать, как могла, утешала ее. Общим стало казаться, что сам Бог за что-то их наказывает. Но понять за что обе либо не хотели, либо не могли. Утешая дочь, царь Борис заявил, что теперь будет искать ей жениха и невесту для подрастающего сына на Кавказе, следуя примеру Ивана Грозного. Через некоторое время туда было отправлено многочисленное посольство во главе с М. И. Татищевым. Ему действительно удалось уговорить сына грузинского царя посвататься к Ксении, но было уже слишком поздно — время правления Годуновых заканчивалось.

Взойдя на престол, Борис Федорович и Мария Григорьевна очень скоро забыли, что являются всего лишь народными избранниками, а не династическими государями царских кровей. Они попытались вознестись над подданными на небывалую высоту, внушая всем, что получили престол по воле самого Бога. Чванством, самовозвеличиванием и самолюбо-

ванием, мнительностью, подозрительностью и жестокостью они оттолкнули тех, кто мог бы стать опорой их трона.

Хотя царский дворец, обновленный царем Федором Ивановичем, был достаточно просторен и красиво отделан, Б. Ф. Годунов повелел построить на берегу Москвы-реки новую приемную палату, поражавшую иностранцев своими размерами: свод поддерживали сорок золоченых колонн, украшенных резьбой из листьев. Толщина их была такой, что два человека едва могли их обхватить. Вошедшие с трудом могли увидеть царя на троне, находившемся на противоположном конце зала. Гостей встречало не менее 300 придворных в подбитых соболями парчовых платьях, изготовленных в мастерских царицы. Борис сидел на золотом троне, украшенном самоцветами. Его одежда была из золотой парчи с узорами из драгоценных камней и жемчуга. На голове сияла корона из крупных алмазов.

Царевич Федор в первые годы правления отца сидел слегка поодаль от него на золотом стуле в более скромной одежде, даже не из парчи. Иногда его платье было из бархата, напоминавшего рысий мех, на ногах были сапоги из желтой кожи с жемчужной вышивкой. Приблизительно с 1604 года Федор стал соправителем часто болевшего отца и на официальных приемах восседал на таком же троне и в такой же, как у отца, одежде. Другим был только головной убор — вместо короны шапка из чернобурки. В руке он также держал жезл — символ царской власти. Держава была в виде пирамидки из золота с крестом и находилась на постаменте у трона (при Лжедмитрии I она стала в форме шара — «яблока»).

Во время обеда царь с царевичем сидели за серебряным столиком, позолоченные ножки которого напоминали звериные лапы. Пол украшал золототканый ковер, под потолком висели часы в виде короны, бившие каждый час.

В Столовой палате (избе) стояли горки с золотой и серебряной посудой самых разнообразных размеров и причудливых форм: в виде двуглавого орла, львов со скипетром в лапах и с мечом, носорогов, слонов, лошадей, оленей, медведей, единорогов, зайцев, собак, лосей, саламандр, драконов, змей, греческих и римских богов. Все они были либо подарены иностранными гостями царю, либо по просьбе Марии Григорьев-

ны куплены у купцов. Царица очень любила замысловатые и дорогие вещицы, поскольку в детстве и юности их даже не видела.

Английские купцы, зная о склонности к роскоши царственной четы, везли в Москву индийский жемчуг, изумруды, сердолики, готовые ожерелья из драгоценных камней, шелковые материи, миткаль, сафьян, тонкие полотна, сукна, вина, сахар (он в то время был редкостью), изюм, миндаль, лимоны, винные ягоды, чернослив, рис, перец, гвоздику, корицу, анис, кардамон, имбирь, мускатный орех, изделия из различных металлов, зеркала, золотые и серебряные нити, мыло, сандал, ладан, квасцы, используемые для косметических средств, камфору, рукомойники, погребцы, шкатулки, замки и многое другое, столь необходимое в царском быту. Обычно иностранным гостям полагалось все самые лучшие товары приносить во дворец, где Мария Григорьевна лично отбирала то, что ей нравилось. В этом отношении ни царевич Федор, ни царица Ксения инициативы не проявляли, полагаясь на вкус матери. Выросшие в довольстве, они были равнодушны к вещам.

В 1601–1603 годах страшное несчастье обрушилось на Русь — из-за сильного похолодания летом и непрерывных дождей осенью хлеба не вызрели, и начался голод. Царь пытался смягчить последствия неурожая: раздавал неимущим людям деньги из казны. Потом он приказал продавать дешевый хлеб из своих запасов на рынках, но и это почти не помогло. Тысячи людей умирали прямо на улицах городов, в деревнях и на дорогах. В этих условиях роскошные выезды царской семьи, обильные застолья во дворце для иностранных гостей в лучшем случае вызывали раздражение у большинства русских людей, в худшем — глухую ненависть.

Желая дать голодающим работу, царь Борис начал широкомасштабное строительство в Кремле. Был надстроен верх колокольни Ивана Великого, под куполом выбили огромными золочеными буквами полный титул Годунова, чтобы ни современники, ни потомки его не забыли. Эта надпись, как ни странно, сохранилась до сих пор, видимо, противники царя Бориса просто не смогли ее сбить, ведь колокольня долгие годы была самым высоким зданием Москвы.

Вторым грандиозным начинанием царя была постройка в Кремле точной копии иерусалимского храма Святая Святых с Гробом Господним внутри. Для его украшения даже отлили из чистого золота фигуры двенадцати апостолов и ангелов. Если бы пошедшее на их изготовление золото царь потратил на помощь голодающим, то многие жизни были бы спасены и благодарные подданные не предали бы потом Годуновых. Но Бориса не интересовало мнение о себе современников — простых людей. Ему хотелось прославиться на века.

Однако судьба распорядилась иначе. Храм Святая Святых не был достроен, Лжедмитрий I приказал его разобрать и из строительного материала возвести для себя дворец. Золотые статуи были перелиты на монеты царем Василием Шуйским, не имевшим средств для оплаты шведских наемников.

Вскоре Б. Ф. Годунову и Марии Григорьевне стало ясно, что Бог перестал им благоволить. Один за другим уходили близкие им люди. Еще в 1598 году умер опытный дворецкий царя Федора Ивановича Г. В. Годунов. В 1602 году скончался талантливый военачальник И. В. Годунов. В это же время ушла из жизни мать царицы Марфа Степановна, инокиня Новодевичьего монастыря. На помин ее души Мария Григорьевна пожертвовала большую по тем временам сумму — 500 рублей. Больше выделялось только на помин души особ царского рода — 1000 рублей.

Через год царскую семью постигла еще более тяжелая утрата — скончалась царица-инокиня Ирина — Александра, которая своим высоким авторитетом в широких народных массах служила надежной опорой трона Б. Ф. Годунова. Среди простонародья поползли слухи, что Борис отравил сестру за то, что она порицала его за жестокие опалы, за непомерное тщеславие, любовь к роскоши и всему иностранному, за забвение основных Божьих заповедей. Конечно, обвинение было ложным, но оно наглядно показывало, насколько отрицательным было отношение в обществе к царю, который совсем недавно был всенародным избранником.

Несомненно, что те, кто организовал авантюру с появлением «чудесно спасшегося царевича Дмитрия», последнего сына Ивана Грозного, который на самом деле погиб в Угличе в 1591 году при невыясненных обстоятельствах, прекрасно

были осведомлены о ситуации и настроениях в России. Они учитывали и всеобщую нелюбовь к Б. Ф. Годунову, и то, что русские люди, незнакомые с явлением самозванчества, были достаточно легковерны.

Для царя Бориса и его жены появление самозваного царевича стало полной неожиданностью. Своими врагами они считали русских бояр и зорко следили за их действиями. Некоторым наиболее знатным князьям, таким, как Ф. И. Мстиславский, В. И. Шуйский, И. М. Воротынский, даже запрещалось жениться, чтобы в будущем их потомки не стали оспаривать у Годуновых трон. Опасность же, как оказалось, пришла из соседней Польши.

Б. Ф. Годунов тут же повелел своим ищейкам выяснить, кто назвался именем давно умершего царского сына. Те вскоре узнали, что это беглый чудовский монах Гришка Отрепьев. На всякий случай в Москву для допроса привезли из далекого северного монастыря мать настоящего царевича Дмитрия Марию — Марфу Нагую. Борис вместе с женой устроили ей настоящий допрос. Их интересовало, мог ли царевич быть в живых. Хитрая царица-инокиня, когда-то утверждавшая, что царевич Дмитрий был убит подосланными Годуновым наемниками, на этот раз уклончиво сказала, что, возможно, царевич и спасся, поскольку в младенчестве мог быть подменен. Об этом ей якобы говорили какие-то люди, ныне умершие.

От этих слов Мария Григорьевна буквально пришла в ярость и даже попыталась пламенем свечи выжечь бесстыжие глаза Марии-Марфы. Но муж остановил ее, не желая публичного скандала и усугубления и так уже сложной ситуации. На всякий случай он повелел отправить Марфу Нагую не в столь отдаленный монастырь и приставил к ней охранников. Но это уже было бесполезным. Самозванческая авантюра стала набирать обороты.

Осенью 1604 года небольшое войско Лжедмитрия вторглось на русскую территорию. Разбить его могли даже воеводы приграничных городов. Но они этого не сделали, а, наоборот, в массовом порядке стали переходить на сторону «прирожденного царского сына». Отправленное из Москвы войско в первой же битве под Новгородом-Северским потерпело поражение. Это сделало «царевича Дмитрия» настолько

популярным, что воеводы многих городов не только сами перешли на его сторону, но и стали арестовывать тех, кто хотел быть верным царю Борису. Положение несколько выправил присланный в войско князь В. И. Шуйский, который в январе 1605 года в битве при Добрыничах нанес самозванцу сокрушительный удар. Однако развить успех он не сумел. Более того, боясь измены в тылу, царское войско ушло с завоеванных позиций и надолго застряло в болотах у крепости Кромь.

Воеводы опасались сообщать в Москву о своих неудачах, и царь перестал получать с фронтов достоверную информацию. Сам он, находясь в Москве, не мог руководить боевыми операциями, сына отправить на войну боялся.

В итоге 13 апреля, не выдержав напряженной ситуации, царь Борис скончался от апоплексического удара. Мария Григорьевна с детьми попала в очень тяжелое положение: около них не оказалось ни одного мудрого советчика, способного подсказать единственно верный ход: царевич Федор, которому к тому времени исполнилось 16 лет, должен был встать во главе войска и в решающей схватке с самозванцем доказать, что достоин царского трона больше, чем беглый монах и обманщик.

Сам Федор Борисович оказался неспособным на столь решительный и смелый шаг, ведь отец готовил его не к войнам, а к мирному управлению процветающей и покорной страной. Мария Григорьевна, как всякая любящая мать, не могла и подумать о том, чтобы ее сын вступил в схватку с коварным и безжалостным врагом. Она полагала, что под ее опекой и защитой тот будет в безопасности.

Поэтому сразу после того, как царь Борис был горько оплакан и с пышностью похоронен в Архангельском соборе рядом с Иваном Грозным и Федором Ивановичем, официально объявили, что правителями страны становятся царица Мария Григорьевна и царевич Федор Борисович. Это означало, что главный наследник не получал всю полноту власти и оставался под опекой матери.

Это была вторая ошибка Марии Григорьевны. Ей не следовало ограничивать власть сына — он должен был взойти на престол полновластным государем, поскольку к этому давно был готов.

Можно предположить, что Мария Григорьевна совершала роковые ошибки и из-за того, что не считала царевича Федора взрослым, и из-за того, что была тщеславной и сама захотела поцарствовать.

По приказу царицы население страны обязали дать присягу новым государям. Многие сделали это неискренне, надеясь в скором времени перевернуться на сторону «прирожденного царевича Дмитрия». К тому же по стране поползли слухи о том, что царя Бориса настигла справедливая «Божья кара» за все его преступления. Некоторые даже считали, что Годунов отравился сам, чувствуя бесперспективность борьбы с «подлинным царским сыном», настоящим наследником престола.

Но Мария Григорьевна ничего этого не знала или не хотела знать. Она надеялась, что щедрые раздачи поминок по умершему мужу остановят подданных от измены (за шесть недель было роздано 70 тысяч рублей), а пышная коронация закрепит царский трон за ее сыном. Поэтому в Москву были отозваны главные военачальники для участия в церемонии венчания Федора на царство. В итоге войско оказалось без таких опытных и не склонных к измене полководцев, как князья Ф. И. Мстиславский, В. И. Шуйский и его брат Дмитрий Иванович (свояк Марии Григорьевны).

Новыми назначениями в армии занялся С. Н. Годунов, более известный как главный царский наушник и сплетник. На вакантные должности он назначил своих родственников и друзей. Главнокомандующим должен был стать князь М. П. Катырев-Ростовский, склонный к конфронтации с другими полководцами. Под стать ему был и другой военачальник, З. И. Сабуров, состоявший в родстве с Годуновыми. Воевода П. Ф. Басманов возмутился, что получил должность ниже зятя С. Н. Годунова — князя А. А. Телятевского. В руководстве полков вспыхнули местнические споры, которые в Москве не смогли или не захотели разрешить. Там все были озабочены составлением чина венчания на царство Федора Борисовича и, казалось, совершенно забыли о грозном сопернике Лжедмитрии.

Самозванец, напротив, не дремал. Его сторонники по всей стране проводили умелую агитацию. Проникли они и в царское войско под Кромами, которое стало совершенно неде-

способным из-за местничества и неопределенности ситуации в стране.

7 мая 1605 года большая часть войска Годунова перешла на сторону Лжедмитрия и присягнула ему. Защищать московских правителей стало некому.

Но даже в этой критической ситуации Мария Григорьевна с детьми могли бы спастись, если бы они бежали за границу, например в Англию. У Б. Ф. Годунова с королевой Елизаветой были самые дружеские отношения, поэтому его семья могла рассчитывать при королевском дворе на защиту и помощь. Однако новые московские правители сочли, что кремлевские стены защитят их от любых врагов, и с места не сдвинулись. Они даже не усилили охрану Кремля и беспечно держали открытыми все ворота.

1 июля москвичи, спровоцированные гонцами Лжедмитрия на восстание, без какого-либо препятствия ворвались в царский дворец и свергли с престола и Марию Григорьевну, и ее сына Федора. Всех родственников Годуновых под конвоем отвели на старый боярский двор и стали ждать указаний из ставки самозванца.

Воспользовавшись безвластием, москвичи разграбили царские подвалы и кладовые и опустошили большие запасы спиртных напитков. Во время погромов они нашли восковую фигуру ангела, служившую формой для отливки золотых статуи. Упившаяся чернь почему-то решила, что именно такая фигура была похоронена вместо царя Бориса, а сам он бежал за границу. Это послужило сигналом для осквернения его захоронения. Труп царя был выброшен из гробницы в Архангельском соборе и под улюлюканье толпы оттащен в убогий Варсонофиевский монастырь на окраине города. После этого на дороги были посланы конные отряды для поимки царя-беглеца.

Обо всем этом с ужасом рассказывали Марии Григорьевне и ее детям слуги, испытывавшие сочувствие к пленникам. Естественно, такие вести повергли царицу в шок и заставили Ксению горько плакать. Становилось ясно, что в москвичей вселились бесы и ждать пощады от них невозможно.

7 июня в Москву прибыли посланцы от «царевича Дмитрия» князя В. В. Голицын и В. М. Мосальский с отрядом

стрельцов. Им было приказано решить судьбу свергнутых правителей. Возможно, у них не было приказа убивать пленников, но, желая выслужиться перед новым претендентом на корону, они вошли в дом Годуновых с одной целью — расправиться с царицей и царевичем, поскольку те имели законные права на престол.

Увидев своих убийц, Мария Григорьевна не стала сопротивляться и тут же была задушена. Федор попытался отбиться от своих палачей, но силы были неравными. Царевича повалили на пол и также убили. Посланцы Лжедмитрия пощадили только царевну Ксению, которая никакой угрозы для него не представляла и даже, напротив, вызывала его интерес, поскольку слыла необычайной красавицей.

Москвичам, которые все время толпились у боярского дома Годуновых, убийцы сказали, что Мария Григорьевна и Федор сами выпили яд и умерли, откачать и спасти удалось только Ксению. Поскольку самоубийцы в то время считались большими грешниками, бывшую царицу и ее сына без всяких почестей похоронили в том же Варсонофиевском монастыре подле царя Бориса.

Так бесславно закончилось правление первого выборного царя, его жены и сына. Получив престол не как законные наследники престола, а как избранники Земского собора, Годуновы оказались недостойны царской короны. Они полагали, что могут самовластно править по своему усмотрению, как «прирожденные государи», а им следовало постоянно учитывать мнение русского общества, завоевывать его доверие, уважение и любовь.

Своими чванством, мнительностью и коварством Годуновы вызвали ненависть у многих русских людей, поэтому, когда у них появился противник в лице самозванца Лжедмитрия, никто не захотел защищать их престол.

Несчастливая дочь царя Бориса

Смутное время начала XVII века принесло горе и беды многим русским людям, но у некоторых оно полностью перекрестило прошлое — счастье и благополучие навсегда за-

менилось чередой постоянных невзгод и страданий. К их числу принадлежала царевна Ксения Борисовна, долгожданная и любимая дочь первого выборного царя Б. Ф. Годунова. Природа наделила ее необычайной красотой, пытливым умом, благонравием и многими другими достоинствами. Но в эпоху больших потрясений для всего русского общества это лишь усугубило печальную участь девушки.

Точная дата рождения Ксении не известна, но существует мнение, что она появилась на свет между 1582 и 1584 годом. У ее родителей, боярина Б. Ф. Годунова и М. Г. Скуратовой-Бельской, долго не было детей. Поэтому первенец Ксения стала для всех настоящей любимицей. Ее обожали не только родители, но и бездетные дяди и тети с обеих сторон: будущая царица Ирина Федоровна — сестра отца, Екатерина Григорьевна Шуйская — сестра матери, Дмитрий Иванович Годунов — дядя отца и др.

У маленькой боярышни все было самое лучшее: и красиво убранная колыбелька, и платьица, и башмачки, и потешные игрушки. Ее здоровье и покой оберегали многочисленные няньки и мамки. Отец мог достать для любимой дочери буквально все, поскольку был царским шурином (царь Федор Иванович, муж Ирины Годуновой, воцарился в 1584 году). Вскоре Б. Ф. Годунову позволили построить на территории Кремля обширный двор, и у дочери появился собственный терем. В пять лет специально нанятый священник начал обучать ее грамоте. Ученица оказалась очень понятливой и быстро пристрастилась к чтению. Особенно увлекали ее жития святых и повествования о дальних странах и народах.

Ксения выросла настоящей красавицей: среднего роста, статная, с хорошо развитыми формами, черными густыми волосами, огромными глазами, ярким румянцем во всю щеку и алыми губками. К тому же она обладала замечательным голосом, восхищавшим всех, кто его слышал. Все говорило о том, что у родителей не возникнет проблем с замужеством дочери. Однако в этот вопрос жизнь внесла большие поправки — Ксении так и не суждено было обрести семейное счастье.

Когда девушка достигла возраста невесты, в жизни ее отца произошли огромные перемены. После смерти бездет-

ного царя Федора Ивановича в 1598 году и отказа его вдовы Ирины Федоровны править на престол был избран ее брат — Б. Ф. Годунов. С этого момента его дети приобрели новый статус: Ксения стала царевной, Федор — царевичем. Выдавать замуж дочь или женить сына на своих подданных чванливый царь Борис не захотел. Он стал срочно подыскивать подходящего жениха для подросшей дочери среди родственников европейских монархов. Опытные дипломаты подсказали, что наиболее подходящим женихом мог бы стать сорокалетний шведский принц Густав, изгнанный дядей из страны. Россия могла превратиться для него во вторую родину, а сам принц мог стать претендентом на ливонский престол — буферное государство между Польшей и Швецией, за обладание которым в течение многих лет вел безуспешную борьбу Иван Грозный.

В начале 1599 года к Густаву были отправлены русские посланники, которые уговорили его переехать в Москву. При этом ему, возможно, даже не сказали, что он должен жениться на царской дочери. В противном случае удалось бы избежать возникших потом неприятностей.

Королевич был рад гостеприимной встрече, с удобством расположился в большом доме, нашёл роскошных нарядов и стал приглашать к себе на службу шведскую знать. При этом он не забыл и свою тайную любовь — жену немца, у которого он довольно долго жил. Та быстро стала хозяйкой в доме Густава, взяла под контроль все царские пожалования, присвоила драгоценности и публично начала выезжать в роскошных экипажах из царской конюшни, которые царь Борис радушно предоставил будущему родственнику.

Москвичи, знавшие о брачных планах Годунова, стали откровенно потешаться над царевной Ксенией. Царь, естественно, об этом узнал. К тому же хорошо отлаженная система доносов поставила его в известность о недостойном поведении Густава. В результате, к радости Ксении, королевич лишился статуса женихом и был отправлен в ссылку в Углич.

Русские дипломаты вновь стали подыскивать царевне нового заморского принца. Им оказался младший брат датского короля Христиана IV Иоганн. Он был молод, хорош собой и покладист. Сразу согласился навсегда переехать в Россию

и поменять протестантство на православие. Возможно, его соблазнила не только перспектива получения обширных земельных владений, но и необычайная красота невесты, поскольку царь Борис, следуя европейской моде, отправил ему парсуну Ксении.

В августе 1602 года корабль с Иоганном прибыл в Иван-город. Там королевич был с почетом встречен царскими приставами и отправлен в Москву. Видный дипломат М. Г. Салтыков во время этой поездки был обязан постоянно докладывать в Москву о том, как одет Иоганн, что ест, чем любит заниматься.

На основе наблюдений Салтыкова выяснилось, что датский принц очень скромен, искренне стремится познакомиться с обычаями новой для него страны и обладает легким нравом. Все это выгодно отличало его от заносчивого и своенравного Густава. Поэтому еще до приезда жениха у Ксении создалось о нем самое приятное впечатление.

Очень может быть, что русская царевна и датский принц были бы идеальной парой, но им не суждено было даже встретиться и познакомиться из-за суровых обычаев в Русском государстве.

При въезде в столицу Иоганна торжественно встречали все москвичи. Сам царь Борис с сыном Федором наблюдали за этим с кремлевской стены. Затем во дворце состоялся официальный прием принца. Ксения с матерью могли наблюдать за этой церемонией в потайное окошечко, поскольку присутствовать на ней им не полагалось.

Несомненно, царской дочери должен был понравиться высокий и стройный юноша с благородной осанкой, красивым и привлекательным лицом. Он носил черный камзол с серебряной отделкой, подчеркивавший его изящество и аристократичный внешний вид. Держался Иоганн просто, но с достоинством, которое не отталкивало, а лишь заставляло уважать его высокое происхождение.

Царю Борису новый жених дочери очень понравился. На пиру он усадил его рядом с собой и усиленно потчевал. Потом были доверительные беседы о путешествии по Московии, о датском короле, о возможных теплых взаимоотношениях между странами и т. д.

Хотя жених и невеста мечтали поскорее встретиться, свадьбу решили отложить до зимы. Иоганну необходимо было выучить русский язык, получше ознакомиться с обычаями будущей родины и, главное, принять православие.

В октябре царь с семьей отправились на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, однако паломническая поездка государя оказалась совсем недолгой. Поздно вечером 16 октября из Москвы прискакал гонец с известием, что датский принц тяжело заболел. Причина его недуга так и осталась неизвестной.

По приказу Бориса к Иоганну приставили лучших докторов, но те ничем не могли облегчить страдания юноши. 28 октября он скончался, навсегда похоронив надежды царевны Ксении обрести семейное счастье.

Похороны датского принца были очень пышными, совершенно в европейском духе. Местом его упокоения стал лютеранский храм в Немецкой слободе, поскольку зимой отвезти его останки на родину было невозможно.

Хотя Ксения была безутешна, царь Борис решил поскорее найти ей нового жениха — ведь для невесты она становилась довольно перезрелой. Наконец в Грузии московские посланцы смогли найти подходящего кандидата — сына местного правителя царевича Теймураза. Но пока он собирался в путь, в Москве стало не до свадебных празднеств. Осенью 1604 года на территорию Русского государства вторгся самозванец, назвавшийся именем давно умершего царевича Дмитрия. Ловкому авантюристу удалось склонить на свою сторону многих воевод северских городов.

Несомненно, Ксения с тревогой узнавала о том, что у отца все больше противников и меньше сторонников. Возможно, она осознавала, что в сложившемся положении виноват он сам, поскольку совершил много ошибок. Не захотел выдать ее замуж за какого-нибудь русского князя или найти невесту для сына в боярской среде, чтобы в лице новых родственников получить опору для трона. По ничтожному и явно надуманному поводу расправлялся со знатными людьми; был мнителен и подозрителен и активно поощрял систему доносов; с пренебрежением относился ко всему русскому и покровительствовал иностранцам. Все это привело к тому, что

подданные перестали любить своего государя и были готовы поддержать любого его соперника, даже явного авантюриста Лжедмитрия.

Военные неудачи и неприятные вести окончательно подточили слабое здоровье Бориса. 13 апреля он скоропостижно скончался. Тут же выяснилось, что ни царевич Федор, ни Мария Григорьевна не способны твердо взять власть в свои руки. 1 июня 1605 года стало последним днем правления первых выборных государей.

Выросшая в атмосфере родительской любви и материального благополучия, Ксения не знала, как бороться с противниками, как защищать свою жизнь. Поэтому, когда в царский дворец ворвались москвичи, она со смирением позволила отвезти себя на старый боярский двор. Аналогично вели себя и Федор с матерью. Даже многочисленные родственники, жившие в Кремле, не стали их защищать. Они тут же отправились в ставку Лжедмитрия в Туле, чтобы покаяться и дать клятву верности.

Ксения с матерью и братом также были готовы признать права на престол «прирожденного царевича». Ведь все убеждали их в том, что он — подлинный сын Ивана Грозного. Им даже пришлось забыть, что в ходе расследования патриарха Иова выяснилось, что «царевичем» назвался беглый монах Гришка Отрепьев.

Однако Лжедмитрию не нужны были возможные соперники. Утром 7 июня в покои бывшей царицы, царевича и царевны ворвались князь Голицын и Мосальский со стрельцами. Мария Григорьевна и Федор были убиты. От всего увиденного Ксения потеряла сознание, и ее, полумертвую, отвезли в дом Мосальского.

После всего пережитого Ксения долго не могла прийти в себя. Вскоре она поняла, что было бы лучше погибнуть вместе с матерью и братом. Ведь ее ожидала позорная участь наложницы лжеца и авантюриста, ставшего убийцей матери и брата.

20 июня царевна узнала, что Лжедмитрий I прибыл в столицу, радостно приветствуемый жителями. Через несколько дней после пиров по случаю победы он повелел привезти к себе Ксению. Прекрасная пленница произвела на него неиз-

гладимое впечатление. От струящихся по щекам слез огромные карие глаза блистали небесным светом, бедное лицо было словно облитое молоком, длинные черные волосы струились по плечам и спине.

Девушка упала к ногам самозванца и стала умолять отправить ее в монастырь, где бы она могла оплакать родных. Однако Лжедмитрий заверил пленницу в том, что будет ее защитником и добрым покровителем, что жить она будет по-прежнему в своем царском тереме на полном казенном обеспечении. Более того, он постарался убедить ее в том, что не отдавал приказа убить ее мать и брата. Все это якобы сделали нерадивые слуги по своей инициативе, за что будут наказаны.

С тяжелым сердцем вернулась Ксения в свои покои, где все ценные вещи были разворованы москвичами. Тихая келья в отдаленном монастыре казалась ей много милее.

Несколько месяцев царская дочь находилась во власти самозванца. Он навещал ее довольно часто, делал подарки, старался быть ласковым и внимательным. Но девушка прекрасно знала, что в Польше у него есть невеста Марина Мнишек, что по ночам в его покоях устраиваются попойки, на которые насильно доставляют красивых девушек со всей округи, в том числе и из монастырей. Поэтому, когда в январе 1606 года Лжедмитрий объявил ей, что вынужден с ней расстаться и наконец-то выполнит просьбу о пострижении, она очень обрадовалась. С легким сердцем отправилась она на Север — в Горицкий монастырь. Там она из царевны превратилась в монахиню Ольгу.

Местные инокини встретили ее с большим сочувствием. К этому времени многие представители духовенства уже разочаровались в «царе Дмитрие». Оказалось, что он не слишком хорошо исполнял православные обряды: редко постился, любил телятину, не любил мыться в бане, прелюбодействовал не только с девушками, но и с юношами.

Ксения-Ольга решила, что наконец-то успокоит душу. Она много молилась, читала душеспасительные книги, пела в церковном хоре и занималась рукоделием, вышивая пелены и «воздухи» для местной церкви. Известия из Москвы ее совсем не интересовали, и прошлое стало казаться чем-то далеким и чужим.

Однако в мае пришла весть, что Дмитрий Иванович женился на полячке и католичке Марине Юрьевне и теперь необходимо молиться и за ее здоровье и долголетие. Не успели монахини обсудить это важное событие, как пришла еще более важная правительственная грамота, но не от Дмитрия, а от царя Василия Ивановича. Из нее все узнали, что «царевич Дмитрий» был подлым обманщиком и авантюристом Гришкой Отрепьевым, поэтому москвичи его свергли и избрали новым государем В. И. Шуйского, исключительно благочестивого князя из древнего рода Рюриковичей.

Для Ксении-Ольги это известие было радостным: наконец-то ее ближайшие родственники были отомщены, правда восторжествовала и она может вернуться в Москву. Монахиня тут же написала письмо своей тетке Екатерине Григорьевне, жене царского брата Д. И. Шуйского. В ответ та пообещала похлопотать об изменении печальной участи пленницы.

Уже летом 1606 года Ксении-Ольге было позволено вернуться в столицу. Новый царь хотел быть ко всем добрым, но реабилитировать царя Бориса Годунова он не собирался. Ему было необходимо всячески разоблачить самозванца Гришку Отрепьева, и сделать это можно было, по его мнению, только с помощью объявления настоящего царевича Дмитрия новым святым мучеником. Поэтому версия Нагих о том, что царевич был убит по приказу Б. Ф. Годунова, получила официальное признание. Останки Дмитрия торжественно перенесли из Углича в Москву и установили в Архангельском соборе.

Ксении-Ольге, как дочери цареубийцы, лишь позволили перезахоронить останки родственников из Варсонофиевского монастыря в более богатый и всеми почитаемый Троице-Сергиев монастырь. Эту акцию царь Василий Иванович решил сделать публичной, чтобы все увидели, каким жестоким человеком был Лжедмитрий.

Когда траурная процессия с гробами Годуновых двинулась из Варсонофиевского монастыря в Троице-Сергиев, Ксения-Ольга громко зарыдала, вызывая у всех слезы жалости и сочувствие. Царевна осознавала, что вновь стала заложницей политических интриг сильных мира сего, но унять свое го-

ре не могла. Успокаивало ее сердце лишь то, что ей позволили поселиться рядом с дорогими могилами в Троице-Сергиевом монастыре и даже выделили из казны на содержание приличную сумму денег. На них она смогла построить келью, нанять служанку, сшить необходимую одежду, купить иконы и книги.

После этого несчастной девушке показалось, что ее жизнь наладилась, стала тихой и размеренной. Но надежды на покой оказались преждевременными. Смута в стране только разгоралась.

Летом 1607 года в Стародубе появился Лжедмитрий II и начал собирать войско для похода на Москву. Через год он уже оказался у стен столицы и обосновался в Тушине. Желая занять все окрестности, он приказал захватить богатый Троице-Сергиев монастырь. Так началась 16-месячная осада, принесшая обитателям монастыря множество бед и страданий. Ситуацию осложнило то, что под защиту крепких монастырских стен собрались все местные крестьяне с женами, детьми и имуществом. Стало так тесно, что буквально яблоку некуда было упасть.

Архимандрит Иоасаф собрал всех и заставил дать клятву верности, ведь из-за измены монастырь мог быть захвачен сторонниками нового Лжедмитрия, среди которых было много поляков-католиков и ни во что не верящих казаков. Они не пощадили бы православные святыни, все разграбили бы, сломали и сожгли. По указанию монастырских властей каждый защитник стал четко исполнять свои обязанности. Ксения-Ольга вызвалась помогать больным и раненым, которых с каждым днем становилось все больше и больше. Военские люди получали раны во время частых вылазок, мирных людей калечили ядра, которыми противники очень часто обстреливали монастырь.

13 октября 1608 года начался штурм стен и башен. Ксения-Ольга вместе со всеми поливала казаков и поляков кипятком, смолой, забрасывала камнями и мешками с землей. При этом она мысленно просила Иисуса Христа и Богородицу защитить обитель от разграбления и осквернения. Ее молитвы, судя по всему, были услышаны. Штурм был отбит. Не удалась и все последующие атаки.

Зима прошла в постоянных сражениях, заботах о хлебе насущном, свежей воде и дровах. К весне перестало хватать нормальной пищи, лекарств, сена для лошадей. Многие люди впали в уныние и заболели. Больше всего угнетало то, что неоткуда было ждать помощи. Царь Василий Шуйский сам был заперт в осажденной Москве, многие города перешли на сторону самозванца, и их жители уговаривали монастырские власти сдаться. Казалось, что страдать от осады нет смысла. Но все же защитники обители решили стоять до конца. Воевода Г. Б. Долгорукий твердой рукой подавлял все попытки измены, следил за дисциплиной в небольшом войске, привлекал к обороне монастырских слуг, крестьян, требовал, чтобы монахи поддерживали боевой дух с помощью всеобщих молебнов, обрядов крестоцелования и т. д.

Несмотря на все принимаемые меры, зимой 1609 года очень многие обитатели монастыря впали в уныние. В таком же состоянии находилась и Ксения-Ольга. Заболев, она написала тетке Екатерине Григорьевне прощальное письмо, в котором сообщила, что чуть жива, совсем больна вместе с другими старицами. Никто из них не надеется спастись, все с часу на час ожидают смерти.

Поскольку еды почти не осталось, архимандрит Иоасаф распорядился варить похлебку только для воинов. Монахам и монашкам приходилось питаться одной водой с хлебом или сухарями. Из-за такого скудного рациона у многих началась цинга. Совершенно больная Ксения-Ольга уже не могла ухаживать за ранеными, она тихо лежала в своей келье и молилась. От некогда просторных помещений осталась только крохотная каморка, все остальное пошло на дрова. Становилось ясно, что третью зиму уже никто не переживет. Но когда казалось, что спасения нет, пришла радостная весть, что на помощь монастырю идут полки князя М. В. Скопина-Шуйского.

В конце 1609 года прибыл отряд Д. Жеребцова, а в январе 1610 года основное войско освободителей окончательно отогнало тушинцев. Наконец-то монастырские сидельцы смогли выйти за крепостные стены. Сразу же начались работы по очистке монастыря от мусора — его было вывезено более ста возов, и, конечно, подсчитаны потери. Оказалось, что за вре-

мья осады погибло две тысячи сто двадцать пять мужчин; женщин и детей вообще никто не учитывал, среди них смертность также была очень большой.

Настрадавшись во время осады, Ксения-Ольга не захотела больше оставаться в Троице-Сергиевом монастыре. Вместе с другой постриженницей из царского рода, Марфой Владимировной, дочерью удельного князя Владимира Старицкого и вдовой ливонского короля Магнуса, она отправилась в Новодевичий монастырь. Он был совсем рядом со столицей и казался более безопасным местом. Царевне хотелось поселиться в покоях своей тетки, Ирины-Александры, вдовы царя Федора Ивановича, где прежде она часто гостила. Ведь у нее сохранились самые лучшие воспоминания о тех днях.

Местные монахини дали бедной страдальнице кое-что из утвари тетки, пожалованной в монастырь Б. Ф. Годуновым. Ксения-Ольга немного приободрилась и даже стала подумывать, что наконец-то ее жизнь вновь войдет в спокойное русло. Но это была всего лишь очередная иллюзия.

В апреле 1610 года внезапно скончался полководец-освободитель М. В. Скопин-Шуйский. Москвичи стали поговаривать, что его отравила на пиру тетка царевны Екатерина Григорьевна, пожелавшая устранить соперника своего мужа, метившего на царский престол (у В. И. Шуйского не было детей-наследников). Несомненно, эти слухи достигли Новодевичьего монастыря и сразу испортили отношение к Ксении-Ольге остальных монахинь. Вновь все стали говорить, что ее род несет Руси одни беды.

Действительно, Д. И. Шуйский метил на царский престол. После смерти Скопина он возглавил царское войско, но в июне бездарно проиграл Клушинскую битву польскому гетману С. Жолкевскому. Этим он подписал приговор и себе, и своему брату царю. Недовольство Василием Шуйским достигло предела. 17 июля дворяне свергли его с престола, постригли в монахи и вместе с братьями отдали в польский плен.

Царевна Ксения лишилась последней поддержки, поскольку ее влиятельная тетка Екатерина Григорьевна также была отправлена в Польшу.

Вскоре монахини Новодевичьего монастыря вновь оказались под угрозой захвата поляками. Двигаясь к столице, гет-

ман Жолкевский подошел к городу со стороны монастыря и расположился со своим войском неподалеку. На этот раз защищать обитель было некому.

Но поляки вступили с московскими боярами в переговоры по поводу воцарения королевича Владислава и были заинтересованы в том, чтобы произвести на возможных подданных наилучшее впечатление. Через некоторое время договор был подписан, и население страны стали приводить к присяге новому государю.

Однако не все русские люди смирились с тем, что ими будет править поляк-католик. По призыву патриарха Гермогена многие городовые воеводы стали объединяться в ополчение для изгнания поляков с русской земли. К формирующемуся в конце 1610 года из городских дружин ополчению присоединились и бывшие тушинцы, лишившиеся своего государя-самозванца. В итоге состав ополчения оказался очень пестрым.

В конце марта 1611 года так называемое «Первое ополчение» подошло к Москве, собираясь начать штурм крепостных стен. На пути его оказался Новодевичий монастырь. Это вновь заставило многострадальных монахинь испытать чувство страха. Бои проходили совсем рядом. Только к лету, когда поляки со своими сторонниками оказались запертыми в Китай-городе и Кремле, обстановка немного улучшилась.

Вскоре, однако, обитательницы Новодевичьего монастыря узнали, что им стоит опасаться не только интервентов, но и своих освободителей. После гибели одного из руководителей ополчения, П. П. Ляпунова, казаки из числа бывших тушинцев под руководством И. Заруцкого занялись грабежами. Новодевичий монастырь показался им ценной добычей, поэтому они напали на него. Казаки-грабители забрали всю ценную церковную утварь, сорвали с икон дорогие оклады. Не пощадили они и монахинь: ограбили их до нитки, а молодых и красивых увели в свой лагерь для любовных утех. Ксения-Ольга и Марфа Владимировна оказались даже без крыши над головой, так как казаки сожгли все деревянные монастырские постройки.

Но один руководителей ополчения, князь Д. Т. Трубецкой, сжалился над ними и повелел под охраной отвезти подальше от полей сражения во владимирский Княгинин монастырь.

Его в самом начале XIII века основала жена Всеволода Большое Гнездо Мария Ясыня для женщин знатного рода. Сохранился он на казенный счет и был достаточно безопасным местом.

Только на Владимирской земле несчастная дочь Бориса Годунова обрела относительный покой. Здесь она познакомилась с подругами по несчастью: двумя постриженными женами царевича Ивана Ивановича — Евдокией Юрьевой Сабуровой и Прасковьей Михайловной Соловой, а также с Марией Петровной Буйносовой, постриженной женой В. И. Шуйского, которую бояре из уважения к ее заслуженному роду не отдали в польский плен. Прасковья Соловая уже давно жила в Княгининском монастыре, остальные — в Покровском в Суздале.

Владимирский воевода А. И. Измайлов, как мог, заботился о знатных монахинях. Выделял им необходимое количество продуктов, поставлял дрова, нанял слуг. Здесь Ксения-Ольга снова занялась чтением книг и рукоделием. Вместе с другими царицами и царевнами она любила проводить время в беседах о пережитом, о превратностях человеческих судеб, о Божьем промысле.

В феврале 1613 года пришло известие, что после освобождения Москвы от поляков новым государем избран юный Михаил Федорович Романов, приходившийся царю Федору Ивановичу двоюродным племянником. Появилась надежда, что со Смутой будет покончено раз и навсегда и что вернуться прежние времена спокойствия, довольства и процветания.

Уже в следующем году выяснилось, что мать нового царя, великая государыня старица Марфа Ивановна, решила покровительствовать всем знатным постриженицам. Она стала присылать в Княгинин монастырь подарки для Прасковьи, Марфы и Ксении-Ольги. Позже Прасковью перевели в Ивановский монастырь в Москве, где ее жизнь стала много лучше. Мария Буйносова переехала в восстановленный Новодевичий монастырь. Марфа Владимировна улучшения своей жизни не дождалась. Ксения-Ольга осталась в Княгининском монастыре, поскольку Марфа Ивановна недолюбливала весь ее род, помня о том, что именно Борис Годунов постриг ее в монахини и обрушил на всю семью жестокие репрессии.

Но царевна не держала на нее зла. Она уже не ждала от жизни радости или каких-либо счастливых перемен. Ей казалось, что все в прошлом и нужно думать только о будущей вечной жизни. Поэтому ежедневный пост, молитвы и ночное бдение стали ее образом жизни. Этим она надеялась замолить все грехи отца и своих родственников.

Со временем красота ее полностью поблекла, а тело высохло. Желая быть погребенной рядом с родными, она попросила дальнего родственника Вельяминова похоронить ее в Троице-Сергиевом монастыре и отдать немногочисленное имущество на помин души. У нее были лишь несколько шуб, посуда, книги и иконы.

Распорядившись обо всем, в 1622 году многострадальная царевна тихо скончалась. Родственник выполнил ее просьбу и захоронил рядом с матерью, отцом и братом. Ныне усыпальница Годуновых находится рядом с Успенским собором Троице-Сергиева монастыря, напоминая всем верующим о трагической участи первого избранного на царский престол государя и его семьи.

«Московская царица»

Жена двух самозванцев Лжедмитриев Марина Юрьевна Мнишек много лет претендовала на российский престол, называя себя «московской царицей». Основанием для этого послужило венчание ее на царство по обряду, разработанному для наследников престола, которое было совершено до ее свадьбы с Лжедмитрием I.

Русские люди не признавали права на корону польской шляхтянки, поскольку оба ее мужа были откровенными авантюристами, взявшими чужое имя для достижения вершин власти. Однако для полного представления о царицах XVII века необходимо составить и ее исторический портрет.

Марина родилась приблизительно в 1588 году в семье знатного польского шляхтича Юрия Мнишека и принадлежащей к такому же знатному роду Ядвиги Тарло. Она была третьим ребенком в семье, старше были братья Николай и Станислав, младше — сестра Урсула. Поначалу жизнь Мнишек,

видимо, складывалась достаточно благополучно. Юрий был назначен старостой Самбора и получил в управление королевское имущество. Однако значительные семейные расходы и собственная склонность к роскоши вскоре привели его к большим долгам. После смерти жены, чтобы поправить семейные дела, Юрий вновь женился, на Софье Головинской, но ее приданое оказалось не слишком большим. В результате над Мнишеком нависла угроза судебного разбирательства и обвинения в растрате королевского имущества.

К этому времени сыновья Николай и Станислав выросли и получили официальные назначения: первый стал старостой луковским, второй — саноцким. Была выдана замуж и дочь Урсула. Из-за того что приданое было весьма незначительным, ей пришлось стать женой князя Константина Вишневецкого, уже слишком зрелого для жениха (ему было 40 лет). Подобная участь ожидала и Марину.

Несомненно, считавшая себя красавицей, честолюбивая шляхтянка мечтала о большем. Поэтому она с нескрываемым интересом отнеслась к известию о том, что у двоюродного брата Константина Вишневецкого Адама проживает русский царевич Дмитрий. Его история представлялась буквально сказочной. В детстве его неоднократно хотел убить злобный боярин Борис Годунов, мечтавший сесть на престол после смерти бездетного царя Федора Ивановича. Поэтому один из верных служителей заменил царевича простым мальчиком и надежно его спрятал. Подмену никто не заметил, даже родная мать. После нескольких покушений Годунову удалось достигнуть своей цели — ребенок, заменивший Дмитрия, был убит. Сам царевич стал скрываться в монастырях, а повзрослев, бежал в Польшу.

Многие представители польской знати поверили новоиспеченному царскому сыну и даже захотели помочь ему вернуть царский престол. Сам польский король Сигизмунд III согласился принять Дмитрия и даже выделил на его содержание большую сумму денег. Естественно, что в этой ситуации Мнишеки не могли остаться в стороне. Ведь в случае успеха царевич мог щедро их одарить. Используя родство с Вишневецким, в феврале 1604 года они встретились с Дмитрием. Возможно, неказистый внешний вид претендента на русский

престол разочаровал польскую шляхтянку, но Юрий Мнишек тут же смекнул, что лучшего мужа для дочери ему не сыскать. Видя, что царевич очарован кокетливой и живой Мариной, он решил закрепить произведенное дочерью впечатление и пригласил изгнанника погостить в его Самборском замке. Там предприимчивый шляхтич создал все условия для того, чтобы Дмитрий и Марина виделись как можно чаще. Для этого устраивались пиры с танцами и музыкой, маскарады, выезды на охоту. Всюду молодые были вместе.

Хотя сначала Марине не понравился коренастый, рыжеволосый и бородавчатый царевич, со временем она с удовлетворением стала замечать его пылкие взоры, показную удаль и явное смущение при близком общении. Все говорило о том, что Дмитрий страстно в нее влюблен и готов свернуть горы, для того чтобы получить ее руку и сердце. Следовало лишь подтолкнуть его к решительным действиям и борьбе за царский престол. Поэтому Марина стала вести себя с влюбленным молодым человеком ласково, ободряюще, как бы намекая, что ждет признания в любви.

Для беглого монаха Гришки Отрепьева, назвавшегося царским сыном, внимание знатной шляхтянки было просто чудом. Поэтому он упал на колени перед Мариной и в самых ярких красках описал свои чувства к ней. Хитрая полячка тут же заявила, что без согласия отца не может дать ответ. Состоялся семейный совет, на котором Дмитрию достаточно прямо и цинично заявили, что Марина может стать его женой только при условии, что он вернет себе «отчий» престол. Кроме того, невеста должна была получить драгоценности для достойных царской невесты нарядов, деньги для поездки в Москву, а после свадьбы два крупнейших и богатейших русских города в управление — Новгород и Псков. Для себя Юрий Мнишек потребовал денег для уплаты долгов и в управление Смоленск.

Ничего не имевший самозванец был готов отдать все, лишь бы иметь надежду, что ненаглядная Марина станет его супругой. Поэтому 25 мая 1604 года он подписал брачный договор и начал усиленно готовиться к походу на Москву.

Сначала самозванец написал грамоты в русские города с обоснованием своих прав на престол и разоблачением злобных происков узурпатора Б. Ф. Годунова. Потом занял-

ся вербовкой в свое войско донских и запорожских казаков, польских шляхтичей и разных любителей легкой наживы, умевших держать в руках оружие.

Марина же стала мечтать о том, как станет московской царицей, как накупит себе множество дорогих и красивых нарядов, которые сейчас были не по карману ее отцу-должнику, как будет командовать несколькими сотнями придворных и слуг.

Так прошло несколько месяцев, и наконец в октябре 1604 года совсем небольшое войско Лжедмитрия выступило в поход. Со слезами на глазах Марина проводила жениха и отца, который взял на себя функции гетмана.

Первые же действия маленького войска оказались успешными: некоторые приграничные городки сдались сами, другие — после небольших военных действий. Слава о «прирожденном царском сыне» стала быстро распространяться по территории Русского государства. Поскольку мнительный и скорый на расправу царь Борис Годунов был многим ненавистен, у «царевича» нашлось немало сторонников. Однако уже в декабре против горстки вояк выступило большое царское войско. Хотя первая битва была проиграна правительственными воеводами, осторожный Юрий Мнишек решил вернуться домой. К нему присоединились многие польские шляхтичи, не желавшие проливать кровь за грандиозные цели сомнительной личности.

Лжедмитрий негодовал, но ничего поделать не мог. Вскоре около него остались только казаки и немногочисленные русские сторонники. Состоявшаяся в январе у Добрынич битва с царским войском была безнадежно проиграна, и «царевичу» пришлось спасаться бегством. Казалось, что все потеряно, а главное — Марина.

Нам не известно, как отнеслась к неудачам жениха полячка. По условиям брачного договора она должна была хранить верность жениху только год. Поэтому вместе с отцом она, скорее всего, ждала, что же произойдет дальше. А дальше начались настоящие чудеса. Разгромленного самозванца взяли под свою защиту путивльские воеводы князь Мосальский-Рубец и дьяк Б. Сутупов. Более того, они стали в спешном порядке формировать царский двор «Дмитрия» и сами заняли

в нем ведущие позиции. Для воевод соседних городов это стало сигналом к тому, чтобы поскорее перейти на сторону «истинного сына Ивана Грозного». Всем казалось, что он имел больше прав на престол, чем боярин Б. Ф. Годунов.

В итоге царская армия стала сражаться крайне вяло, во многих городах поднялось восстание против московского правительства, число сторонников «Дмитрия» неуклонно росло. 20 июня москвичи радостно приветствовали своего «законного» государя, а 21 июля он был торжественно венчан на царство.

Обо всем этом очень скоро узнали Марина и ее отец. Несомненно, они теперь могли торжествовать — ставка на «гонимого царевича» была сделана верно. Вскоре в Самборе реально смогли оценить глубину чувств «Дмитрия» и масштабы его щедрости. Марина получила множество драгоценных подарков: роскошное платье, усыпанное драгоценными камнями, алмазные перстень и ожерелье, золотой венец, всевозможные безделушки из золота, серебра и самоцветов, дорогие ткани, меха, жемчуг в россыпи и т. д. Юрий Мнишек был одачен деньгами для оплаты долгов и красивым оружием.

Жених требовал, чтобы невеста поскорее прибыла в Москву и выполнила свое обещание. Однако осторожный Юрий Мнишек, уже побывавший в России, вовсе не стремился туда вернуться. Наверняка он понял, что его будущий зять не был тем, за кого себя выдавал. К тому же в Польше стало известно, что один из наиболее знатных русских князей, В. И. Шуйский, пытался организовать против «Дмитрия» заговор и только болтливость его сторонников спасла «царя». Поэтому самборский воевода написал грамоту московским боярам с просьбой письменно засвидетельствовать свою готовность служить «царскому сыну». Те в ответ поблагодарили Юрия за помощь «Дмитрию» в период скитания и борьбы за престол. С их стороны никаких сомнений в истинности нового царя не было.

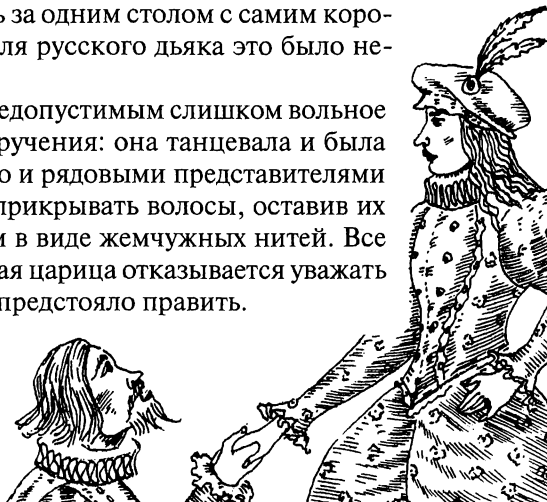
Однако и это не успокоило Мнишека. Он решил подождать еще под предлогом того, что собирается принять участие в свадьбе короля Сигизмунда, которая ожидалась в декабре 1605 года. К тому же поток подарков и денег из Москвы не иссякал. Зачем же было подвергать опасности жизнь свою и дочери?

Но все же осенью воеводе пришлось принять решение о поездке в далекую Московию. От польских приближенных самозванца он узнал, что у Марины появилась русская соперница — дочь умершего царя Бориса царевна Ксения, необычайная красавица и умница. Брак с ней мог быть даже выгоден Лжедмитрию, поскольку мирил с многочисленными родственниками Годуновых, некогда очень могущественными. Опытный политик Юрий Мнишек решил, что упускать выгодного жениха дочери нельзя. Поэтому было решено еще в Польше официально закрепить права на этот брак обручением, которое по католическим правилам было равнозначно венчанию.

С этой целью в Краков был приглашен царский посланец Афанасий Власьев, глава Посольского приказа. Он не был знатен, но уже занимался брачными делами царской семьи (сватал Ксению Годунову), поэтому и получил это важное поручение. Афанасий привез множество подарков невесте, ее отцу и польскому королю, который также собирался стать участником обряда вместе с сестрой Анной и сыном Владиславом.

Обручение состоялось 10 ноября в специально приготовленной зале. Церемонию провел католический кардинал, поскольку Марина не собиралась менять веру — это было одним из условий брачного договора. Произошел обмен кольцами между женихом и невестой. Жениха представлял Афанасий Власьев. По русским обычаям, он не имел права прикасаться к будущей государыне, и это создало во время церемонии много курьезных ситуаций. Завершилось все праздничным пиром, во время которого невесте и представителю жениха следовало сидеть за одним столом с самим королем и его родственниками. Для русского дьяка это было небывалой честью.

Но при этом Власьев счел недопустимым слишком вольное поведение Марины после обручения: она танцевала и была в паре не только с королем, но и рядовыми представителями польской знати, не заботясь прикрывать волосы, оставив их распущенными с украшением в виде жемчужных нитей. Все это говорило о том, что будущая царица отказывается уважать обычаи страны, в которой ей предстояло править.

Афанасий Власьев полагал, что после обручения Марина сразу отправится в Россию, но ни она, ни отец даже не начинали готовиться к поездке. Они ждали все новых и новых подарков из Москвы, занимаясь собственными делами. Это вынудило Лжедмитрия I написать невесте письмо с упреками и наставлениями. Отныне она не имела права появляться в общественных местах без сопровождения родственников, ей нельзя было принимать участие в пирах, есть полагалось только дома в окружении женщин.

К тому же Марине не полагалось открыто проявлять приверженность к католицизму, поскольку в России ей предстояло ходить в православные храмы и соблюдать местные обычаи. Это глубоко возмутило невесту, которая была уверена в том, что не она должна подлаживаться под грубых и неотесанных русских людей, а они под нее. В результате ехать в далекую Московию ей совсем расхотелось. Однако деньги и подарки, которые становились все более ценными, она принимала с большой радостью.

Были присланы панагия с девяносто шестью алмазами, цепь из червонного золота со ста тридцатью восемью алмазами, жемчужные четки, золотой ларчик с жемчужными узорами, три слитка золота, гиацинтовая посуда в золотой оправе, золотые таз и рукомоЙник и многое другое. На дорогу невесте жених прислал триста тысяч золотых, но большую часть из них Юрий потратил на уплату долгов.

Несколько месяцев упорный Афанасий Власьев настаивал на скорейшей поездке Мнишек в Москву. Наконец в феврале 1605 года начали упаковывать вещи, и 2 марта огромный обоз двинулся в путь. Первым ехал Юрий Мнишек с 445 сопровождающими его лицами, далее — Марина с 251 членом свиты, за ней — Ян Мнишек (брат Юрия) со 107 лицами, потом — Константин Вишневецкий с 415 лицами, за ним — Николай Мнишек с 87 сопровождающими, пан Тарло с женой и множество других шляхтичей, слуг и купцов. Общее число путников превышало две тысячи человек. Все это говорит о том, что в одиночку Марина и ее отец ехать в Москву опасались.

Путешествие оказалось долгим и утомительным из-за начавшейся весенней распутицы. К тому же русская сторона

не ожидала, что польских гостей будет так много. Далеко не всех удавалось разместить на ночлег в деревенских домах, не всем хватало продовольствия. Только для Марины на каждом привале были построены новые домики из бревен, остальным приходилось коротать ночь в палатках, утопавших в мокром снегу. Но в данном случае гостям приходилось винить только себя — в путь следовало собраться значительно раньше.

Чувствовалось, что Лжедмитрий, как мог, старался заботиться о будущих родственниках: на всем пути были проложены сносные дороги, отремонтированы мосты, жители населенных пунктов дарили хлеб-соль, а те, кто были побогаче, приносили более ценные подарки: меха, ткани, красивую посуду. Марина все это с благодарностью принимала, не зная, что, по обычаю, следовало наградить дарителей в ответ либо ничего не брать. Рядом со Смоленском невеста получила от жениха в подарок три богато украшенные кареты со слюдяными окошками. Первую везли двенадцать белых лошадей, и она была предназначена для самой Марины. Отец довольствовался той, в которую были впряжены десять лошадей. В последний экипаж сели знатные женщины. К сопровождающим присоединилась тысяча русских дворян, и ночлег стал еще более проблематичным.

К тому же у Марины вскоре появилось серьезное осложнение — она не могла есть слишком тяжелые для ее слабого желудка русские блюда. Пришлось питаться отдельно и только тем, что готовили ее повара. Все неприятности скрашивали новые многочисленные подарки, которые постоянно прибывали от жениха: золотые украшения с драгоценными камнями, нитки жемчуга, всевозможные побрякушки и, наконец, целый табун породистых лошадей. В Можайске по просьбе Лжедмитрия Юрий Мнишек первым отправился в столицу, чтобы помочь организовать достойную встречу польских гостей. Марине же было предложено на несколько дней задержаться в городе, а потом отдохнуть в загородной резиденции Большие Вяземы, красиво отстроенной еще царем Борисом.

Последний ночлег состоялся в палаточном городке у самой Москвы. Огромные шатры поразили всех размерами, форма-

ми (некоторые были похожи на многоглавые дворцы, другие — на крепостные стены с башнями) и богатой отделкой.

2 мая состоялся парадный въезд в Москву. Сначала гостей встретила почетная свита, состоявшая из нескольких тысяч конных дворян и стрельцов в парадных одеждах. Потом им подали новые экипажи — для Марины украшенную серебром царскую карету с гербами, которую везли двенадцать серых в яблоках лошадей. В ней находились живые игрушки — маленький арапчонок с обезьянкой. Наконец гости увидели тысячи горожан в ярких и красивых одеждах, рассыпавшихся на лугах у стен города.

Марина, не отличавшаяся особой красотой, поскольку была мала ростом, тщедушна, с мелкими чертами лица, решила поразить будущих подданных великолепием наряда. Она надела белое атласное платье, сшитое на французский манер с узким лифом и широкой юбкой на кринолине, богато расшитое жемчугом и драгоценными камнями. Волосы она распустила, несмотря на запрет, и украсила их алмазным венцом и жемчужными нитями. На ярком весеннем солнце все это сверкало и переливалось, а сама она напоминала дивный заморский цветок. Члены свиты в одежде из зеленого бархата с золотой отделкой очень хорошо оттеняли белизну ее наряда.

Несомненно, вид царской невесты поразил москвичей, считавших, что нарядным цветом может быть только красный и что женские платья должны быть просторными и многослойными.

Дав всем вдоволь налюбоваться своей необычной внешностью, Марина села с фрейлинами в карету и въехала в Москву. По обычаю, жених не имел права встречать ее, но Лжедмитрий тайно появлялся на протяжении всего пути, чтобы самому расставить встречающих в нужном порядке. Он даже решил изменить сложившиеся правила, по которым въезд почетной гостьи в Кремль должен был сопровождаться колокольным звоном, — Марину приветствовали музыканты, размещившиеся на особом помосте у крепостных стен.

Однако сразу принять невесту в своем дворце самозванец не решился. До свадьбы ей полагалось жить с его матерью (ее роль мастерски исполняла Мария-Марфа Нагая, мать настоящего царевича Дмитрия). Поэтому Марину сразу же повез-

ли в Вознесенский монастырь, где были покои Марфы, постриженной в монахини после гибели настоящего Дмитрия в 1591 году.

Бывшая царица ознакомила польскую гостью с обязанностями жены русского монарха, рассказала о придворном этикете и показала, как следует вести себя в православном храме. Свадебная церемония была назначена на 8 мая, поэтому времени для овладения чужими обычаями у полячки было не так уж много. Из всего услышанного Марина сделала вывод, что участь русской царицы совсем незавидна. Она должна была жить в отдельных покоях, редко появляться на людях, не имела права участвовать во всеобщих празднествах, пирах, приемах и т. д. и обязана была постоянно рожать детей. К тому же ей полагалось руководить работой царицных мастерских по производству одежды и белья для членов царской семьи, следить за прачками, огородниками и другими служителями дворца, занимавшимися организацией государева быта.

Все это было неинтересно и обременительно для польской девушки, склонной только к всевозможным развлечениям. Ведь на ее родине для женщин не существовало запретов на участие в празднествах и увеселениях. Поэтому Марина твердо решила после свадьбы все кардинально изменить при русском дворе. Пока же ей приходилось для видимости уважать обычаи чужой страны.

В ночь перед свадьбой невесту перевезли в особых санях в царский дворец, заново отстроенный Лжедмитрием. Конечно, он не походил на величественные польские замки, хотя и был достаточно красив: внутренние покои обиты шелковыми тканями, парчой и бархатом, на полу лежали персидские ковры, печи были отделаны изразцами и серебряными решетками, двери — позолоченными украшениями. Покои Марины переходом соединялись с помещениями супруга и с парадными залами в старой каменной части дворца. Кроме того, всюду было много потайных дверок и ходов, позволявших незаметно покидать дворец.

Утром под колокольный звон началась праздничная церемония. На этот раз Марине пришлось надеть русское платье из вишневого бархата, обильно расшитое самоцветами и жем-

чугом. Волосы ей разрешили распустить, но сверху следовало накинуть тонкое покрывало. Голову венчал алмазный обруч, стоивший целое состояние — семьдесят тысяч рублей. Чтобы не соблюдать множества русских обрядов, ведущих начало еще с языческих времен (укручивание невесты, посыпание хмелем, чесание гребнем и т. д.), Лжедмитрий объявил русской знати, что первой церемонией будет венчание его будущей жены на царство. Ранее никогда этого не было, поскольку царские жены самостоятельного политического значения не имели — титул получали после свадьбы и лишались его после смерти мужа.

Марине же дали право быть царицей и без мужа. Обряд венчания ее на царство был таким же, как для наследников престола. Патриарх возложил ей на голову шапку Мономаха, надел бармы и дал в руки скипетр. После этого прошла достаточно скромная свадебная церемония, на которой присутствовал лишь узкий круг родственников. После нее по приказу Лжедмитрия началась еще одна необычная церемония — всех представителей знати и царского двора обязали на кресте дать клятву верности новой царице. Это, по мнению самозванца, должно было уберечь его от измены.

Однако скоро выяснилось, что нрав новых подданных очень переменчив. Твердо усвоив, что ложному царю можно давать только ложные клятвы, они довольно быстро забыли свои обещания.

Пока же Марина и Лжедмитрий упивались властью. В день свадьбы они решили не устраивать многочасовой пир и вскоре уединились во дворце, возможно в обществе лишь польских родственников. Чтобы не раздражать русскую знать, тех провели туда тайно.

Многолюдный пир устроили на следующий день в Грановитой палате, хотя это не полагалось делать, поскольку была пятница, то есть постный день. По приказу Лжедмитрия блюда были самыми разнообразными, в том числе и из дичи и мяса. Была даже любимая им телятина, которую русские люди вообще не употребляли в пищу. Правда, соблюдая местные обычаи, молодые были в русских нарядах. Однако уже на следующий день Марина решила устроить все на свой лад. Она нарядилась в польское платье с узким лифом, мужу повеле-

ла надеть гусарский наряд, совсем не подходящий для царя. К тому же для польских музыкантов был устроен особый балкончик, чтобы во время застолья присутствующих развлекала веселая музыка.

Представителей русской знати все это шокировало. Заметив их реакцию, молодая царица, задумавшая реорганизации при дворе, на следующий день вообще почти никого из них не пригласила. Ее повара приготовили польские блюда, слуги накрыли так, как это делалось у нее дома, — с тарелками, ножами и вилками (по русскому обычаю того времени, на стол ставились только приправы, есть же приходилось руками, держа куски мяса или рыбы на весу). Когда все гости насытились, начались танцы, при этом сама царица танцевала не только с мужем, но и с польскими шляхтичами.

Об этом представители русской знати узнали позднее и страшно возмутились. Было ясно, что новая государыня задумала порушить старинные обычаи, попать православную веру и даже раздать всю страну своим многочисленным родственникам. Допустить это было нельзя. В. И. Шуйским стал готовиться новый заговор. На этот раз его участники твердо держали рот на замке.

Марина со своими фрейлинами ни о чем не подозревала. Она от души веселилась, наслаждалась властью над влюбленным мужем и огромной богатой страной. Чтобы свадебные торжества стали еще более увлекательными, она задумала устроить маскарад. Для этого вместе с дамами занялась изготовлением масок и карнавальных костюмов.

Естественно, что для патриархального русского общества все эти приготовления выглядели чем-то кощунственным и даже бесовским. Поэтому Шуйский решил, что дольше откладывать переворот нельзя.

Ранним утром 17 мая по всему городу разнесся перезвон колоколов, что считалось вестником какого-то несчастья. Под предлогом сообщения о нем группа бояр ворвалась во дворец, охраняемый лишь горсткой наемников. Женитьба и бесконечные празднества притупили бдительность Лжедмитрия, поэтому заговорщикам удалось существенно уменьшить число стражников. Они быстро перебили всех сопротивляющихся и стали искать самозванца. Тот бегал по покоям как заяц,

не зная, где найти спасение. Предупрежденная об опасности Марина в страхе металась, ища укромный уголок, но грозные голоса звучали повсюду. Наконец Марина побежала наверх к фрейлинам и на лестнице столкнулась со своими врагами, но те ее не узнали — без роскошных нарядов она была просто маленькой дурнушкой. В покоях она с ужасом узнала, что все красивые полячки изнасилованы и ограблены, а для нее самой единственным местом спасения остались пышные юбки престарелой гофмейстерины, на честь которой никто покусаться не стал.

Только к вечеру старшие бояре начали наводить во дворце порядок. Трясущаяся от страха Марина с ужасом узнала, что ее муж убит. Теперь его называли только вором и расстригой Гришкой Отрепьевым. Сама она лишалась всех прав на царскую корону и вместе с родственниками была арестована. Все ее драгоценности и наряды, даже собственные, которые она привезла из Польши, конфисковали. Начались допросы, во время которых бояре требовали от поляков сознаться в том, что они были участниками самозванческой авантюры и помогали Отрепьеву обманывать русских людей и бороться за московский престол.

Возможно, Марина с отцом знали, что «царевич Дмитрий» не был настоящим сыном Ивана Грозного, но говорить об этом не стали. Более того, Юрий Мнишек даже попытался обвинить бояр в том, что они сами ввели его в заблуждение, утверждая в ответной грамоте, что Дмитрий — истинный царский сын.

Все разбирательства закончились тем, что часть рядовых поляков вернулась на родину, а Марину с родственниками отправили в ссылку подальше от Москвы. Сама она с отцом оказалась в Ярославле, брат Николай — в Ростове, князь Вишневецкий — в Костроме и т. д. В Ярославле их поселили в специально отстроенном доме за высоким забором. Какие-либо контакты с местными жителями были запрещены. Охранять пленников поручили приставу с несколькими десятками стрельцов. Они же должны были обеспечивать их продовольствием, но не в слишком большом количестве.

Оказавшись в стесненных условиях, Марина чуть было не впала в отчаяние. Ей очень захотелось домой, в Самбор. Прав-

да, отец, как мог, утешал ее, уверяя, что король Сигизмунд не допустит, чтобы его подданные долго находились в русском плену, и поможет им освободиться. Уже осенью 1606 года в Ярославль пришли слухи о том, что «царь Дмитрий» спасся и вновь собирается идти с большим войском на Москву. Это вселяло надежду на скорое освобождение и возвращение былого величия и богатства. Ведь Дмитрий, по твердому убеждению Марины, не мог так скоро забыть свою любимую женушку.

Через некоторое время охрана польских пленников усилилась, а питание ухудшилось. Становилось ясно, что около Москвы происходят какие-то важные события. Не выдержав состояния неизвестности, некоторые члены свиты Марины ударились в бег.

Но к Рождеству охрана пленников ослабла, поскольку часть стрельцов также сбежала. При этом арестантов почти перестали кормить, и Юрий Мнишек добился у пристава разрешения самостоятельно покупать продукты на местном рынке. Из-за плохого питания и холодов многие поляки болели. Марину болезни миновали, хотя особо крепким здоровьем она не отличалась.

Ближе к весне пришло известие, что войско «царя Дмитрия» потерпело под Москвой поражение и отошло к Калуге. Как ни странно, после этого приставы начали больше заботиться о пленниках. Им стали давать все необходимое: мясо, молоко, яйца, овощи, сено для лошадей и дрова. Пленники согрелись, откормились и повеселели. Некоторые шляхтичи даже познакомились с местными жителями и стали устраивать частые совместные застолья, которые, впрочем, нередко заканчивались потасовками. Юрий Мнишек вошел в дружеские отношения с местным воеводой и проводил с ним время в пирах и беседах. Молодые девушки из свиты Марины нашли себе женихов в окружении ее отца, в результате было сыграно несколько свадеб.

В конце концов как-то незаметно все привыкли к новой жизни и даже находили ее не такой уж плохой — ни о чем не приходилось заботиться: еду и напитки исправно поставляли приставы, жители Ярославля были достаточно дружелюбны и гостеприимны. Некоторые шляхтичи занялись рыбал-

кой и с удовольствием лакомились великолепной волжской рыбой и черной икрой.

Из Москвы приходили самые противоречивые известия. По одним — «царь Дмитрий» был окончательно разбит и бежал назад в Польшу, по другим — на грани разгрома был В. И. Шуйский. Что из этого было правдой, никто не знал, но это уже и не волновало так сильно, как раньше. Больше огорчало другое — часть пленников отправили дальше на север, в Вологду. К тому же умер отец Бенедикт, который был для всех наставником и утешителем.

Зимой 1607—1608 годов окончательно выяснилось, что «царь Дмитрий» жив и собирает новое войско. Весной он начал с В. И. Шуйским ожесточенную борьбу и во всех сражениях одерживал победу. Охрана ярославских пленников постепенно ослабла, и можно было бы даже бежать, если бы не мешала широко разлившаяся Волга.

Наконец в мае из Москвы прибыл царский гонец, который сообщил, что Марине с отцом следует собираться в путь — в столице пленников ждали польские послы, готовые отвезти их на родину. На этот раз дорога не заняла много времени — Шуйский хотел как можно скорее избавиться от опасных пленников. Новый Лжедмитрий продвигался к Москве все ближе и ближе, существовала опасность, что Марина признает его истинность.

Юрий Мнишек, поняв, что положение царя Василия Шуйского непрочно, стал диктовать ему свои условия: вернуть разграбленное имущество, освободить всех членов свиты и т. д. Наконец договорились, что в октябре вместе с послами все пленники отправятся домой. Но сделать это пришлось уже в августе, поскольку около столицы, в Тушине, возник лагерь «царя Дмитрия».

Марина понимала, что совсем рядом находится тот, кто может вернуть ей все, но Шуйский не должен был заподозрить ее в желании связаться с мужем. Ведь за это она могла поплатиться головой. Чтобы усыпить бдительность царя, она даже поклялась, что отказывается от своего высокого титула и никогда не будет предъявлять права на московский престол. После этого ей с отцом позволили выехать по северной дороге к Польше. Сопровождала их тысяча стрельцов. Но до-

ехать удалось только до города Белая, где на кортеж напали сторонники самозванца и предложили им отправиться в Тушино. Естественно, Марина с радостью согласилась. Теперь она твердо верила, что ее любящий муж жив. Весело напевая, она пересела в присланную для нее карету и в приподнятом настроении отправилась в обратный путь.

Однако очень скоро она узнала, что причин для радости нет. Один из спутников шепнул ей, что в Тушине ее ждет совершенно незнакомый человек. Это известие озадачило и Юрия Мнишека. Вновь он с дочерью оказывался в центре опасной авантюры. Поэтому сразу ехать в Тушино он отказался и решил сначала вступить в переговоры с новым самозванцем. Ведь не могла же Марина стать женой совершенно чужого человека? К тому же исход борьбы самозванца с Шуйским был неясен, а это означало, что вновь жизни дочери и его собственная подвергались опасности.

Почти неделю Мнишеки отказывались встретиться с мнимым мужем и зятем, вызывая всякие толки среди простого воинства, думающего, что служат прежнему «царю Дмитрию Ивановичу». Наконец договорились, что Марина станет настоящей женой самозванца только после захвата Москвы, Юрий же получит триста тысяч рублей для покрытия своих убытков. Однако ни одно из условий Лжедмитрий II не выполнил. Денег у него не было, а притворяться настоящим мужем Марины он не хотел. В результате Юрию пришлось отправиться домой ни с чем, а Марине — тайно с самозванцем обвенчаться.

Вскоре она выяснила, что новый муж ни в чем не был похож на прежнего ее супруга. К ней он не испытывал никаких чувств и относился без почтения, бывал груб и очень скуп. На ее содержание не выделялось почти никаких средств, поэтому ей было нечем платить даже слугам, и они разбежались. У нее не было денег даже на то, чтобы купить приличную одежду и хорошую еду. Пришлось ей, «московской царице» (она требовала, чтобы так ее называли окружающие), писать отцу униженное письмо с просьбой прислать ткань на летнее платье, вино и копченую лососину.

Марина сразу же поняла, что положение Лжедмитрия II очень непрочно. Многие догадывались, что на самом деле он

был безродным бродягой, которого ушлые люди заставили принять участие в новой самозванческой аванюре. На роль Дмитрия он подошел лишь потому, что никто его не знал, издали он мог сойти за первого самозванца и, как тот, умел говорить витиевато со ссылками на Священное Писание. Последнее производило сильное впечатление на простых воинов и казаков, составлявших главный костяк тушинского войска. Однако представители знати не желали оказывать бродяге царские почести и часто его унижали. Это приводило его в дурное расположение духа; свой гнев и злобу он вымещал на Марине.

Словом, в Тушине жизнь многострадальной полячки оказалась даже хуже, чем в Ярославле. Но отчаиваться она не стала, постепенно входя во вкус борьбы за верховную власть. Невзгоды не сломили Марину, а лишь еще больше закалили ее твердый характер. Постепенно она овладела искусством повелевать людьми. Поэтому, когда в декабре 1609 года выяснилось, что постоянно боявшийся измены Лжедмитрий тайно бежал, переодевшись в крестьянское платье, «московская царица» не пала духом и не растерялась. Она стала собирать отряд казаков, который мог бы ее защищать.

К этому времени выяснилось, что в борьбу за московский престол вступил и король Сигизмунд III, пожелавший воспользоваться слабостью Руси. Он подошел к Смоленску и стал призывать всех польских сторонников Лжедмитрия II примкнуть к нему. В Тушинском лагере таких желающих нашлось достаточно много. Оставаться здесь было опасно, и Марина с казаками отправилась в Дмитров, где стоял гетман П. Сапега, еще не решивший, кому служить. Тушинская царица хотела склонить его на свою сторону и убедить сражаться за ее права на престол. Возможно, этот план удался бы, но к Москве уже подошли войска М. В. Скопина-Шуйского вместе со шведскими наемниками. Они осадили Дмитров и попытались вновь захватить Марину в плен. Видя отчаянность своего положения, она заявила казакам, что готова дать битву противникам. Надев мужской кафтан, с саблей на боку, она лихо вскочила на коня и бросилась в бой. Три сотни казаков поддержали ее и дали возможность вырваться из окружения.

Тогда же стало известно, что «царь Дмитрий» обосновался в Калуге, где местные жители признали его своим государем и оказали всяческую поддержку. Из Тушина туда прибыли и его русские сторонники вместе с касимовским ханом Уруз-Магометом и татарами. Марина решила, что вместе с «мужем» ей будет легче бороться за власть, и тоже отправилась в Калугу.

На этот раз встреча супругов оказалась по-настоящему теплой и радостной. Невзгоды и общие цели их сблизили. А гостеприимные калужане окружили «царицу» заботой и вниманием. Ей построили красивый терем, приставили множество прислужниц, дали денег на наряды и украшения. Конечно, все это не могло сравниться с роскошной жизнью в Кремле, но было во много раз лучше, чем в Ярославле и Тушине. К тому же здесь Марине оказывали по-настоящему царские почести, что было особенно приятно гордой и честолюбивой полячке. Единственно, что запрещал муж, — насаждать польские обычаи и демонстративно показывать приверженность католицизму. Сам он постоянно убеждал своих русских сторонников, что чтит православную веру и всегда будет ее защищать от католика Сигизмунда III. Его лозунг был прост и ясен: «Не позволим католической ереси расползтись по русской земле и не дадим королю ни кола, ни двора». Среди простых людей и православного духовенства эти слова находили отклик.

Марине пришлось распрощаться со своей шляхетской спесью. Забыла она и о том, как хотела навязать русским людям польские обычаи. Теперь она носила русскую одежду и исправно посещала православный храм. Это было очень кстати, поскольку оказалось, что она беременна. Значит, у «царя Дмитрия Ивановича» должен был появиться наследник, в то время как его соперник В. И. Шуйский оставался бездетным.

К лету 1610 года положение царя Василия стало просто катастрофическим. Всеми любимый полководец-освободитель М. В. Скопин-Шуйский внезапно скончался, и поползли слухи, что его отравили по приказу завистливого царя. Смоленск упорно осаждал польский король Сигизмунд, предлагавший русской знати своего юного сына Владислава в качестве государя. Многие северо-западные земли, включая Псков, подчинялись Лжедмитрию II.

Судьбу Василия Ивановича окончательно решила проигранная им Клушинская битва. К Москве двинулись и его победитель польский гетман Жолкевский, и давнишний соперник царя — Лжедмитрий II.

Марина считала, что у мужа появился реальный шанс овладеть царским престолом — ведь защищать Москву было некому. Лжедмитрий тоже думал, что у него нет соперников, и с войском обосновался в Коломенском, ожидая вестей от своих московских сторонников. Однако удача его обошла. Сбросившие царя Василия с престола и захватившие власть в Москве семь бояр заключили соглашение с гетманом Жолкевским. Они пообещали ему возвести на престол королевича Владислава, а взамен просили отогнать от города Лжедмитрия. Поляк ударил по войску самозванца и заставил его вновь вернуться в Калугу.

Неудача озлобила «царя Дмитрия». Он стал искать виновников в своем окружении, и тут кстати выяснилось, что его союзник, касимовский хан Уруз-Магомет, собрался перейти на сторону польского короля и даже ездил к тому под Смоленск. Вместе с собой он хотел увести всех татар, входивших в калужское войско. Не желая слушать никаких объяснений, самозванец публично казнил хана-изменника. Этим, как потом оказалось, он и себе подписал смертный приговор.

Окружавшие хана татарские князья затаили злобу на Лжедмитрия. Они прекрасно знали, что «царик» — безродный бродяга, волею случая оказавшийся претендентом на московский трон. Расправляться со знатным ханом он не имел никакого права. Поэтому при удобном случае они решили нанести самозванцу смертельный удар.

Марина, собираясь стать матерью, ни о чем не подозревала. Она старалась ни о чем плохом не думать, не волноваться, побольше спать и гулять. В ее окружении появились повивальная бабка, будущие мамки и няньки ребенка, была подобрана кормилица. Девушки-мастерицы шили одеяльца, подушечки, колыбельки, которые в то время делались из тканей и подвешивались к потолку на веревке.

Не было плохих предчувствий и у Лжедмитрия. Утром 11 декабря он, как обычно, отправился в ближайший лес охотиться на зайцев. С собой взял любимца Петра Урусова и не-

большую охрану. Увлечшись погоней, самозванец не заметил, как оказался далеко от сопровождавшей свиты. Рядом был только Петр. Внезапно он выхватил ружье и выстрелил в своего господина. Когда Лжедмитрий упал с лошади, татарин подъехал и саблей отсек ему голову, приговаривая: «Я покажу тебе, как топить в реке татарских князей и угощать плеткой». Затем он снял с тела самозванца богатую одежду, сел на коня и умчался.

Слуги не сразу обнаружили убитого Лжедмитрия, а когда его увидели, то тут же поскакали в Калугу, чтобы сообщить о несчастье. Узнав о происшедшем, Марина приказала поднять по тревоге войско и горожан. Начали бить в набат, палить из пушек и хватать всех татар, которые даже не знали о заговоре Урусова. Всех их сразу же зарубили саблями. После этого почетный эскорт отправился в лес. Тело самозванца обмыли, пришили к нему голову, одели в царские одежды и на траурной повозке привезли в город. После этого его поместили на помосте в местном храме, чтобы все желающие могли с ним попрощаться.

Громче всех рыдала безутешная Марина, для которой будущее вновь становилось туманным, полным бед и опасностей. От переживаний у нее начались преждевременные роды. Но появившийся на свет мальчик оказался здоровым и крепким. В честь мнимого деда его нарекли Иваном и крестили по православному обряду. Ведь именно ему следовало стать претендентом на русский престол, поэтому ни у кого не должно было возникать даже предположений, что он иноверец или еретик.

Поначалу окружение Лжедмитрия согласилось служить его вдове. Главным ее покровителем стал молодой казачий атаман и тушинский боярин Иван Заруцкий. Чтобы быть ближе к Марине, он постриг в монастырь свою жену, а сына сделал стольником при дворе «царевича» Ивана. Он надеялся, что в случае успеха станет всесильным временщиком при малютке-государе.

Московские бояре в это время выдвинули своего претендента на престол — польского королевича Владислава. Они настойчиво требовали, чтобы русские люди присягнули ему. Их уговорам поддались и калужане. Оставаться в резиденции

Лжедмитрия для Марины и Ивана стало смертельно опасным. Тогда вдова решила обратиться за помощью к своему брату Станиславу, находившемуся в ставке короля под Смоленском. Но тот ответил, что Сигизмунд отказывается признавать права Марины на московский престол и требует, чтобы она вернулась на родину. Для содержания ей будут выделены два города — Самбор и Гродно.

Естественно, гордость «московской царицы» была уязвлена. Ведь она была официально венчана на царский престол, ей неоднократно клялись в верности русские подданные. Правда, Заруцкий убеждал ее не впадать в отчаяние. Ведь многие городовые воеводы не хотели служить польскому королевичу, который отказывался принять православие. На борьбу с поляками их воодушевлял сам патриарх Гермоген, имевший в русском обществе большой авторитет.

В начале 1611 года в стране стало формироваться антипольское народное ополчение. Марина с Заруцким решили, что им стоит к нему примкнуть, поскольку с его помощью вновь появлялся шанс оказаться на престоле. Новым местом пребывания Марины и Ивана стала Коломна. Заруцкий с другими боярами Лжедмитрия II влился в Первое ополчение. В апреле им удалось отбить у польского гарнизона часть территории столицы — Белый город. На совете всей рати было избрано временное правительство, в которое вошли тушинский боярин князь Д. Т. Трубецкой, И. М. Заруцкий и рязанский воевода П. П. Ляпунов.

Поскольку среди ополченцев было много казаков, служивших в Тушине, Заруцкий стал уговаривать их провозгласить новыми государями Ивана и Марину. Однако этому воспротивился П. П. Ляпунов, который полагал, что сын «вора» (так он называл Лжедмитрия II) и его вдова не могут возглавить великое Русское государство. Более подходящим претендентом на трон, по его мнению, был шведский королевич Карл-Филипп, которому присягнули новгородцы.

Чтобы избавиться от рязанского воеводы, Заруцкий строил против него казачью верхушку. Ляпунов был убит, и теперь, казалось, путь к престолу для Марины и ее сына расчищен. Однако новым их противником стал патриарх Гермоген. Он публично заявил, что проклял «воренка», а прокля-

тый ребенок не может быть возведен на царский трон. Более того, патриарх назвал ополченцев казачьим войском, лишь грабившим мирное население, и воззвал начать борьбу не только с поляками, но и с разбойничающими казаками.

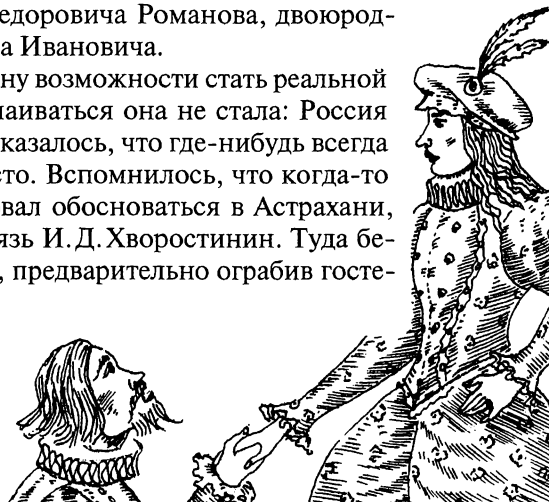
По его призыву в конце 1611 года в Нижнем Новгороде начало формироваться Второе ополчение. Его руководителями стали земский староста Кузьма Минин и воевода князь Дмитрий Пожарский. Весной ополчение прибыло в Ярославль и стало призывать в свои ряды всех жителей северных городов. Постепенно оно превысило численностью Первое ополчение.

Руководители Второго ополчения, как вскоре оказалось, также не желали возводить на престол Марину с сыном Иваном. Д. М. Пожарский, как и Ляпунов, больше склонялся к кандидатуре Карла-Филиппа. Заруцкий не мог с этим смириться и подговорил нескольких казаков убить Пожарского. Однако они были разоблачены и схвачены.

Летом 1612 года пришло известие, что к Москве движется большое польское войско под руководством гетмана Хоткевича, цель которого — разгром Первого ополчения. Д. Т. Трубецкой попросил помощи с Пожарским. Заруцкий понял, что ему следует поскорее уйти от столицы, так как Пожарский вряд ли простил ему покушение на свою жизнь. Взяв Марину с сыном из Коломны, он решил обосноваться на богатой Рязанщине.

Тем временем объединившимся ополченцам удалось разбить Хоткевича, а в конце октября 1612 года польский гарнизон в Москве был окончательно разгромлен. Победители созвали Земский собор, который 21 февраля 1613 года провозгласил царем Михаила Федоровича Романова, двоюродного племянника царя Федора Ивановича.

Это навсегда лишало Марину возможности стать реальной московской царицей. Но отчаиваться она не стала: Россия была огромной страной, и ей казалось, что где-нибудь всегда можно найти безопасное место. Вспомнилось, что когда-то еще Лжедмитрий II планировал обосноваться в Астрахани, где воеводой был верный князь И. Д. Хворостинин. Туда беглецы и решили направиться, предварительно ограбив гостеприимную Рязанщину.

К этому времени новый царь, Михаил Федорович, взял власть в свои руки, повелел окончательно разгромить всех противников, в том числе и Марину с Заруцким. Против них было отправлено войско во главе с князем И. Н. Одоевским-Меньшим. Активным его помощником стал воевода Мирон Вельяминов. Они нанесли ощутимые удары по сторонникам Заруцкого и погнали его на юг. Около Воронежа состоялось крупное сражение, обескровившее войско беглецов. Но дальше донских степей преследователи на юг не пошли.

В казачьем крае Заруцкий почувствовал себя вполне безопасно и стал вербовать новых сторонников. Марина же мечтала только об одном — обрести надежную крышу над головой. Ведь ей приходилось заботиться не только о себе, но и о малютке-сыне. В этом отношении Астрахань казалась вполне подходящим местом. Горожане ничего не знали о событиях в Москве и были уверены, что там все еще хозяйничают поляки, которым они служить не желали. Поэтому они радушно приняли вдову и сына государя и согласились считать Марину своей правительницей. Так было провозглашено отдельное Астраханское царство.

Заруцкий, не желавший делить власть с Хворостининым, без сомнений расправился с воеводой и начал беззастенчиво грабить население. Он дошел до того, что забрал из местного собора серебряное паникадило и из него приказал выковать для себя стремена.

Марина все свое время посвящала воспитанию ребенка. Заботясь о его покое, она запретила ранним утром и поздним вечером звонить в колокола. Все это уменьшило симпатии астраханцев к новым государям.

Желая упрочить свое положение, Марина обратилась за поддержкой к персидскому шаху и даже предложила ему взять Астрахань под свой протекторат. Но дальновидный шах не захотел из-за какой-то неведомой «московской царицы» портить отношения с законным государем Михаилом Федоровичем. Поэтому он арестовал посланцев Марины и отдал их русским послам для разбирательства.

В Москве поняли, что засевшей в Астрахани «царице» следует нанести окончательный удар и ликвидировать этот очаг крамолы. К тому же пошли слухи, что Заруцкий уговорил не-

скольких ногайских князьков совершить грабительский набег на Самару и Казань. Поэтому весной 1614 года из Москвы к Астрахани было отправлено войско под началом все того же князя Одоевского-Меньшого.

К этому времени обстановка в Астрахани окончательно обострилась. Здесь узнали о походе правительственных войск и о том, что терский воевода П. Головин с отрядом из семисот стрельцов решил арестовать «воров», то есть Марину с Иваном Заруцким. Жители заволновались: одни стали покидать город, чтобы не оказаться в гуще сражений, другие, напротив, пытались собственноручно схватить «государей». В этой ситуации Марина приняла решение бежать из города, хотя Заруцкий уговаривал ее дать бой.

В дороге беглецы собрали самое ценное и 12 мая 1614 года на нескольких судах вышли в море. Самым безопасным показалось войти в устье Яика (Урала) и укрыться на каком-нибудь острове. Однако даже в безлюдной местности повсюду есть глаза и уши. Местные жители сообщили об их убежище Одоевскому, уже вошедшему в Астрахань. Тот отправил отряд из ста стрельцов, и уже 23 июня беглецы стали пленниками. Под усиленным конвоем их отвезли в Москву на суд.

Всех «воров» признали виновными в антиправительственных действиях, крамолах и грабежах. Заруцкого, как самого виновного, посадили на кол. Сына Марины Ивана, которому не было и четырех лет, повесили. Это было сделано из-за боязни, что всегда найдутся лихие люди, которые попытаются посадить его на престол или поднять восстание якобы в его интересах.

Марину, как женщину и знатную шляхтянку, казнить не стали. Ее заточили в каменной тюрьме, где она вскоре умерла либо от горя, либо от яда, либо от угарного газа. Способов либро свести в могилу узников знали немало.

Так бесславно закончилась бурная жизнь гордой полячки, мечтавшей на свой лад перекроить Россию. В борьбе за прозрачную царскую власть она забыла и родину, и близких людей, терпела жизненные невзгоды и даже не пожалела малютку-сына.

Жена полуцаря

Еще одна малоизвестная царица XVII века — Мария Петровна Буйносова-Ростовская. Она была женой второго выборного царя, Василия Ивановича Шуйского, прозванного в народе полуцарем. В течение всего периода его четырехлетнего правления на престол претендовал якобы спасшийся «царь Дмитрий Иванович», бывший на самом деле вторым самозванцем Лжедмитрием. Страна оказалась поделенной надвое, поэтому обоих государей в народе называли полуцарями. Лжедмитрий II правил в Тушине, В. И. Шуйский — в Москве. Ни тому, ни другому не удалось победить друг друга, судьбу их решили сами подданные, которым надоело бесконечное кровопролитие и междоусобие. Поэтому конец обоих был печален. Царица Мария Петровна полностью разделила трагическую участь своего мужа.

Точная дата рождения Марии Петровны — 24 ноября, известна, поскольку в этот день отмечалась ее память в Новодевичьем монастыре, а вот о годе данных нет. Можно лишь предположить, что на свет она появилась около 1590 года, поскольку женой царя стала в январе 1608 года. Слишком молодыми или очень старыми невестам в то время быть не полагалось.

В детстве и юности будущая царица носила другое имя — Екатерина. Но из-за того, что прежние государыни таких имен не имели, по просьбе жениха она сменила свое необычное имя на, казалось, более подходящее — Мария.

Отцом будущей царицы был знатный князь из Рюриковичей — Петр Иванович Буйносов. Он принадлежал к роду ростовских князей, которые несколько веков владели Ростовским княжеством и только в конце XV века потеряли его и перешли на службу к московскому государю Ивану III. В XVI веке род ростовских князей стал очень разветвленным, поэтому у многих появились самостоятельные фамилии, возникшие из прозвищ предков: Буйносовы, Катыевы, Лобановы, Бахтеяровы и др. Буйносом прозывался ростовский князь Иван Александрович Хохолков, а его потомки уже стали Буйносовыми.

Хотя Петр Иванович Буйносов был достаточно знатен, государеву службе ему пришлось начинать в 1573 году с должности городского воеводы в маленькой приграничной крепости Алатырь. Иван Грозный не любил родовитых князей и к своему двору их не приближал. Только после воцарения в 1584 году Федора Ивановича П. И. Буйносов стал полковым воеводой и начал служить в войске, оборонявшем южные границы страны.

Семья князя предположительно жила в родовом имении в Вотской пятине, которое было пожаловано его предкам взамен Ростовской земли. Екатерина была не единственным ребенком — у нее имелись старший брат Иван и две младшие сестры, Мария и Пелагея. Их воспитанием занималась мать, о которой известно лишь имя — Мария Ивановна. Скорее всего, она тоже была знатного рода, поскольку князья в то время не женились на простолюдинках.

В ту эпоху дети провинциальных дворян с раннего возраста обычно получали домашнее образование. Их учителями были родители, мамки и няньки. Но в конце XVI века Петру Ивановичу был пожалован чин думного дворянина, и семья переехала в столицу. Там выстроили большой дом с множеством хозяйственных построек, садом и огородом, правда, не в центре, где уже не было свободных мест, а на территории Белого города. С этого времени дети Буйносова стали получать знания уже от более квалифицированных педагогов из числа столичного духовенства и подьячих. Все знали, что царь Борис Годунов ценит знающих людей, овладевших всевозможными науками.

При царском дворе Годунова воинские таланты Петра Ивановича были оценены по достоинству. Во время Серпуховского похода царя в 1598 году ему доверили командовать всей артиллерией. В следующем году он — один из главных воевод охранных пограничных полков, стоявших на берегу Оки.

Выборный царь Годунов, как это ни странно, любил титулованную знать, поэтому в 1603 году П. И. Буйносов получил боярский чин и начал заседать в Боярской думе. Более того, он вскоре вошел в ближний царский круг, став непременным участником различных званных обедов, приемов иностранных гостей, праздников.

Высокое положение отца дало возможность старшему сыну Ивану начать службу не с воеводства на окраине государства, а с почетной должности стольника при царском дворе. Постепенно подрастали и дочери. Все они были красивы, благонравны, хорошо образованны, поэтому Петр Иванович полагал, что проблем с женихами не будет. К тому же каждой из них он мог дать хорошее приданое, так как за свою службу постоянно получал новые земельные владения.

Однако скоро ситуация в стране настолько осложнилась, что о свадьбах уже никто не думал. В октябре 1604 года на территорию Русского государства вторгся самозванец, назвавшийся именем давно умершего царевича Дмитрия. Выступившее против него царское войско сражалось с переменным успехом, положение на фронте сохранялось напряженным. Хотя П. И. Буйносов был очень опытным воеводой, царь Борис не послал его на войну, а еще больше приблизил к себе, сделав главным советчиком по вопросам стратегии и тактики военных действий. Однако руководить армией из столицы было очень сложно.

Все члены семьи Петра Ивановича чувствовали, что самозванец представляет большую опасность. Во-первых, русские люди, будучи достаточно легковверными, доверчиво воспринимали его выдумки о подмене в детстве и тайном воспитании какими-то неизвестными людьми. Во-вторых, после репрессий в адрес Романовых и их многочисленных родственников царя Бориса не слишком любили. Сам князь нисколько не сомневался в том, что новоявленный «царевич Дмитрий» — наглый обманщик и авантюрист, и служить ему ни при каких условиях не собирался.

13 апреля 1605 года произошло печальное для Буйносовых событие — внезапно скончался царь Борис. Власть перешла к его вдове и царевичу Федору Борисовичу, решившим главной опорой трона сделать своих родственников и знатных князей — Ф. И. Мстиславского, В. И. и Д. И. Шуйских. Петр Иванович в их число не вошел. Последующие события, однако, показали, что Буйносовым даже повезло, что они не вошли в ближний круг новых правителей.

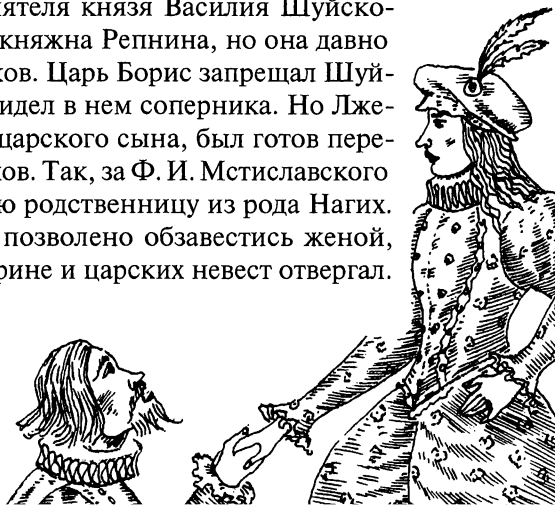
В середине мая 1605 года в Москву прискакал князь М. П. Катырев-Ростовский с небольшим окружением. Край-

не растерянный, он рассказал Петру Ивановичу о том, что царская армия почти в полном составе перешла на сторону Лжедмитрия. Все сторонники Годуновых либо бежали, либо были взяты под стражу. Защищать царицу Марию Григорьевну и царевича Федора было некому.

Петр Иванович, опасавшийся за судьбу своих детей, тут же принял решение отвезти семью в новгородское имение. В столице назревали тревожные перемены. Восстание, которое свергло вдову и сына царя Бориса, Буйносовы уже не видели, поскольку были далеко; в противном случае они также могли пострадать, так как всем было известно о любви к ним умершего монарха. С печалью узнали они, что 20 июня Лжедмитрий въехал в столицу и занял царский престол. При его дворе ростовским князьям было делать нечего. Там в фаворе были мнимые царские родственники Нагие, Романовы, Шереметевы, бывшие литовские князья Мосальские и Голицыны и новый фаворит — П. Ф. Басманов. О прежней иерархии среди знати все, казалось, забыли, задавшись целью выслужиться перед севшим на трон обманщиком.

Вполне вероятно, Лжедмитрию донесли, что П. И. Буйносов не верит в его истинность, поэтому князя решили сослать подальше, назначив воеводой маленького приграничного городка Ливны. Это было равносильно ссылке и опале. Но Петр Иванович этому обрадовался, поскольку не умел притворяться, что видит в маленьком и некрасивом рыжеволосом парне царского сына.

Однако не все забыли об опальных Буйносовых. Вскоре выяснилось, что прекрасная Екатерина Буйносова навсегда запала в душу отцова приятеля князя Василия Шуйского. Когда-то его женой была княжна Репнина, но она давно умерла, не оставив наследников. Царь Борис запрещал Шуйскому жениться, поскольку видел в нем соперника. Но Лжедмитрий, изображая из себя царского сына, был готов переженить всех знатных холостяков. Так, за Ф. И. Мстиславского он выдал замуж свою мнимую родственницу из рода Нагих. В. И. Шуйскому также было позволено обзавестись женой, но тот мечтал только о Екатерине и царских невест отвергал. Буйносовы же были в опале.

Можно предположить, что В. И. Шуйский сообщил Петру Ивановичу о своем желании породниться с ним. По всей вероятности, князь ответил, что при Лжедмитрии о свадьбе не может быть и речи. Это окончательно подтолкнуло Шуйского к организации заговора против самозванца. Кроме того, он сам метил на престол. Ведь царю любая княжна-красавица всегда была готова отдать руку и сердце.

Когда Екатерине сообщили, что к ней сватается князь В. И. Шуйский, она наверняка пришла в ужас. Ведь он был старше ее отца и к тому же был некрасив — маленького роста, с красными подслеповатыми глазами, крючковатым носом, широким ртом и длинной седой бородой. К тому же в его поведении всегда чувствовалась какая-то фальшь и изворотливость.

Не о таком женихе мечтала юная красавица-княжна. Мать с сестрами также были категорически против брака с уродливым стариком. Впрочем, все понимали: пока на престоле Лжедмитрий, свадьба не состоится. Но они и представить себе не могли, на что способен влюбленный старик.

В. И. Шуйский начал вербовать сторонников из числа тех, кто не желал служить Лжедмитрию. Действовал он очень осторожно, поскольку после первого заговора едва не оказался на плахе. Спасло его только то, что Лжедмитрий не захотел омрачать свое восшествие на трон казнью самого знатного Рюриковича. На этот раз в число заговорщиков были включены только братья, родственники и все, кто был недоволен правлением самозванца. Таких набралось немало, поскольку лжецарь окружил себя родственниками жены-полячки и изрядно потеснил русскую знать.

После расправы с Лжедмитрием 17 мая 1606 года по закону следовало созвать избирательный Земский собор, на который должны были собраться представители от всех больших городов. Но главный заговорщик не хотел ждать, к тому же избиратели могли счесть не подходящей для престола его кандидатуру — старого, бездетного, даже в отдаленном родстве не состоявшего с прежней династией. Поэтому В. И. Шуйский решил ограничиться мнениями тех москвичей, которых он либо убедил, либо подкупил.

Уже 19 мая горожан созвали на Соборную площадь и предложили назвать имя нового царя. Подкупленные сторонниками князя Шуйского начали выкрикивать его имя. Толпа, пьяная после разграбления погребов, их поддержала, на радостях подхватила своего избранника на руки и внесла прямо в царский дворец. С этого времени Василий Иванович стал нареченным царем. 1 июня, венчавшись на царство, он окончательно закрепил за собой престол. Только после этого по городам стали рассылаться грамоты, извещающие население страны о переменах в столице. Для многих они были полной неожиданностью, в том числе и для Екатерины и ее родственников.

Новый царь тут же отозвал П. И. Буйносова с дальнего воеводства и вновь ввел в состав Боярской думы, его сын Иван опять стал стольником. Ближе к осени вся семья собралась в большом московском доме. Из деревень привезли большие запасы продовольствия, чтобы зимой ни в чем не было нужды. Екатерине пришлось заняться обновлением гардероба, поскольку многие уже знали, что вскоре она станет царской невестой, и обращали на нее внимание во время выездов в город и посещения церкви.

Однако скоро выяснилось, что положение царя Василия очень непрочное. Летом поползли слухи, что «царь Дмитрий» спасся и живет в Самборе у своей тещи. Там он вербует новое войско для похода на Москву и свержения узурпатора Шуйского. Из-за этих вестей северские города не захотели поцеловать крест новому государю и собрались присоединиться к самозванцу. Следовало готовиться не к свадьбе, а к войне.

Неспокойно было и на Волге. Там грабил торговые суда еще один самозванец — якобы сын царя Федора Ивановича по имени Петр. Все знали, что это простой казак Илья Корвин. В народе его прозвали Петрушей, поскольку в его истинность никто не верил. Но вокруг него сплотилось довольно много любителей легкой добычи, которые именем «царевича» обирали население юго-восточных городков.

Осенью 1606 года к Москве подошло большое войско под началом И. Болотникова, который называл себя главным военачальником «царя Дмитрия Ивановича». Не встречая особого сопротивления, войско начало многодневную осаду горо-

да. Все верные В. И. Шуйскому воины взялись за ружье, были в их числе и П. И. Буйносов с сыном. В данном случае они защищали не только царя, но и свою семью. Ведь всем было ясно, что под знаменами Болотникова много голытьбы, которая в случае победы разграбит все богатые дома в столице.

Только в конце ноября в стан болотниковцев удалось внести раскол, и в декабре армия Болотникова была вынуждена отступить к Калуге. Там восставшие надеялись получить помощь из Польши и от Петруши, который уже был в Путивле.

На военном совете у царя Василия было решено разбить Петрушу и Болотникова и не позволить им соединиться с войском самозванца-царевича. Выполнить эту задачу взялись царские родственники братья Д. И. и И. И. Шуйские, М. В. Скопин-Шуйский и наиболее преданные воеводы. Среди них оказался и П. И. Буйносов со своими родичами: А. Бахтеяровым-Ростовским и Ю. Приемковым-Ростовским. Во главе небольших отрядов они отправились на поля сражений.

Однако силы оказались неравными — у царских воевод было не более нескольких сотен стрельцов. Поэтому многие из них погибли, а некоторые даже приняли мученическую смерть. Одних воевод сбросили с высоких крепостных башен, других утопили в реке, иных вешали вверх ногами, распинали, прибив гвоздями к крестам руки и ноги, расстреливали в клоузы из пушек. Среди погибших от рук казаков Петруши оказался и Петр Иванович Буйносов-Ростовский.

Сообщения о зверствах восставших всех потрясли. Екатерину возмутило и напугало известие о том, что самозванец Петруша захватил в плен ее дальнюю родственницу — дочь князя Андрея Бахтеярова-Ростовского и сделал своей наложницей. Самого же князя он зверски убил. Получалось, что теперь, оставшись без отца, который был надежным защитником, она могла попасть в плен к какому-нибудь свирепому казаку. В этих условиях брак с престарелым царем Василием Шуйским уже не казался таким непривлекательным.

К концу 1607 года В. И. Шуйскому удалось наконец-то справиться с Болотниковым и Петрушей. В Туле их войска попали в осаду и 10 октября сдались. После этого положение царя упрочилось, и он вновь вспомнил о своих брачных планах. К женитьбе толкали его и придворные, поскольку следо-

вало позаботиться о наследнике. Официально считалось, что преемником царя должен стать брат Дмитрий Иванович, но и у того не было детей, и, значит, невозможно было продолжить династию.

Царь Василий не стал устраивать смотр невест, поскольку в его сердце давно была одна Екатерина Буйносова. На этот раз ее родственники с большой радостью восприняли сватовство Шуйского. В декабре начались приготовления к свадьбе, на которой планировалось отпраздновать победу над всеми врагами и начало мирной и спокойной жизни.

Всегда скупой царь на этот раз решил расщедриться. Для платья невесты были присланы лучшие ткани, парча, бархат, шелка, для украшений — золото и драгоценные камни. Екатерину заранее переселили в верхние царские покои и, как мы уже знаем, нарекли Марией.

Сам жених решил преобразить свою неказистую внешность и, чтобы выглядеть моложе, сбрил седую бороду. Это вызвало большое возмущение у православного духовенства, но Василия Ивановича мнение иерархов не интересовало. Он готовился заключить в объятия давно любимую им девушку.

6 января Мария Петровна Буйносова была официально названа царской невестой. Ни для кого это не стало неожиданностью. Расстроен был только царский брат Дмитрий Иванович, который лишился статуса наследника престола. В итоге его даже не пригласили на свадебное торжество.

Посаженым отцом был назначен младший брат царя Иван Иванович, прозванный за малый рост Пуговкой. Поскольку он не был женат, то посаженной матерью стала жена Дмитрия Ивановича Екатерина Григорьевна (сестра героини первой повести, царицы Марии Григорьевны). Тысяцким стал Ф. И. Мстиславский, который по матери был родственником Шуйских. Его помощником — дядя невесты В. И. Буйносов-Ростовский. Первым дружкой жениха — молодой подающий большие надежды военачальник М. В. Скопин-Шуйский, вторым дружкой — царский любимец И. Ф. Крюк-Колычев. Дружками Марии Петровны были назначены князь И. А. Хованский и И. М. Пушкин (оба — видные воеводы). Возможно, они состояли в каком-то родстве с невестой. У коня царя следовало ехать И. М. Воротынскому, который вскоре женил-

ся на сестре М. П. Буйносовой — тоже Марии; у саней невесты — В. М. Лобанову-Ростовскому, ее дальнему родственнику. В поезде, который сопровождал кортеж жениха и невесты, первыми были бояре князь И. В. Голицын и И. Н. Романов (по матери состоял в родстве с Шуйскими). У первой свечи стоял князь И. Н. Одоевский-Меньшой, у второй — князь П. И. Пронский.

Роспись царской свадьбы показывает, что главными участниками на ней были родственники жениха и невесты, а также знатные князья и воеводы. Они составляли ближний круг В. И. Шуйского и являлись опорой его трона. Вскоре после торжеств дядя Марии В. И. Буйносов получил боярство, а брат хотя и остался в стольниках, но вошел в ближнее окружение царицы.

Муж юной красавицы был стар и некрасив, но многие ей завидовали. Ведь ее жилищем стал царский дворец. Самые красивые и богатые наряды были теперь только у нее. Лучшие товары заморские купцы сначала приносили царице, и она могла выбрать любую вещь. Прежде очень скупой, Шуйский теперь ничего не жалел для своей любимой и был готов потратить на ее прихоти последние остатки царской казны. Он полностью изменил свой образ жизни — постник и святоша превратился в веселого гуляку, устраивавшего пышные выезды в загородные резиденции, поездки по монастырям, сопровождаемые пикниками и охотой.

Однако все эти развлечения скоро закончились. Летом 1608 года к Москве подошла большая армия Лжедмитрия II и расположилась на лугу в Тушине. Город оказался на осадном положении. Для москвичей начались очень тяжелые дни; стало не хватать продовольствия, начались эпидемии. Но особенно страшно было моральное разложение общества. Некоторые представители знати, прежде всего из числа молодежи, решили, что «царю Дмитрию» служить выгоднее, чем престарелому «шубнику». Так прозывали В. И. Шуйского за то, что в его родовом городе Шуе было развито шубное производство. Даже дальний родственник Марии Петровны князь И. М. Катырев-Ростовский попытался изменить царю, но был схвачен, разоблачен и отправлен в ссылку в Сибирь. С этого времени царь стал с большим подозрением относиться к ростовским

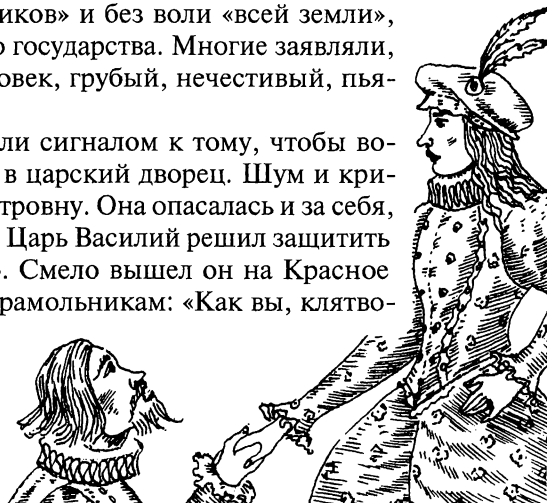
князьям. К жене же он был необычайно нежен, поскольку она носила ребенка — долгожданного наследника.

Хотя в конце 1608 года положение осажденной столицы оставалось очень тяжелым, в царской семье случилось радостное событие — родилась дочь Анна. Об этом сразу сообщили повсюду, где сохраняли верность царю Василию. Теперь государю приходилось думать не только о себе, но и о своей семье. Видя, что самому ему не справиться с грозным соперником, Шуйский решил попросить помощь у шведского короля, с которым был в дружеских отношениях. Для переговоров с ним в Новгород был отправлен М. В. Скопин-Шуйский со своим шурином С. Головиным. Несмотря на сложную ситуацию на северо-западе, царскому племяннику удалось получить хорошо вооруженный шведский полк, потом еще один, которые влились в городские дружины Новгорода и близлежащих западных городов. Это войско уже в начале 1609 года двинулось на помощь царю Василию, однако не кратчайшей дорогой, а через Тверь, Ярославль и Калязин, поскольку все центральные районы были в руках тушинцев. Поэтому ждать Скопина пришлось целый год.

В течение 1609 года обстановка в Москве была очень тяжелой. Горожане, недовольные бездействием царя, были готовы в любой момент поднять восстание и открыть ворота Лжедмитрию II. Только патриарх Гермоген всячески отговаривал их от измены, заявляя, что свержение православного монарха будет большим грехом.

Один раз москвичи не поддались уговорам и, собравшись на Лобном месте, стали требовать, чтобы В. И. Шуйский добровольно оставил престол, так как получил его незаконно, с помощью своих «потаковников» и без воли «всей земли», то есть всех жителей Русского государства. Многие заявляли, что царь — недостойный человек, грубый, нечестивый, пьяница и блудник.

Слова смутьянов послужили сигналом к тому, чтобы ворваться в Кремль, а потом и в царский дворец. Шум и крики очень напугали Марию Петровну. Она опасалась и за себя, и за малютку-дочь, и за мужа. Царь Василий решил защитить семью во что бы то ни стало. Смело вышел он на Красное крыльцо и громко крикнул крамольникам: «Как вы, клятво-

преступники, посмели ворваться сюда? Кто вы такие, чтобы сводить меня с престола? Это дело не ваше, а бояр и выборных от городов. Поэтому убирайтесь отсюда, пока стрельцы не расправились с вами».

Посрамленные зачинщики бунта поспешили разойтись, а с ними и вся толпа. Боясь наказания, многие из них бежали в Тушино.

В сложившейся ситуации, думая о будущем дочери, царица решила припрятать у своих родственниц некоторые ценные вещи: золотые сережки с изумрудами и рубинами, жемчужные ожерелья, соболиные шубки и постельное белье. Часть вещей отвезли к ее сестре Марии, часть — к родственнице Ирине Буйносовой и некоторым другим знакомым.

Но эти меры оказались напрасными — царевна умерла в младенчестве, самозванцу же не удалось взять Москву. Позднее все ценности пришлось продать, поскольку царю нечем было платить жалованье служилым людям.

Весь 1609 год Марии Ивановне приходилось добывать для мужа деньги. Ее ближним боярыням, Соломонии Бахтеяровой, Анне Урусовой и Прасковье Колычевой, приходилось спарывать жемчуг и драгоценные камни с одежды прежних царей и цариц и отдавать своим слугам на продажу. Самим боярыням это делать было неудобно. Вырученные деньги тут же отдавали ближним людям В. И. Шуйского — Семену Прозоровскому, Ивану Чепчугову и другим. Всего удалось добыть 17 тысяч рублей, что по тем временам было очень большой суммой.

На собственный обиход царице почти ничего не оставалось. На помин отца она смогла дать только 4 рубля, на сороковины дочери было потрачено всего несколько рублей, хотя по обычаю полагалось дать не менее 500 рублей. За целый год Мария Петровна потратила только 253 рубля на личные нужды. Для себя она лишь дважды покупала мыло и румяна. Все остальное ушло на жалованье прислужницам, на пожертвования в церкви и монастыри и на милостыню. Только 22 рубля на свои нужды за несколько раз смог выпросить у экономной царицы брат Иван.

Чтобы одарить своих ближних людей, царице приходилось брать вещи из царской казны, преимущественно шубки, лет-

ники, опашни, шапки и украшения. Позднее все это у них было конфисковано. Несомненно, осадное положение заставило царскую семью жить очень скромно и совсем забыть о развлечениях и празднествах.

Высокое положение Марии позволило ее младшим сестрам выгодно выйти замуж. Средняя сестра, Мария, стала женой одного из наиболее знатных князей — И. М. Воротынского. Он был сыном прославленного полководца М. И. Воротынского, спасшего Москву от полчищ крымского хана Девлет-Гирея в 1572 году. Правда, царствовавший тогда Иван Грозный не оценил его подвиг и, обвинив в чародействе, подверг опале. И. М. Воротынский, хотя и получил боярство, был далеко от трона и при Федоре Ивановиче, и при Борисе Годунове. Возвысил его только Лжедмитрий I, а при Василии Шуйском он стал одним из ведущих военачальников и близким царю человеком.

Самая младшая сестра царицы вышла замуж за князя А. Г. Долгорукова. Он сделал карьеру уже при царе Михаиле Федоровиче и прожил вместе с женой долгую жизнь.

Первая дочь Марии Петровны оказалась очень слабым ребенком и вскоре умерла. Это очень печалило Василия Шуйского. Но вскоре выяснилось, что царица вновь беременна. Все надежды теперь связывали со вторым ребенком, который должен был родиться в начале 1610 года.

Однако осенью 1609 года на территорию Русского государства вторгся новый враг — польский король Сигизмунд III. Под предлогом того, что царь заключил договор о взаимопомощи с его противником, шведским королем Карлом IX, он осадил Смоленск и вознамерился его захватить. Помочь жителям города было некому. М. В. Скопин сражался у Твери и Калязина, другая царская рать под началом Ф. И. Шереметева надолго застряла в Поволжье. В. И. Шуйский торопил обоих полководцев и просил как можно скорее снять осаду Москвы, но они не могли оставлять в тылу врагов.

Только в конце 1609 года полководцы-освободители подошли близко к Москве и обосновались в Александровской слободе. Но последний бросок к столице все откладывался. Мария Петровна считала это очень подозрительным. Возникал вопрос: а не задумали ли они взять власть в свои руки

и свергнуть непопулярного царя? О том, что В. И. Шуйский не был любим подданными, царица знала давно. Ведь он не смог отогнать Тушинского вора и окончательно истощил казну, которая из-за осады не наполнялась поступлениями из городов и Сибири.

Вскоре из Александровой слободы стали приходиться тревожные вести. Некоторые городские воеводы, в первую очередь рязанец П. П. Ляпунов, прямо называли молодого Скопина русским государем, царя Василия же они всячески поносили и обвиняли во всех смертных грехах. Но изменить ситуацию В. И. Шуйский не мог — у него не было ни войска, ни денег, ни достаточного количества верных сторонников. Он даже не осмеливался отправлять указы племяннику, у которого в руках были все рычаги власти, даже сбор налогов.

Радовало лишь то, что в начале 1610 года Тушинский лагерь окончательно развалился. Лжедмитрий II бежал в Калугу, его польские сторонники отправились под Смоленск служить своему королю Сигизмунду, а русские тушинцы просто разбежались.

Наконец в марте полководцы-победители торжественно въехали в столицу, восторженно приветствуемые жителями. Царь Василий и Мария Петровна притворились, что очень рады победе М. В. Скопина, но в глубине души у них сохранялось настороженное отношение к нему. Пиры и награждения были очень скромными, поскольку продовольствия в Москве не хватало, кормить за казенный счет следовало еще и шведских наемников, которые после весенней распутицы должны были выступить против короля Сигизмунда и освободить Смоленск от блокадного кольца.

Марии Петровне стало казаться, что былые беды уходят в прошлое. Она вновь стала матерью и родила девочку, названную Анастасией. Хотя практики передачи престола женщинам не было, ее можно было удачно выдать замуж за отпрыска европейского королевского дома и закрепить за ней царскую власть. Беспokoило только слабое здоровье ребенка. Опасения царицы оказались оправданны — через несколько месяцев умерла и эта дочь.

Москвичи почти месяц наслаждались свободой и устраивали всевозможные домашние праздники. Самым желанным

гостем на них был М. В. Скопин-Шуйский. В начале апреля сестра Марии Петровны Екатерина родила мальчика, названного Алексеем. По случаю его крестин в доме И. М. Воротынского был устроен пир. Крестным отцом младенца был приглашен Скопин, матерью — жена Д. И. Шуйского — Екатерина Григорьевна. Всем было весело и радостно. В конце праздника кума, по обычаю, поднесла куму перепивальную чашу с вином. Отпив из нее, молодой богатырь Скопин вдруг почувствовал себя плохо. Слуги отвезли его домой, но там его состояние ухудшилось. Срочно вызвали докторов, но они ничем не могли помочь умирающему князю.

Всем стало ясно, что полководец отравлен, и отраву, судя по всему, была в перепивальной чаше. Однако доказать это было невозможно. Через несколько дней мучений прославленный полководец скончался. Вся Москва горевала об этой потере. Только в царском дворе печаль была показной. Жене Скопина Елене выдали из казны 60 рублей на похороны. Царь Василий и Мария Петровна решили, что и без Скопина их престолу уже ничто не будет угрожать. Увы, они жестоко просчитались. Вскоре оказалось, что защищать и подпирать шатающийся царский трон практически некому.

Известие о смерти знаменитого воеводы заставило активизироваться и короля Сигизмунда, и Лжедмитрия II. В начале лета к Москве двинулось польское войско под началом гетмана С. Жолкевского. Против него во главе боеспособных полков, включавших шведских наемников, был направлен брат царя Д. И. Шуйский. 23 июня 1610 года у села Клушина состоялась битва, закончившаяся полным разгромом русской армии, поскольку князь Дмитрий в очередной раз показал себя трусливым и бездарным полководцем. Шведы не захотели оставаться под началом Шуйского и прямо с поля боя отправились в сторону Новгорода, который позднее захватили. Путь к столице оказался открытым.

Несомненно, известие о клушинском разгроме у царицы Марии могло вызвать только ужас. Становилось ясно, что их с мужем уже ничто не спасет. Москвичи каждый день готовы были поднять бунт, воинские люди разбежались, наемникам было нечем платить, а даром воевать никто не желал. Всем было ясно, что В. И. Шуйский обречен.

В это время из Калуги выступил с войском Лжедмитрий II. Он быстро взял сначала Пафнутьево-Боровский монастырь, потом — Николо-Угрешский и обосновался в Коломенском. Одновременно польское войско под началом С. Жолкевского достигло Новодевичьего монастыря. Сражаться с ними было некому.

Царице оставалось только молиться и утешать впавшего в отчаяние мужа. На этот раз его изворотливый ум не мог найти выхода. Ненависть подданных к нему была слишком велика. Они считали его виновным в том, что в стране уже несколько лет шла братоубийственная война и государство разваливалось на части.

17 июля 1610 года стало последним днем царствования Василия Шуйского и Марии Буйносовой. Утром на Лобном месте собралась большая толпа москвичей. Предводителями ее были рязанец Захарий Петрович Ляпунов, князя Засекины и Хомутов. Они потребовали, чтобы бояре вышли к ним и совместно обсудили вопрос о царском престоле и борьбе с двумя грозными врагами. Однако большинство старших бояр предпочло не вступать в переговоры со смутьянами. Из Кремля вышел только царский свояк И. М. Воротынский. Довольно скоро его удалось убедить в том, что царю Василию лучше добровольно покинуть царский дворец и получить взамен бывшее Суздальское княжество. В противном случае бунтующие москвичи могли насильно свергнуть его и даже убить.

Воротынский отправился во дворец вместе с женой, сестрой Марии Петровны, и стал убеждать царя и царицу смириться с печальной участью и не провоцировать подданных на вооруженное восстание. Поначалу Василий Иванович гневался и грозился расправиться со всеми смутьянами, но в конце концов доводы жены и родственников признал убедительными. Ведь, упорствуя, он подвергал опасности не только свою жизнь, но и жизнь молодой царицы, братьев и прочей родни. Мария же, поплакав, стала собирать вещи, чтобы поскорее переехать на старый боярский двор. Так из царицы она превратилась в княгиню и боярыню, то есть в одну из многих. Но на этом ее беды не закончились, они только начинались.

Власть в стране перешла в руки семи старших бояр. Боясь новых смут, они решили постричь царя Василия в мона-

хи, чтобы ни у кого не возникло желания снова посадить его на престол.

Через несколько дней в боярский дом Шуйских вновь вооруженные люди. Без всяких объяснений они потащили В. И. Шуйского в Чудов монастырь, сорвали с него мирское платье и насильно начали совершать обряд пострижения. Бывший царь отказывался отвечать на обетные вопросы, и за него это пришлось сделать князю Тюфякину. Позднее это позволило патриарху Гермогену не признавать Шуйского монахом и считать монахом самого Тюфякина. Правда, изменить что-либо в судьбе свергнутого монарха это уже не могло.

Мятежники не оставили в покое и Марию Петровну. Ведь она также имела права на царскую корону. На следующий день ее отвели в Ивановский монастырь и тоже постригли под именем Елена. Впереди ее ожидали каждодневный пост, молитвы и небольшая келья. Ее красота, живой блеск больших голубых глаз, румянец во всю щеку, алые уста и коса ниже пояса теперь никому не были нужны. Все скрывали монашеский куколь и черные одежды. Мирские радости остались в прошлом.

Оказавшись в келье, Мария-Елена долго рыдала. Ей было жаль свою так рано загубленную жизнь, дочерей, умерших в младенчестве, мужа с братьями, которых отвезли подальше от Москвы в Иосифо-Волоколамский монастырь. Там они оказались в плену у Жолкевского, отправившего их под Смоленск в ставку польского короля. Так впервые в русской истории царь оказался в плену у своего врага. Бывшей жене с ним встретиться уже не довелось. В плену В. И. Шуйский испытал много унижений и умер 12 сентября 1612 года.

Новое правительство, прозванное в народе «Семибоярщиной», не оставило и Марию-Елену в покое. Оно решило именно ее обвинить в растрате царской казны. Над бывшей царицей устроили настоящий суд с пристрастными допросами и очными ставками со свидетелями.

Сначала ее допрашивали крутицкий митрополит Пафнутий и бояре И. С. Куракин и В. М. Мосальский. Их сменили дьяки С. Ефимьев и И. Юрьев. Они вызвали на очную ставку родственниц царицы, сестер Марию и Ирину, а также Софью и Соломонию Бахтеяровых и Фетинью Великую. Потом

доставили на допрос бывших хранителей царицыной казны Анну Шестакову и Анну Орлову. Их заставили принести приходные и расходные книги. Все было проверено с большой тщательностью. Более того, дьяки приняли решение конфисковать все подарки царицы, которые она делала близким людям и служительницам. Это так возмутило Марию Петровну, что она заявила боярам: «Мало ли кого муж мой и я жаловали. Вы что же, у всех хотите все изъять? Расстрига был не лучше нас, но его подарки ни у кого не отнимали». Вспомнила она и то, что после смерти царя Бориса его жена Мария Григорьевна изъяла из царской казны и спрятала много всякого добра, но никто его искать не стал.

Несомненно, слова бывшей царицы были справедливы. Все знали, что для себя ни она, ни муж ничего не взяли, поскольку им нужно было платить наемникам, стрельцам, дьякам и другим служащим двора. Полагалось награждать и особо отличившихся дьяков и воинов, когда у самого царя, кроме неприкосновенных царских сокровищ, ничего не было — ведь казна не пополнялась ежегодными доходами в течение нескольких лет.

Смелые ответы Марии-Елены и убедительность ее объяснений поставили судей в тупик. Обвинять царицу в том, что она по своему усмотрению распоряжалась казной, было бессмысленно. На этом суд закончился. Некоторые бояре даже прониклись сочувствием к невольной монахини и решили не отдавать ее полякам, как всех Шуйских, Бывшую царицу лишь отправили подальше от столицы в суздальский Покровский монастырь, где когда-то оплакивала свою печальную участь первая жена Василия III — Соломония Сабурова. Там была и другая затворница из царского рода — первая жена царевича Ивана Ивановича — Евдокия Юрьевна Сабурова, в монашестве Александра. Она проживала в монастыре с 1575 года и давно привыкла к однообразной монастырской жизни, научившись видеть в ней свои положительные стороны.

В то время, когда в миру шли политические и междоусобные баталии, сменялись цари, люди гибли на полях сражений, в монастыре было тихо и спокойно: молитвы, чтение, рукоделие, душеспасительные беседы, встречи с редкими по-

сегителями. Все это давало умиротворение и настраивало на философский лад. Дни шли за днями, каждый был похож на предыдущий. Правда, особо важные события все же проникали за толстые монастырские стены.

Летом 1612 года знатные постриженницы узнали, что в Суздаль прибыл руководитель Второго ополчения Дмитрий Михайлович Пожарский. Он захотел перед решающей битвой за Москву, занятую поляками, помолиться у могил предков. Его родовым монастырем был Спасо-Евфимиев. Вполне возможно, что он посетил и соседний Покровский, чтобы почтить знатных постриженниц. Ведь ополченцы, взяв в руки верховную власть, заботились о материальном обеспечении всех бывших лиц царского рода и считали себя их покровителями.

Несомненно, что Мария-Елена сочувствовала патриотам, поскольку их главными врагами были поляки, захватившие в плен ее мужа, и московские бояре, когда-то унижавшие ее царское достоинство во время пристрастных допросов. Поэтому она с радостью узнала, что в конце октября 1612 года Москва была полностью освобождена от интервентов. Теперь судьбу царского престола должен был решить представительный Земский собор. Он начал работать в конце декабря, но лишь 21 февраля 1613 года было названо имя нового государя — Михаил Федорович Романов, двоюродный племянник царя Федора Ивановича.

Его избрание, видимо, обрадовало бывшую царицу, так как она когда-то была дружна с его матерью, Марфой Ивановной, урожденной Ксенией Ивановной Шестовой. Буйносовы даже состояли с новыми государями в дальнем родстве, поскольку сестра Михаила Татьяна была женой князя И. М. Катырева-Ростовского. Правда, в 1613 году Татьяны уже не было в живых.

Действительно, после того, как Михаил Федорович вошел на престол и справился с первыми неотложными задачами, великая государыня старица Марфа Ивановна вспомнила о своей подруге и повелела перевести ее поближе к столице, в Новодевичий монастырь. Там она стала часто ее навещать и к каждому празднику дарить подарки.

Через некоторое время по приказу царя Михаила для знатной монахини возвели просторные палаты с хозяйственными

постройками. Для обихода ей были выделены значительные средства и приставлены слуги. На новоселье прибыли сестры Марии-Елены Мария и Пелагея с детьми. Царь прислал дорогой подарок — сорок прекрасных соболиных шкурок, из которых потом Мария-Елена сшила роскошную шубу. Эти маленькие радости скрашивали ее однообразную жизнь.

Последние годы жизни бывшей царицы были вполне благополучными. Она провела их в полном довольстве, окруженная заботой великой государыни и сестер. Печалило лишь то, что прах мужа остался во враждебной Польше. Более того, по слухам, В. И. Шуйский был похоронен у перекрестка двух дорог и над могилой был не крест, а столб с назидательной надписью: «Здесь покоится прах московского государя Василия. Полякам на похвалу, Московскому государству на укоризну». Несомненно, эти слова оскорбляли память свергнутого монарха и как бы насмеялись над его подданными. Поэтому Мария-Елена не раз обращалась к своей покровительнице с просьбой помочь перенести останки Шуйского на родину. В 1619 году, казалось, для этого представился благоприятный случай — по Деулинскому перемирию домой возвращались патриарх Филарет и все члены посольства, когда-то арестованного Сигизмундом и отправленного в польский плен. В Москву смог вновь приехать даже И. И. Шуйский, который согласился служить Владиславу и не был, как его братья, под стражей. Он оказался единственным представителем в России когда-то многочисленного и могущественного рода суздальских князей. С его смертью род Шуйских угас.

Однако прах царя Василия перевезли на родину значительно позднее, уже после смерти Марии-Елены. В 1635 году по Поляновскому мирному договору после провальной Смоленской войны русским дипломатам удалось уговорить нового короля Владислава отдать прах русского царя. Он был перезахоронен в царской усыпальнице Архангельского собора. Несомненно, в реабилитации Шуйского большую роль сыграла Мария-Елена, никогда не забывавшая своего несчастного супруга, когда-то так горячо ее любившего.

Царица-монахиня тихо скончалась в 1626 году. По современным меркам она была еще достаточно молодой женщиной. Однако жизненные невзгоды быстро истощили ее орга-

низм и раньше времени свели в могилу. О ее смерти сообщил официальный «Новый летописец». Во вкладной книге Новодевичьего монастыря об этом событии была сделана следующая запись под 24 ноября: «Память благоверной царицы и великой княгини Екатерины, во иноцех Елены, схимницы». Запись говорит о том, что в конце жизни царица вновь стала зваться своим крестильным именем Екатерина и вела аскетический образ жизни. Ни о каких вкладах на помин ее души сведений нет. Возможно, вкладом стали постройки, в которых жила знатная монахиня, и ее имущество.

Размышляя о печальной судьбе красавицы Марии-Екатерины Буйносовой, приходишь к выводу, что она стала одной из многочисленных жертв Смутного времени. Отец ее — надежда и опора семьи — погиб в боях с самозванцем Петрушей. Сама она вынуждена была стать женой престарелого и непопулярного царя, две ее дочери умерли, не выдержав тягот осадного положения, свою жизнь она завершила в монастырской келье, не дождавшись старости.

Значительно удачнее сложилась жизнь младших сестер Марии Петровны. Средняя сестра, Мария, жена И. М. Воротынского, родила нескольких детей, продолживших род князей Воротынских. Ее правнуку Михаилу Ивановичу даже удалось стать ближним боярином царя Алексея Михайловича. Умерла Мария в кругу семьи в 1628 году. Жизнь Пелагеи была продолжительной — она умерла в 1646 году. Ее старший сын, Юрий Александрович Долгорукий, в царствование Алексея Михайловича стал видным боярином и полководцем.

По мужской линии род Буйносовых-Ростовских вскоре иссяк. В конце XVII века не было в живых уже ни одного представителя этого рода.

Великая государыня старица Марфа Ивановна

Героиня данного очерка официально не была царицей, ее называли великой государыней старицей Марфой Ивановной, поскольку она была матерью первого царя, Михаила Федоровича, из династии Романовых. Однако в начале прав-

ления юного сына (Михаил был избран царем в 16 лет) она всегда была с ним рядом и мудрыми советами помогала принимать правильные решения. В народе даже поговаривали, что государством правит старица-инокиня со своим родом, то есть со своими родственниками. Поэтому Марфу Ивановну правомерно считать одной из цариц XVII века; она внесла большой вклад в восстановление Русского государства после Великой смуты.

До пострижения Марфа носила имя Ксения. Ее отцом был богатый костромской дворянин Иван Васильевич Шестов, участник Ливонской войны. Во время одного из походов он, видимо, погиб, оставив жене Марье и двум дочерям несколько вотчин и поместий. Шестовы принадлежали к древнему боярскому роду Морозовых-Салтыковых, сильно разросшемуся в XVI веке. Их однородцами, к примеру, считались Шейны и Тучковы. Свою фамилию Шестовы получили по прозвищу Шест предка Михаила Ивановича из седьмого колена всего рода.

Точная дата рождения Ксении Ивановны не известна, но по дате ее свадьбы — 1590 год — можно предположить, что она родилась в начале 70-х годов XVI века. В детстве она, вероятнее всего, жила в родовом имении Домнино около Костромы. К нему прилегали 57 деревень и починков, также принадлежавших ее семье. Позднее эта вотчина станет ее приданым. Около Домнина простирались густые леса и было много непроходимых болот. По большим церковным праздникам семья ездила в Кострому, где у Шестовых был большой городской дом.

Источники не сохранили сведений о происхождении матери Ксении, известно лишь, что ей принадлежало село Клементьево с четырнадцатью деревнями в Угличском уезде, которое также перешло в собственность нашей героини.

После смерти Ивана Васильевича семья переехала в Москву к родственникам, чтобы дочери могли удачно выйти замуж. Действительно, очень скоро Ксения стала женой боярина Федора Никитича Романова, занимавшего при дворе царя Федора Ивановича высокое положение, поскольку по матери он приходился ему двоюродным братом.

Муж был много старше Ксении Ивановны, но считался одним из наиболее завидных московских женихов: он был богат, знатен и красив. Сама же Ксения особой привлекательностью не отличалась. Выбор Федора Никитича, видимо, пал на нее лишь потому, что он состоял с ней в дальнем родстве. Мать его деда, Романа Юрьевича Захарьина, была из семьи Тучковых. В то время в знатных родах существовал обычай жениться и выходить замуж за своих дальних родственников, чтобы земельные владения не дробились и не уменьшались.

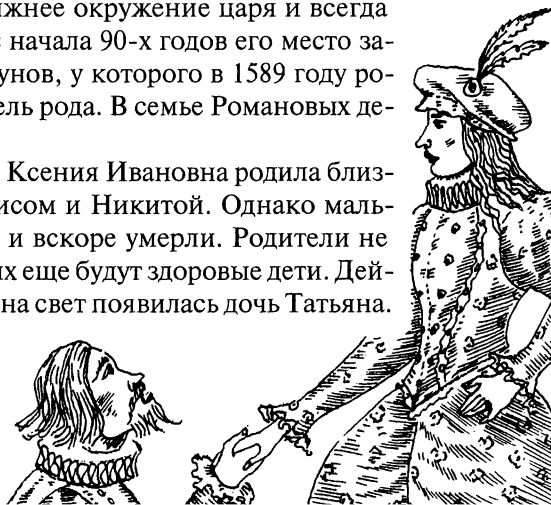
После замужества Ксения Ивановна вместе с матерью переселилась в уютный дом на Варварке. Сестра ее вскоре стала женой М. М. Салтыкова, носившего прозвище Кривой, видимо из-за дефекта зрения. Он был достаточно знатен и через некоторое время получил чин окольничего.

Хотя Ксения Ивановна не отличалась, как уже говорилось, особой красотой, она обладала множеством достоинств: была рачительной хозяйкой, искусной рукодельницей, очень набожной и благочестивой. К тому же, взрослая не по годам, она отличалась умом и рассудительностью. Поэтому вскоре выяснилось, что супруги прекрасно дополняли друг друга.

Федор Никитич, будучи старшим в семье, вынужден был опекать младших братьев Александра, Михаила, Василия и Ивана, живших вместе с ним. Это накладывало на молодую боярыню дополнительные обязанности, с которыми она с успехом справлялась — конечно, с помощью многочисленной дворни.

У царя Федора Ивановича долгое время не было детей, поэтому его неофициальным наследником считался Федор Никитич, который входил в ближнее окружение царя и всегда был при «светлых очах». Но с начала 90-х годов его место занял царский шурин Б. Ф. Годунов, у которого в 1589 году родился сын Федор, продолжатель рода. В семье Романовых дети появились не сразу.

Только 29 ноября 1592 года Ксения Ивановна родила близнецов, которых назвали Борисом и Никитой. Однако мальчики оказались слабенькими и вскоре умерли. Родители не отчаивались, надеясь, что у них еще будут здоровые дети. Действительно, в конце 1593 года на свет появилась дочь Татьяна.

Ксения Ивановна отдала ей всю свою нерастраченную материнскую любовь и заботу.

Наконец 12 июля 1596 года родился долгожданный наследник — сын Михаил. Ксения Ивановна стала думать, что для полного счастья у нее есть все: любящий и заботливый супруг, прекрасные дети, высокое положение в обществе, богатство и знатность. Даже смерть 21 сентября 1597 года сына Льва, родившегося с дефектом ног, наследственным заболеванием Романовых, не стала безутешным горем, поскольку дом наполняли звонкие детские голоса Татьяны и Михаила. До пяти лет их воспитание и образование были полностью на плечах матери и осуществлялись на ее половине.

Ксения Ивановна сама следила за изготовлением для них красивой одежды, специальных детских кроваток, стульчиков и столиков. По ее заказу у заморских купцов приобретались диковинные игрушки: фигурки слонов, тигров, медведей, собак, оленей, потешные куклы, книжки с чудесными картинками, рассказывающими либо о жизни Христа, либо о дальних странах. По сложившейся традиции именно мать должна была обучить детей грамоте.

Хотя Ксения Ивановна мечтала о большой семье, но, кроме Татьяны и Михаила, другие ее дети оказались нежизнеспособными. Последний сын, Иван, умер 7 июня 1599 года. Он, как и его братья, был похоронен в родовом Новоспасском монастыре в Москве. Родители никогда не забывали своих детей и часто навещали их могилы. Кроме того, они делали в монастырь щедрые вклады на помин их душ.

Со временем обязанностей у Ксении Ивановны в большом боярском доме стало меньше. Сначала брат мужа Александр женился на дочери знатного князя Гедиминовича — Евдокии Ивановне Голицыной. Потом вышли замуж сестры: Марфа стала женой князя Б. К. Черкасского, Анна — князя И. Ф. Троекурова, Ирина — И. И. Годунова, старшая, Евфимия, уже давно была женой князя И. В. Сицкого. На попечении Ксении Ивановны оставались Михаил, Василий и Иван Никитичи и совсем юная Анастасия Никитична.

Братья Романовы были очень дружны, никогда никому не завидовали и не стремились выдвинуться при дворе, хотя имели на это полное право, так как считались ближайши-

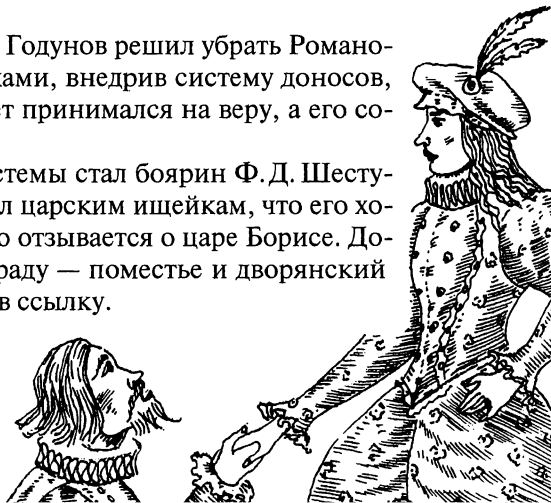
ми родственниками царя Федора Ивановича — их отец Никита Романович был родным братом матери Федора царицы Анастасии. Но по возрасту они уступали опытным политикам и царедворцам Годуновым, возглавлявшим и дворцовое хозяйство, и войско, и дипломатическое ведомство, и сбор налогов с городов. Как бы то ни было, они позволили царскому шурину Борису Федоровичу Годунову захватить лидерство и стать официальным наследником бездетного царя.

Когда 7 января 1598 года царь Федор Иванович скончался, никто из Романовых не вступил в борьбу за престол. Они были готовы смириться с любым решением избирательного Земского собора, на котором ведущую роль играл патриарх Иов, верный сподвижник Годуновых. При его непосредственном участии новым царем был избран Б. Ф. Годунов, формально не имевший прав на корону, поскольку не состоял в кровном родстве с представителями прежней династии.

Новый монарх по достоинству оценил скромность Романовых и щедро наградил их: Александр получил боярство, Михаил — окольничество, Василий и Иван стали стольниками. Возвысились и их родственники: Б. К. Черкасский стал боярином, И. И. Годунов — кравчим, муж сестры Ксении Ивановны М. М. Салтыков получил окольничество. Вместе с другими родичами, боярами Ф. И. Мстиславским, И. В. Сицким, Ф. Д. Шестуновым (был женат на двоюродной сестре Федора Никитича), они стали представлять в Боярской думе мощный клан. Вполне вероятно, это обстоятельство в какой-то момент обеспокоило царя Бориса, но открыто расправиться с возможными соперниками он не мог. При венчании на царство выборный государь обещал в течение пяти лет никого не казнить.

Но все же подозрительный Годунов решил убрать Романовых, но не сам, а чужими руками, внедрив систему доносов, согласно которой любой навет принимался на веру, а его сочинитель получал награду.

Первой жертвой новой системы стал боярин Ф. Д. Шестунов. Один из его слуг сообщил царским ищейкам, что его хозяин не слишком почтительно отзывается о царе Борисе. Доносчик получил щедрую награду — поместье и дворянский чин, а боярин был отправлен в ссылку.

Дело Шестунова получило широкую огласку. Многие слуги стали оговаривать своих хозяев, чтобы обогатиться и высидеть за их счет. В конце концов все стали опасаться не только прислужников, но и родственников, жен и детей.

Романовым, пользовавшимся всеобщим уважением и любовью, казалось, что система доносов их не коснется. Однако они не знали, что царь Борис уже давно занес меч над их головой. Правда, доносчика удалось найти не сразу. Только в ноябре 1600 года казначей Александра Никитича Бартенев Второй согласился за хорошую плату оболгать хозяина. Оправданий Романовых никто не захотел слушать. Ведь цель разбирательства и состояла в том, чтобы окончательно расправиться с возможными соперниками Годуновых. Сам царь старался держаться в стороне, чтобы никто не заподозрил его в том, что «дело Романовых» им же и сфабриковано.

По боярскому приговору мужа Ксении Ивановны, как старшего из братьев, насильно постригли в монахи, чтобы он никогда не имел возможности претендовать на престол. С лета 1602 года Федор Никитич стал монахом Филаретом в далеком Антониево-Сийском монастыре. Ему надлежало там жить под строгим надзором пристава и монахов и больше никаких контактов не иметь. Насильно постригли под именем Марфа и Ксению Ивановну. Ее сослали в Толвуйский погост в Заонежье. Жить ей предстояло в небольшой деревне под присмотром местного священника.

Судьи не пощадили никого из Романовых. Виновной сочли даже мать Ксении Ивановны, которую постригли в Никольский монастырь в Чебоксарах. При этом они вряд ли смогли бы внятно объяснить, в чем была вина этой пожилой женщины.

Но самое жестокое наказание ожидало братьев Федора Никитича. Александра отправили в ссылку к Белому морю, где он очень быстро скончался по неизвестной причине; видимо, приставы его убили. Михаила смерть настигла в земляной темнице в Ныробской волости около Перми. Его держали в обычной глубокой яме, едва прикрытой досками. Выжить в таких условиях в суровую зиму было попросту невозможно. Василия сослали в Пелым, и к месту заключения ему пришлось брести в тяжелых кандалах, которые так натерли ему

ноги, что на них образовалась гангрена. В феврале 1602 года он умер. Выжить удалось только Ивану, хотя он с детства страдал церебральным параличом. Возможно, приставы не решились создать для него нечеловеческие условия; впрочем, в ссылке он тоже тяжело болел; по приказу царя его перевезли в Уфу, где о нем стал заботиться племянник И. Б. Черкасский.

Ссылка самым роковым образом сказалась на жизни и здоровье родственников Романовых. Князь Б. К. Черкасский в тюрьме заболел камчугом (словарь Даля называет эту болезнь родом проказы) и скончался. Вскоре камчуг был обнаружен и у его жены, Марфы Никитичны. Князь И. В. Сицкий замерз по пути в Астрахань, куда был сослан; его жена Евфимия Никитична умерла от переживаний в монастыре.

У Ксении Ивановны от обрушившихся на нее бед и от разлуки с детьми и мужем начались нервные приступы, мучившие ее потом всю жизнь.

Следует отметить, что простые люди с большим сочувствием отнеслись к опальным. В Заонежье толвуйский священник Ермолай Герасимов и его жена ухаживали за ссыльной боярыней, передавали ей весточки от детей и мужа, хотя это и было строжайше запрещено. Но они понимали, что только добрые известия помогут Ксении-Марфе выжить в тяжелейших условиях.

Монахи Антониево-Сийского монастыря создали для Филарета вполне сносные условия жизни. У него была отдельная келья, при нем жил слуга, который доставлял еду и обслуживал его. Запрещалось лишь посещать церковную службу, чтобы не иметь контактов с посторонними. Царь Борис боялся, что Романовы с помощью своих сторонников организуют против него заговор, поэтому требовал, чтобы они были изолированы от внешнего мира.

Однако, как показало время, все его усилия оказались тщетными. Филарет был хорошо информирован о ситуации в стране и знал даже о самозванческой аванюре Лжедмитрия, не без основания полагая, что тот вызовет его из монастыря.

Сведения о гибели братьев Романовых и их родственников будоражили московскую общественность. Всем становилось ясно, что Годунов не является продолжателем славных дел милостивого и справедливого царя Федора Ивановича,

а хочет быть наследником яростного и жестокого царя Ивана Грозного. Эти настроения дошли до двора, и царь Борис решил смягчить участь опальных Романовых. Женщинам и детям позволили покинуть тюрьму и переселиться в село Клин Юрьевского уезда под надзор приставов. Там Ксения-Марфа наконец-то смогла обнять своих ненаглядных деток, Татьяну и Михаила, которые за годы невзгод выросли и исхудали. Даже их одежда превратилась в лохмотья, как у нищих.

Пролив немало слез при встрече, Ксения-Марфа стала требовать от приставов для детей побольше молока, мяса, яиц и овощей. Но те побоялись сами расширить скудный рацион поднадзорных и обо всем сообщили царю. На этот раз Годунов решил быть милостивым и повелел не только выдавать нужное количество продуктов, но и купить для всех материю на одежду. Сшить же ее женщины должны были сами.

Получив холсты и сукна для белья и верхней одежды, Ксения-Марфа с Марфой Никитичной и Анастасией тут же взялись за дело. Несмотря на знатное происхождение, они были искусными мастерицами. Вскоре все облачились во вполне приличные одеяния, украшенные не жемчугом и золотой канителью, а искусной вышивкой, сделанной цветными нитками.

Совместная жизнь в деревенской глуши сдружила узников и надзирателей. Особенно добры были к опальным боярыням В. М. Хлопов и его жена. А дети все вместе зимой катались на салазках, лепили снеговиков и играли в снежки. Летом ходили в лес за грибами и ягодами, купались в реке, водили хороводы, забавлялись лаптой и салками. Крепкие и здоровые дети Хлоповых во всем опережали хрупкую Татьяну и робкого и неуклюжего Михаила. Но на них никто не обижался. Напротив, Михаил с восхищением наблюдал за бойкой хохотушкой Марией, племянницей В. М. Хлопова, у которой всегда был румянец во всю щеку, задорно блестели глаза и весь облик излучал искристое веселье. Эти детские впечатления навсегда запали в его душу и сердце и, повзрослев, он стал мечтать о том, чтобы жениться на Марии.

Со временем улучшилась жизнь и Филарета. Ему обновили за счет казны обветшавшую одежду и позволили участвовать в церковной службе. Тайком монахи проводили к нему посе-

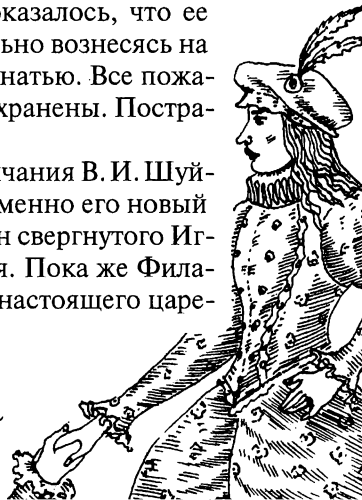
тителей, которые рассказывали о важных событиях в стране: вторжении войск Лжедмитрия, вялых сражениях с ним армии царя и, наконец, о смерти в апреле 1605 года ненавистного царя Бориса. Опальный монах чувствовал, что скоро его положение переменится к лучшему.

Действительно, воцарившийся летом 1605 года Лжедмитрий, изображая истинного царского сына, вернул из ссылки и приблизил к себе всех своих мнимых родственников, в том числе и Романовых. Филарет вновь оказался в Москве и через некоторое время был рукоположен в ростовские митрополиты. Его брат Иван Никитич получил боярский чин и вошел в состав правительства самозванца.

Вернуться в столицу смогла и Ксения-Марфа с детьми и родственницами. Хотя она осталась монахиней, но, как опекунша малолетних детей, получила разрешение поселиться с ними в доме на Варварке. Все имения Романовых, ранее конфискованные, были возвращены и отданы под ее управление. Но вернуться к прежней счастливой жизни знатной и богатой боярыни Ксения-Марфа уже не могла. Ее семья была навсегда разрушена, бывший муж отбыл в свою епархию и уже не имел права проживать с ней в одном доме, дети так и не смогли оправиться от невзгод и росли довольно хилыми, собственное здоровье было подорвано.

Хотя многие представители знати догадывались, что Лжедмитрий не был настоящим сыном Ивана Грозного, для Романовых его правление было выгодным. Поэтому никто из них не принял участия в заговоре Василия Ивановича Шуйского, закончившемся 17 мая 1606 года свержением и убийством самозванца. Ксения-Марфа перемены на троне восприняла с большой тревогой, но вскоре оказалось, что ее опасения напрасны. Новый царь, стремительно вознесясь на престол, не захотел портить отношения со знатью. Все пожалования и назначения Лжедмитрия были сохранены. Пострадали только поляки и низшие чины.

Филарет был приглашен в Москву для венчания В. И. Шуйского на царство. Стали ходить слухи, что именно его новый царь собирает возвести в патриархи взамен свергнутого Игнатия, главного «потаковника» Лжедмитрия. Пока же Филарету поручили привезти из Углича останки настоящего царе-

вича Дмитрия, чтобы ни у кого не было сомнений в том, что свергнутый «царь Дмитрий» — всего лишь ловкий обманщик.

Филарет успешно справился с возложенной миссией — мощи царевича были обнаружены нетленными, что являлось доказательством его святости. С большим почетом их доставили в Москву и установили для всеобщего обозрения в Архангельском соборе. Свое заключение, сделанное в 1591 году в ходе следствия в Угличе о том, что Дмитрий случайно заколол себя во время припадка эпилепсии, В. И. Шуйский предпочел забыть, поскольку самоубийцы считались большими грешниками и святыми быть не могли. Теперь он поддержал версию Нагих о том, что царевича зарезали наемные убийцы, подкупленные Б. Ф. Годуновым.

Дмитрия объявили новым святым мучеником и прославили по всей стране. Царь Василий надеялся, что это остановит тех, кто поддерживает новую самозванческую авантюру — уже Лжедмитрия II. Однако в расположенных западнее городах, когда-то помогших Гришке Отрепьеву занять царский престол, многие были недовольны воцарением Шуйского и отказывались верить в святость последнего сына Ивана Грозного. Они готовы были сплотиться вокруг любого, кто начнет борьбу с боярским царем.

Царь Василий оказался в сложном положении. Видя в Филарете соперника, он не стал возводить его в сан патриарха и вновь отправил в Ростов. Главой церкви по его рекомендации стал казанский митрополит Гермоген, прославившийся разоблачением антицерковных поступков Лжедмитрия I: тот, мол, не соблюдал пост, ел телятину, женился на католичке, внедрял при дворе польские нравы и обычаи и т. д.

В отличие от Филарета, Гермоген был из простого рода провинциальных священников, старше царя и не имел связей среди московской знати, поэтому не мог посягать на власть и популярность В. И. Шуйского.

Но, обидев Филарета, В. И. Шуйский решил приблизить к себе его детей, жену и родственников. Татьяна вскоре стала женой одного из самых знатных Рюриковичей — князя И. М. Катырева-Ростовского. Юный Михаил получил чин стольника, а Ксения-Марфа после женитьбы царя на Марии Петровне Буйносовой-Ростовской вошла в ее ближний круг.

Иван Никитич не только остался в Боярской думе, но и часто назначался воеводой главных полков. Несмотря на плохое владение ногой и рукой, он сражался с Болотниковым и его сподвижником Петрушей.

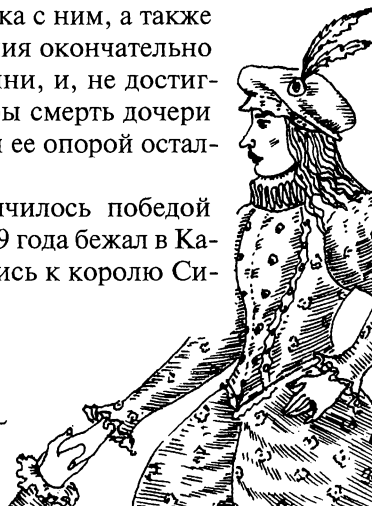
Осенью 1607 года после взятия Тулы и захвата в плен Болотникова и Петруши все стали надеяться, что мирная и спокойная жизнь близка. Но лето 1608 года показало, что эти ожидания напрасны: к столице подошла большая армия Лжедмитрия II. Сражаться с новым самозванцем у царя Василия Шуйского сил уже не было.

Ксения-Марфа поначалу стоически отнеслась к новому бедствию. Однако вскоре она узнала, что Ростов, где находился ее муж, захвачен и разграблен сторонниками самозванца. Митрополит был взят в плен и отвезен в ставку Лжедмитрия II в Тушино. Там, вольно или невольно, ему пришлось взять на себя функции патриарха, так как табор был провозглашен второй столицей со своим государем, Боярской думой, двором, правительством и главой церкви.

Судьба Филарета очень беспокоила Ксению-Марфу, ведь в любой момент он мог погибнуть от рук поляков или пьяных казаков. Боялась она и того, что его возвышение в Тушине самым отрицательным образом скажется на положении при дворе ее самой и сына. Но Шуйский, чувствуя, что трон под ним качается, уже не был способен на жестокие репрессии. К тому же государей меняли многие представители знати, которые только и делали, что метались между Москвой и Тушиным. В народе их даже прозвали перелётами.

Правда, муж Татьяны И. М. Катырев все же угодил в ссылку в Сибирь за то, что во время одного из важных сражений задумал переметнуться к самозванцу. Разлука с ним, а также всевозможные невзгоды осадного положения окончательно подточили слабое здоровье молодой княгини, и, не достигнув 19 лет, она умерла. Для Ксении-Марфы смерть дочери стала большим горем. Теперь единственной ее опорой остался сын Михаил.

Противостояние двух полуцарей закончилось победой В. И. Шуйского. Лжедмитрий II в конце 1609 года бежал в Калугу, а его польские сторонники направились к королю Сигизмунду III и увезли с собой Филарета.

Узнав об этом, Ксения-Марфа стала умолять царя Василия отбить бывшего супруга и вернуть его в столицу. За поляками был послан отряд, который настиг их в Иосифо-Волоколамском монастыре. Сражаться за Филарета никто из поляков не стал, и бывший тушинский патриарх смог вернуться к сыну и Ксении-Марфе. В Ростов он уже не поехал, поскольку обстановка в стране была очень сложная.

В апреле 1610 года внезапно скончался М. В. Скопин-Шуйский, в июне была бездарно проиграна Клушинская битва, и под Москвой оказались сразу два грозных противника: коронный гетман С. Жолкевский и Лжедмитрий II. В июле царь Василий был свергнут, и власть перешла в руки семи бояр. Одним из них был брат Филарета — И. Н. Романов, в родстве с ним состояли и другие бояре — Ф. И. Мстиславский, Ф. И. Шереметев, И. М. Воротынский и Б. М. Лыков. Последний женился на Анастасии Никитичне, бывшей когда-то вместе с Татьяной и Михаилом в Белозерской тюрьме, а потом с ними и Ксенией-Марфой под надзором приставов в селе Клин.

Сначала «семибоярщики», так прозвали в народе главных бояр, хотели собрать избирательный Земский собор и сообща выдвинуть кандидатуру нового царя. Патриарх Гермоген даже уверял всех, что только юный Михаил Романов достоин престола, поскольку по родству ближе всех к царю Федору Ивановичу. Но его никто не поддержал, так как все понимали, что четырнадцатилетнему Михаилу было не под силу справиться со сложнейшими задачами, стоявшими перед государством. Эти задачи были следующими: разбить Лжедмитрия II, изгнать польских и шведских интервентов (бывшие союзники шведы, воспользовавшись слабостью русской верховной власти, осадили Новгород и захватили земли вокруг него), навести порядок на дорогах, где хозяйничали шайки казаков-разбойников, и главное — прекратить междоусобицы, раздиравшие государство на части.

Ксения-Марфа, узнав о предложении Гермогена, пришла в ужас. Избрание на престол в то время было равносильно смерти — для своего единственного сына она не хотела такой участи. К ее радости, «Семибоярщина» вступила в переговоры с Жолкевским о возведении на московский престол поль-

ского королевича Владислава. Одним из наиболее рьяных сторонников этого был Филарет, искренне полагавший, что юный Владислав будет послушной игрушкой в руках русских бояр и его избрание примирит двух давних врагов — Польшу и Россию.

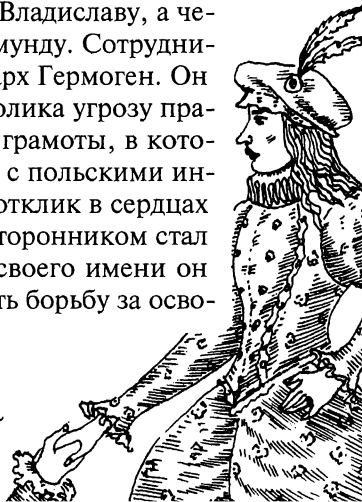
В сентябре 1610 года было решено, что представительное посольство отправится к королю Сигизмунду для переговоров об условиях воцарения его сына на русский престол. Во главе посольства бояре поставили Филарета и князя В. В. Голицына. Всего в его состав вошло больше 100 человек.

Вывдвижение митрополита Филарета на столь важный пост говорило о том, что в правительственных кругах он пользовался большим авторитетом и, несомненно, должен был стать наследником престарелого патриарха Гермогена.

Во время переговоров под Смоленском выяснилось, что Сигизмунд не желал крестить Владислава в православную веру и отправлять в Москву с небольшой свитой, как того требовали московские посланцы. Он хотел силой присоединить ослабленное Русское государство к своей короне. Поэтому король арестовал строптивых послов во главе с Филаретом и князем Голицыным и отправил их под охраной в Польшу.

Известие это дошло до столицы не сразу. Коварный Сигизмунд заявил боярам, что послы поехали к Владиславу умолять его принять царский венец. Ксения-Марфа узнала правду только из тайных писем мужа, отправленных с верными слугами. В них Сигизмунд и поляки назывались главными врагами Отечества. Но боярское правительство понимать этого не хотело.

В конце сентября 1610 года в Москву ввели польский гарнизон, население призвали целовать крест Владиславу, а через некоторое время — даже самому Сигизмунду. Сотрудничать с поляками отказывался только патриарх Гермоген. Он сразу почувствовал со стороны короля-католика угрозу православию и стал рассылать по всей стране грамоты, в которых призывал русских людей начать борьбу с польскими интервентами. Его послания нашли горячий отклик в сердцах русских патриотов. Самым надежным его сторонником стал рязанский воевода П. П. Ляпунов. Уже от своего имени он призывал всех воинов объединиться и начать борьбу за осво-

бождение Москвы. Так было сформировано Первое ополчение. К этому времени Лжедмитрий II уже был убит (в декабре 1610 года), и его сподвижники Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий влились в ряды ополченцев.

Все это трудное время Ксения-Марфа находилась с сыном в столице. Их покровителями были сразу несколько членов «Семибоярщины», поэтому покидать город они не решались. Ополченцы, вошедшие в союз с бывшими тушинцами и даже казаками, казались ей новыми, хотя и непонятными врагами. У высшей знати, к которой принадлежала наша героиня, возникал вопрос: за чьи интересы собрались сражаться ополченцы? Многим казалось, что их целью были грабежи и разбои.

Но далеко не все в столице разделяли взгляды временного правительства. Горожанам не нравилось засилье польского гарнизона: все городские ворота были в руках поляков, москвичи не имели права ходить с оружием и даже привозить в город тонкие дрова (считалось, что из них можно изготовить увесистые дубинки), в ночное время всякое передвижение было запрещено — и даже на заутреннюю службу.

19 марта 1611 года в столице стихийно вспыхнуло восстание против поляков. Опытные воеводы, в том числе и Д. М. Пожарский, тут же взяли инициативу в свои руки. На улицах, ведущих к Китай-городу и Кремлю, были построены баррикады, к ним подкатили орудия. К концу дня начались ожесточенные бои; огромный пожар охватил вскоре большую часть Москвы. От огня удалось уберечь только Кремль и часть Китай-города у Москвы-реки. Уцелел и дом Романовых на Варварке. Для Ксении-Марфы это стало большой радостью, поскольку в погребах хранились значительные запасы продовольствия, позволившие ей и сыну выжить во время многомесячной осады, в которой вскоре оказалась Москва.

Разгромив восставших москвичей, поляки решили, что одержали победу. Но по многим городам прокатилась волна всеобщего возмущения. Ряды ополченцев существенно выросли, в апреле 1611 года они подошли к столице. Вскоре в ходе боев был захвачен Белый город. Полякам и их припешникам пришлось довольствоваться территорией Кремля и Китай-города. Их связи с внешним миром фактически были прерваны. Подвоз продовольствия прекратился. Среди

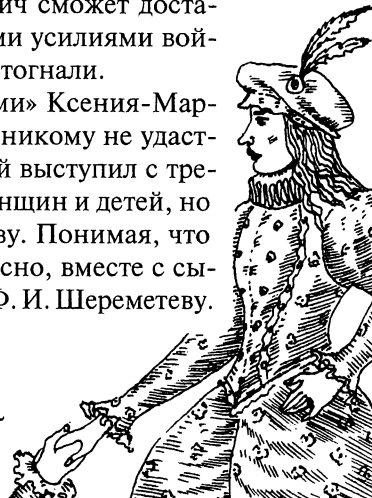
простого населения и воинских людей начались голод и болезни. Это привело к тому, что все, у кого в руках было оружие, занялись разбоем, а потом дошли и до каннибализма. Появляться в одиночку на улицах в темное время суток было опасно. Прохожих подстерегали голодные гайдуки из польского гарнизона, которые тут же их убивали, разделявали и, поджарив на кострах, съедали. Если убитых оказывалось слишком много, их тела засаливали в огромных чанах впрок.

«Семибоярщина» превратилась в беспомощный и никому не нужный орган, не имевший ни власти, ни авторитета. Процветали воровство, коррупция и доносы. Особо ушлые люди стали выслуживаться перед королем Сигизмундом, выпрашивать имения и чины и отправлять ему ценные вещи из царской казны под предлогом подготовки венчания на царство Владислава.

В этих условиях Ксения-Марфа очень боялась за судьбу и здоровье сына. Поляки могли вспомнить, что именно его прочил на царский престол патриарх Гермоген, который за патриотические призывы и смелые речи был брошен в земляную тюрьму Чудова монастыря. Там в феврале 1612 года он скончался от голода и холода.

Еще Ксению-Марфу беспокоило то, что поляки могли вспомнить, что Филарет, находившийся в польском плену, не желал идти на стовор с Сигизмундом. В отместку все его родственники в любой момент могли оказаться в опале. К тому же некогда большие запасы продовольствия в боярских житницах заканчивались. Уже весной 1612 года пришлось засеять все свободные участки земли и питаться лишь зеленью. Осажденные жили надеждой, что летом Хоткевич сможет доставить им продовольствие, но объединенными усилиями войска Первого и Второго ополчений гетмана отогнали.

Вместе со всеми «невольными сидельцами» Ксения-Марфа понимала, что еще одну зиму пережить никому не удастся. По ее просьбе князь Ф. И. Мстиславский выступил с требованием к полякам выпустить из осады женщин и детей, но те устроили потасовку и пробили ему голову. Понимая, что жить на Варварке становится слишком опасно, вместе с сыном бывшая боярыня переехала в Кремль к Ф. И. Шереметеву.

Он имел охрану, поскольку в его ведении был Казенный двор, на котором содержались остатки царской казны.

Наконец 22 октября в ходе ожесточенных боев ополченцам удалось взять Китай-город. Стало ясно, что Кремль полякам не удержать. Боясь погибнуть в ходе уличных боев, Ксения-Марфа вместе с другими боярынями обратилась к временному правительству с просьбой выпустить их с детьми из крепости. Начальник гарнизона полковник Струсь не стал противиться и после переговоров с руководителями ополчений Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским приказал открыть одни из ворот Кремля. Ксения-Марфа и Михаил с небольшим скарбом тут же поспешили покинуть опасный Кремль. По ту сторону стены их опекуном и защитником стал дальний родственник И. П. Шереметев, входивший в состав ополчения. Он добился для них разрешения отправиться в костромское имение Домнино, где можно было восстановить подорванные голодом силы. Вместе с «невольными кремлевскими сидельцами» отправились сестра, вдова М. М. Салтыкова, с сыновьями Борисом и Михаилом, которые были немного старше сына Ксении-Марфы.

Хотя уже 24 октября кремлевский гарнизон сдался и москвичи стали праздновать победу, боярыни с сыновьями не стали задерживаться в столице и в сопровождении нескольких слуг отправились в дальний путь. Нужно было добраться до наступления зимней стужи и обильных снегов.

Путешествие прошло без осложнений. Однако очень скоро выяснилось, что даже в костромской глуши находиться небезопасно. По дорогам рыскали казаки, поляки и литовцы из бывшего Тушинского лагеря и грабили не только путников, но и богатые усадьбы. Домнино было в стороне от Вологодского тракта, но и до него могли добраться непрошеные гости. Поэтому на всякий случай на развилке дорог установили дозор. Главными дозорщиками были местный староста Иван Сусанин и его зять Богдан Собинин.

Принятые меры были своевременны. Со стороны Вологды вскоре появился хорошо вооруженный отряд, состоявший из всякого разноязычного сброда. Его главарь узнал, что в Домнине проживают богатые московские боярыни с малолетними сыновьями.

Вовремя заметив разбойников, Сусанин приказал Богдану скакать к Ксении-Марфе и предупредить их о смертельной опасности. Сам же притворно согласился стать провожатым до имения, однако повел непрошенных гостей в Исуповское болото, лежащее в небольшой котловине неподалеку. Оно заросло густым лесом, но местами еще было топким и вязким.

Всю ночь плутали разбойники по труднопроходимой чаще и лишь утром заметили огоньки какой-то деревни. Но это было не Домнино, а Исупово. И только там главарь понял, что Сусанин обманул его. Расправа над смельчаком была скорой и жестокой — его зарубили саблями.

Подвиг Сусанина спас Ксению-Марфу, Михаила и их родственников Салтыковых. Ночью они переехали в Кострому. Сначала жили в городском доме, потом перебрались в Ипатьевский монастырь, окруженный крепкими каменными стенами. Тем временем из Москвы пришла весть о том, что на Земском соборе все склоняются к избранию Михаила Романа новым царем. Ксении-Марфе сообщил об этом ее родственник Ф. И. Шереметев.

Новость буквально потрясла бедную женщину. Она знала, в каком тяжелом положении находится страна, сколько грозных врагов ее окружают. У каждого были свои претенденты на московский престол: в Польше русским государем называли королевича Владислава, в Швеции полагали, что больше прав у королевича Карла-Филиппа, уже избранного в Новгороде. Казаки во главе с И. Заруцким ратовали за Марину Мнишек с сыном Иваном.

У юного Михаила не было ни армии, ни верных друзей и сподвижников, которые могли бы его поддержать и защитить. По мнению матери, на престоле ее сына ждала верная смерть. Поэтому она тут же написала Шереметеву, что никогда не согласится с избранием Михаила и не благословит его на царство. Не мог этого сделать и Филарет, находившийся в польском плену. А без родительского благословения такое решение принять было невозможно.

Шереметев, видимо, сообщил на соборе мнение Ксении-Марфы, но его решили проигнорировать, поскольку другой, устраивающей всех кандидатуры на трон не было. После активной борьбы за престол Б. Ф. Годунова, В. И. Шуйского

и нескольких самозванцев бояре, судя по всему, полагали, что любой кандидат с готовностью примет их предложение и наденет на себя царскую корону. Однако Ксения-Марфа и Михаил были иного мнения на этот счет. Они твердо решили отказаться от оказанной им чести и ехать в Москву не собирались.

21 февраля 1613 года официально было объявлено, что новым русским государем провозглашен Михаил Федорович Романов — племянник последнего царя из прежней династии Федора Ивановича. Поскольку из Костромы известий не приходило, решили отправить туда представительное посольство во главе с рязанским архиепископом и боярином Ф. И. Шереметевым. Послы должны были добиться согласия Ксении-Марфы благословить сына на царство и привезти нового государя в Москву.

13 марта посольство прибыло в Кострому. В Ипатьевский монастырь тут же был отправлен гонец, который договорился о времени приема послов новыми государями. С этого времени у Ксении-Марфы появился новый титул: «великая государыня старица Марфа Ивановна», но царицей ее официально никогда не называли.

Утром 14 марта из Костромы к монастырю двинулась длинная процессия. Впереди с крестом шел архиепископ Феодорит, за ним представители духовенства несли главную местную святыню — икону Феодоровской Богоматери. (Из Москвы везти ценные иконы не стали, поскольку в дороге могло случиться всякое.) За духовенством шли бояре Ф. И. Шереметев и В. И. Бахтеяров-Ростовский, окольный Ф. В. Головин и другие представители знати в полном парадном одеянии. Замыкали шествие жители Костромы, собравшиеся на небывалое зрелище.

Марфа Ивановна с Михаилом встретили гостей в воротах монастыря. Они уже знали о цели их приезда, поэтому оба были сумрачны и суровы. Договорились ни под каким предлогом не соглашаться принять царство, поэтому даже не хотели идти в Троицкий собор, как того требовал обычай (все важные дела, в которых принимало участие духовенство, следовало решать в церкви).

Наконец после долгих уговоров и препирательств будущие государи вошли вместе со всеми в Божий храм. Там Феодорит с поклоном вручил им грамоту от Земского собора. В ней сообщалось об избрании Михаила новым русским монархом. Прочитав ее, избранник еще больше переменялся в лице, с гневом и плачем бросил грамоту на пол и крикнул: «Не желаю я править государством! Не хочу и не буду!» Более спокойная Марфа Ивановна пояснила: «У нас и в мыслях не было мечтать о таком славном и великом царстве. Сын мой слишком юн и неопытен, чтобы править, ведь ему только шестнадцать лет. К тому же он не принадлежит к царскому роду, поэтому оснований для получения короны у него нет».

Но эти аргументы для членов посольства выглядели совсем неубедительными. В ответ Феодорит и Шереметев заявили, что именно Бог внушил всем одну мысль — избрать на царство Михаила Романова, прекрасного юношу, чистого телом и душой, единственно способного вывести страну из тяжелейшего кризиса. Его кандидатуру поддержали буквально все выборщики и поклялись верно служить до гробовой доски. С их решением согласились жители многих городов и уже целовали крест всенародному избраннику.

Но Марфу Ивановну и Михаила трудно было переубедить. Слова послов их еще больше возмутили. Старица стала горячо говорить о том, что избрание Михаила на престол равносильно его гибели. Ведь московские люди перестали быть верны своему слову. Хорошо известно, как вступал на престол Борис Годунов, как долго его уговаривали стать царем, как истошно клялись верно ему служить. Но как только появился самозванец Гришка Отрепьев, назвавшийся царевичем Дмитрием, многие тут же изменили народному избраннику и перешли на сторону врага. Потом целовали крест царевичу Федору Борисовичу и его матери Марии Григорьевне. Но этой клятве были верны меньше двух месяцев. Более того, в угоду самозванцу свергли и убили Федора и Марию Григорьевну. Аналогичная ситуация была и при Василии Ивановиче Шуйском. Сами же подданные не только свели законного царя с престола, но и отдали в польский плен. «Разве может любящая мать в этих условиях отдать свое дитя на позор и верную смерть», — так закончила свою речь Марфа Ивановна.

Слова ее были справедливы, и послам пришлось долго объяснять, за что были свергнуты прежние монархи и почему русские люди им изменили. Тогда старица стала приводить другие аргументы: юный и неопытный Михаил не сможет править в совершенно опустошенной стране. Ведь в казне нет денег, и невозможно заплатить воинским людям и правительственным чиновникам. При разоренном царском хозяйстве и неимущем населении не с кого собирать налоги и доставлять в столицу продовольствие.

Марфа прекрасно знала, что царская резиденция Кремль стоит в руинах, поэтому жить будущему государю негде и питаться нечем, все погреба опустошены, и наполнить их продовольствием не представляется возможным, поскольку царские земли розданы служилым людям и превращены в пустоши из-за бесконечных военных баталий.

Послы хорошо знали, что все сказанное Марфой Ивановной истинная правда, но они стали утверждать, что меры по восстановлению царского дворца уже приняты, по городам отправлены сборщики, которым велено собрать с населения недоимки по налогам за смутные годы и привезти продовольствие для царского обихода.

Великой старице становилось ясно, что на все ее слова хитрый дипломат Ф. И. Шереметев всегда найдет нужные ответы и ни за что не позволит ей сказать решительное «Нет!». К тому же ее стали утомлять вопли и плач сотен людей, набившихся в храм. Все умоляли ее и сына смилостивиться над «сирыми и обездоленными и не презреть их моление».

Наконец Феодорит с угрозой заявил, что если Михаил откажется от царства, то начнутся новые кровопролитные междоусобицы, кровь невинных жертв падет на его голову, и за это Бог его сурово накажет.

Для глубоко верующей Марфы Ивановны эти слова прозвучали зловеще. Она упала на колени перед образом Феодоровской Богоматери и со слезами на глазах начала молиться. Она просила Пресвятую Деву быть заступницей ее единственной кровинушки, никогда его не покидать и указывать правильные решения любых сложных проблем. Потом, немного успокоившись, она встала и твердо заявила, что готова благословить сына на царство. Ее слова вызвали всеобщее ликова-

ние и слезы умиления. Сотни людей упали на колени и воздали хвалу Богу за то, что он наконец-то дал им нового государя, способного собрать всю страну воедино.

Благословляя сына, старица сказала так: «Ради заступницы христианской пречистой Богородицы и ради чудотворного Ее образа и московских чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, надеясь на праведные и непостижимые Божий судьбы, благословляю сына моего Михаила на Владимирское и Московское государства царем и великим князем всея Руси».

Михаил не хотел быть государем, но послушаться мать не посмел и согласился принять возложенную на него честь. Феодорит тут же его благословил на царство и вручил скипетр — символ власти. Окружающие люди стали петь многолетие новым государям и всячески их прославлять.

После церемонии умоления на царство Феодоровская Богоматерь стала считаться главной покровительницей всех царей из династии Романовых. Икону перевезли в Москву и установили в Благовещенском соборе. Эта святыня дошла и до наших дней.

Московские бояре настоятельно просили, чтобы Михаил и Марфа как можно скорее ехали в столицу. Но они торопиться не стали. Оба полагали, что без верного окружения они могут оказаться в заложниках у ополченцев. Ведь собственного войска у нового царя не было, а Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский, по слухам, сами были не прочь занять престол.

Из Костромы выехали 19 марта, но не в Москву, а в Ярославль. Там новые правители хотели освоиться со своим положением, оглядеться, сформировать ближнее окружение, разузнать о ситуации в стране. Они надеялись, что пока они едут, в столице отремонтируют кремлевский дворец, в царские подвалы завезут продовольствие и наполнятся казна.

В ближнее окружение царя решили включить братьев Салтыковых, племянников Марфы Ивановны. Борис стал заведовать царским имуществом, оттеснив с должности дворецкого Ф. И. Шереметева. Михаил был назначен кравчим. В его обязанности входило пробовать кушанья и подавать их царю. В дворцовой иерархии это была не самая высокая должность, но ее исполняли наиболее доверенные царю люди.

В Москве во временное правительство входили в основном бояре, бывшие родственниками Михаила по линии отца: Ф. И. Мстиславский, Б. М. Лыков, И. Н. Романов, И. В. Голицын и другие. Они хотели потеснить родственников Марфы Ивановны, поэтому делали все возможное, чтобы в будущем отдалить мать от сына. Хоть царь требовал, чтобы мать разместили в палатах прежних цариц, в частности жены царя Василия Шуйского Марии Буйносовой, бояре приготовили для нее келью царицы-инокини Марфы Нагой в Вознесенском монастыре. Этим они как бы подчеркивали, что место монахини в обители и вмешиваться в государственные дела она не должна. Некоторые из членов правительства даже не хотели официально титуловать Марфу Ивановну «великой государыней» и пытались называть «великой старицей», но этот титул отверг сам царь.

Марфа не стала спорить с боярами и даже прекратила с ними переписку, так как знала, что ее мнение и слово всегда будут для сына законом. Никакие боярские происки, верила она, не смогут внести раскол в их отношения и заставить Михаила отдалиться от нее. Ведь вместе они пережили очень много бед, и именно она была главной воспитательницей и наставницей Михаила, поскольку волею судеб Филарет всегда находился далеко от дома и был занят не семейными, а государственными делами.

В Ярославле царь и его мать пробыли почти месяц. За это время к ним прибыло много представителей знати, воинских людей, дьяков и подьячих. Одни изъявляли желание служить только им, другие просили защиты от боярского произвола, третьи хотели лично выразить верноподданнические чувства и предстать перед «светлыми очами» юного государя. В результате московское правительство буквально обезлюдело и с трудом справлялось с управленческими задачами. А Михаил отправлял в города новых воевод, рассылал сборщиков продовольствия и налогов и сумел даже помочь осажденному шведами Пскову. Каждый день приходили известия о том, что ему присягали жители различных городов.

Все это говорило о том, что страна была готова служить первому Романову. Русские люди хотели мирной и спокойной жизни и возлагали большие надежды на юного царя Ми-

хаила, не запятнавшего себя связями ни с самозванцами, ни с поляками.

К середине апреля вокруг Михаила сплотилось несколько сотен человек, и теперь ему было не страшно въезжать в столицу. Поэтому 16 апреля все двинулись в путь, на этот раз — к Москве. Остановки делали лишь в Ростове, Переяславле-Залесском, Троице-Сергиевом монастыре. Всюду новые государи посещали местные соборы, молились у гробов святых, почитали чудотворные иконы. В Троице-Сергиевом монастыре архимандрит Дионисий вновь благословил монарха и окропил святой водой окружавших его лиц. После этого Михаил вместе с матерью долго молился у гроба Сергия Радонежского, прося у святого защиту и покровительство.

Наконец 2 мая новый государь торжественно въехал в столицу. Все жители радостно его приветствовали. Марфа Ивановна, как того требовал обычай, ехала в закрытой карете, обитой темной материей. Ей нельзя было участвовать во всевозможных празднествах. Но она и не стремилась к этому. Восхождение сына на российский престол вызывало у нее большую тревогу. Всюду чудились враги и недруги, и казалось, что верных и надежных людей очень мало. Поэтому свободное время великая государыня проводила в молитвах и просила Бога охранять Михаила от всяческих бед и невзгод.

В келье Марфы Нагой великая государыня прожила совсем недолго. Уже в декабре 1613 года ей построили малую избушку из бревен. Стены в ней были обиты темно-вишневым сукном. 2 января отпраздновали новоселье, на которое Михаил Федорович подарил матери сорок соболей, стоивших 60 рублей. Со временем двери и оконца в избушке были для красоты обиты лазоревым сукном. В 1616 году к избушке пристроили новые помещения, и первая невеста царя, Мария Хлопова, подарила Марфе Ивановне две связки по сорок соболей.

На этом великая государыня не прекратила строительные работы в монастыре. В 1617 году к главному собору был пристроен придел в честь Михаила Малейна, покровителя ее сына, затем придел в честь Федора, святого покровителя ее мужа. В 1624 году Марфа Ивановна переехала в более просторную избушку, имевшую шесть слюдяных окошек, изразцовую

печь, окованные металлом двери и ставни. К избушке были пристроены сени, чулан и еще одна келья. Все здания соединялись с церковью Георгия, где старица любила молиться.

Поскольку у Михаила не было жены, все обязанности царицы легли на плечи его матери. Ей помогали Мария Юрьевна Головина и казначей Марья. Официально Марфа Ивановна для своих нужд могла брать деньги из казны, а также отдавать различные распоряжения. Многие просители это вскоре осознали и стали бить ей челом о своих нуждах.

Псковичи даже попытались преподнести ей подарки: серебряный кубок, 10 аршин вишневого атласа, 9 аршин шелка, 40 куниц и 30 золотых. Но Марфа Ивановна согласилась взять только хлеб-соль, а остальное отправила в царскую казну.

Главной обязанностью великой государыни стало восстановление царицыных мастерских и налаживание их работы, поскольку следовало в короткие сроки изготовить для Михаила Федоровича царские одежды.

В монастыре были построены светлицы для мастериц, куда и привезли сундуки с шелками, волоченым и пряденым золотом и серебром, жемчуг, парчу, иголки и булавки. Все они запирались на замки, ключи от которых были у Марфы Ивановны. Поначалу кружево и драгоценные камни спарывали со старой царской одежды. Но потом все необходимое стали закупать у купцов. Известно, к примеру, что в 1624 году было закуплено 6077 зерен жемчуга на сумму в 1557 рублей. Уже в 1614 году для царя изготовили красивую шубу, покрытую шелковой материей, ее украшало жемчужное кружево с 16 драгоценными камнями. Из тафты были сшиты красивые сорочки алого цвета. До этого Михаилу приходилось использовать нарядную одежду Богдана Бельского, которая хранилась в казне. Это были белые и цветные сорочки из тафты, украшенные серебряным шитьем и жемчугом, бархатные кафтаны, меховые шапки.

Не забывала Марфа Ивановна и о плененном Филарете. В 1614 году для него были изготовлены бархатная шуба вишневого цвета на соболях, несколько рясок и шапок, праздничная мантия и будничная одежда. Приходилось заботиться и о себе, ведь старица была важным государственным лицом. Свою одежду она шила из черной тафты, а когда материи это-

го цвета не хватало, красили в черный цвет яркие ткани. В келье она ходила в рясе, на людях показывалась в опашне и шубе, подбитой горностаями.

По приказу царя для матери изготовили повозку, в которой окошечки были обиты соболями и имели черные занавески. В ней она ездил на богомолье в монастыри, находящиеся неподалеку от столицы.

Окружение Марфы Ивановны было довольно многочисленным. В него входили, кроме женщин, ведавших финансовыми вопросами, крестовый дьяк, крестовый дьячок, псаломщик, стольник Федор Судимантов, бахарь (сказитель) Петрушка Макарьев, арап Давид Иванов, дурка Манка и уродина Марфа. Со временем число шутов при старице увеличилось.

Благодаря художественному вкусу Марфы Ивановны во время венчания на царство 11 июля 1613 года Михаил Федорович выглядел превосходно. Подданные с восхищением смотрели на молодого и красивого царя, и каждый был готов отдать за него жизнь. В этом отношении он выгодно отличался и от пожилых Бориса Годунова и Василия Шуйского, и от неказистых обоих Лжедмитриев.

Считалось, что у царей облик должен быть величественным и благородным. Невысокие и невзрачные люди не могли сделать при дворе удачную карьеру, поскольку рындами, стольниками и кравчими всегда были статные молодцы. Даже при назначении воевод главных полков учитывался внешний вид кандидата. Воины охотнее шли в бой за представительными людьми, обладавшими высоким ростом и могучим телосложением. Таким, как известно, был молодой богатырь М. В. Скопин-Шуйский, пользовавшийся всенародной любовью.

Перед Михаилом Федоровичем стояло много сложных задач. Следовало прежде всего обезопасить границы государства и по возможности вернуть утраченные в Смутное время территории. Еще весной 1613 года было отправлено несколько отрядов к Смоленску, но взять город не удалось. После этого начались переговоры о перемирии, которые постоянно осложнялись вооруженными столкновениями. Были приняты попытки освободить от шведов Новгород, но уда-

лось лишь отогнать шведского короля Густава от Пскова. Это заставило обе стороны начать переговоры. Они закончились в 1617 году подписанием Столбовского мирного договора, по которому Швеция возвращала Новгород с окружающими его землями, но оставляла за собой все Балтийское побережье.

Вполне вероятно, что именно Марфа Ивановна советовала сыну решать все проблемы мирным путем, ведь женщины никогда не были сторонниками вооруженной борьбы. Мудрая мать учила Михаила опираться не только на знать, но и на участников Земского собора. По просьбе царя выборные от городов остались в Москве и вместе с Боярской думой стали главными его советниками. Совместно решались самые сложные проблемы, главной из которых был сбор денег для экипировки войска, которому следовало сражаться и с поляками, и со шведами, и с И. Заруцким, обосновавшимся с Мариной Мнишек в Астрахани, и с разбойничаящими казаками, опустошавшими северные города. С помощью выборных представителей от городов удалось получить «пятину» — пятую часть имущества того населения, которое платило налоги, и «запросные деньги» — добровольные пожертвования.

В 1614 году Заруцкий и Марина были взяты в плен. На этом окончательно завершилась авантюра Лжедмитриев.

С Польшей разрешить все противоречия было сложнее, поскольку там не признавали права Михаила на царский престол и полагали, что законным монархом является Владислав. В 1618 году королевич даже предпринял поход на Москву, надеясь, что русские люди его поддержат. Однако оказалось, что Михаил Федорович пользуется любовью народа, — поляку никто не захотел служить. Это заставило Владислава в конце 1618 года заключить Деулинское перемирие и вернуться домой ни с чем. По условиям договора все русские пленные получили свободу и возможность вернуться на родину. Среди них был и Филарет.

Несомненно, заключение мирных договоров со Швецией и Польшей, разгром Заруцкого и наведение порядка в северных областях были большой заслугой правительства молодого царя, и Марфы Ивановны в том числе. Ведь перед принятием окончательного решения Михаил всегда обращался к матери за советом.

В стране стала налаживаться мирная жизнь. У Марфы Ивановны появилось много обязанностей. В ее подчинении оказались две слободы, Кадашная и Хамовная, в которых находились мастерские по производству различных тканей. Часть их использовалась для нужд царского двора, часть шла на продажу, и это приносило казне дополнительные доходы. За Москвой-рекой начали возделывать огороды, где выращивались всевозможные овощи для царской кухни. Марфа Ивановна строго следила за тем, чтобы вовремя был собран урожай и сделаны заготовки на зиму. В Рубцове под ее руководством разбили обширный сад, где были посажены яблони, вишни, крыжовник, смородина и другие ягодные культуры. Плоды собирались и хранились частично в свежем виде, частично в патоке. Из некоторых ягод делали настойки, наливки, морсы и квасы. Все это вскоре наполнило царские погреба, и проблем с продовольствием уже не возникало.

Великая государыня смирилась с тем, что ей приходится проживать в Вознесенском монастыре. Там же поселилась и ее вдовья сестра, которая также приняла постриг. Поскольку во главе церкви не было патриарха, многие церковные деятели стали обращаться за поддержкой именно к Марфе Ивановне. Она помогала монастырям получить налоговые льготы, отстаивать свои земельные владения во время конфликтов с другими землевладельцами и т. д.

Ее покровительством стали пользоваться сырые и обездоленные вдовицы, старики, убогие и болящие. Особую заботу Марфа Ивановна проявляла о насильно постриженных женщинах царского рода. Некоторые царицы по ее просьбе были переведены в московские монастыри (Мария-Елена Буйносова — в Новодевичий, Прасковья Соловая — в Ивановский), другим к каждому церковному празднику присылались подарки. Хотя Марфа Ивановна не жаловала представительниц рода Годуновых, Ксению-Ольгу Годунову и Евдокию-Александру Сабурову, но и они не оставались без ее заботы, а когда скончались, были достойно похоронены: первая — в Троице-Сергиевом монастыре вместе с родителями и братом, вторая — в Вознесенском монастыре вместе с царями и царевнами. В Тихвинском монастыре остался прах только Ан-

ны Колтовской, четвертой жены Ивана Грозного, которая по церковным правилам уже не считалась законной супругой.

Одной из главных забот великой государыни стала женитьба сына — ведь ему следовало основать династию и иметь наследников. С выбором невесты затруднений не было. Уже давно сердце Михаила было отдано веселой хохотушке Марии Ивановне Хлоповой, с которой он познакомился в далеком детстве в селе Клин (ее дядя был приставом у ссыльных Романовых). Выбор Михаила был всеми поддержан, так как невеста происходила из древнего, хотя и не самого знатного рода. Однако ее предки уже состояли в родстве с царями: матерью пятой жены Ивана Грозного, Анны Васильчиковой, была сестра Ильи Алексеевича Хлопова, царского постельничего; дочь Ильи Алексеевича была женой И. С. Нагого, родственника последней жены Ивана Грозного, Марии-Марфы Нагой.

Вообще родственные связи Хлоповых были обширны: с Олферьевыми, Шереметевыми, Троекуровыми, Собакинскими, Сабуровыми и другими, а через них — и с Романовыми.

Вопрос о свадьбе был окончательно решен в 1616 году. Марию перед венчанием поселили в верхних покоях царского дворца и нарекли Анастасией в честь знаменитой бабки Михаила — царицы Анастасии Романовны. Все ее родственники были приглашены ко двору и вошли в ближнее царское окружение.

Однако прежним царским фаворитам братьям Салтыковым не понравилось, что Хлоповы стали входить в царскую свиту и претендовали на хорошие должности и высокие чины. Поэтому они пытались при любом удобном случае отеснить либо совсем прогнать соперников из царского дворца. Такой случай вскоре представился, поскольку именно Салтыковым было поручено оберегать здоровье невесты Михаила Федоровича.

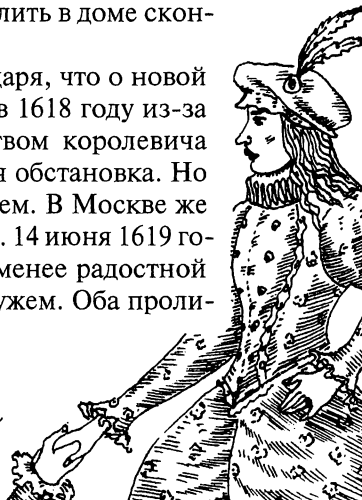
Мария Хлопова, обладавшая неплохим аппетитом, очень увлекалась сладостями: всевозможными пастилками, фруктами в патоке, коврижками и пирогами. В то время пышная фигура считалась признаком женской красоты, поэтому не существовало понятия об ограничении в еде. Как-то после очередной порции сладостей у девушки началась рвота.

Обеспокоенные родители обратились к Михаилу Салтыкову, и тот принес какую-то водочную настойку, якобы улучшающую пищеварение. От нее Марии стало еще хуже. Тогда позвали докторов-иностранцев. Осмотрев девушку, те пришли к выводу, что у нее от неправильного питания легкая форма желтухи. Ей было предписано временно не употреблять сладкое, острое и жирное.

Но Салтыковых такой диагноз не устроил, и они стали распространять слухи о том, что Мария неизлечимо больна. Об этом вскоре узнала и Марфа Ивановна. Она вызвала племянников и устроила им допрос. Борис и Михаил не стали сгущать краски по поводу здоровья царской невесты, но заявили, что, по мнению докторов, она не сможет иметь здоровых детей. Эта новость так поразила Марфу Ивановну, что она стала убеждать сына ни под каким предлогом не жениться на Хлоповой. Племянники убедили ее, что родственники невесты, желая приблизиться к трону, скрыли неизлечимую болезнь Марии.

Новость оглушила Михаила, давно привязавшегося к Марии. Но вместо того, чтобы самому поговорить с будущей женой, он поручил матери во всем разобраться и принять правильное решение. Марфа Ивановна приказала обвинить Хлоповых во лжи и вместе с Марией выслать в Тобольск. Никаких оправданий с их стороны никто не хотел слушать. Они были признаны государственными преступниками и в Тобольске помещены на особом дворе, больше напоминавшем тюрьму. В суровых сибирских условиях юная Мария серьезно простудилась и заболела воспалением легких. Михаил, узнав о плохом состоянии здоровья своей бывшей невесты, приказал перевезти ее в Нижний Новгород и поселить в доме скончавшегося Кузьмы Минина.

Вся эта история настолько повлияла на царя, что о новой женитьбе он слышать не хотел. К тому же в 1618 году из-за вторжения польских войск под руководством королевича Владислава в стране создалась напряженная обстановка. Но в декабре королевич вернулся домой ни с чем. В Москве же стали ждать возвращения из плена Филарета. 14 июня 1619 года Михаил наконец смог обнять отца. Не менее радостной и теплой была встреча Марфы с бывшим мужем. Оба проли-

ли немало слез радости и воздали хвалу Богу за то, что их разлука закончилась. Правда, Марфа так и осталась жить в Вознесенском монастыре уже в качестве его игуменьи. Филарет же начал готовиться к принятию патриаршеского сана. Только его царь желал видеть во главе православной церкви. Для рукоположения Филарета даже специально пригласили иерусалимского патриарха Феофана, хотя это могли сделать и русские иерархи.

Марфа Ивановна поначалу была очень рада, что около сына появился мудрый и надежный советчик — отец патриарх Филарет. Но со временем она стала замечать, что Михаил от нее постепенно отдаляется и ее собственная значимость при дворе падает. Так, из ее ведения были изъяты все церковные дела. Никто не стал спрашивать совета Марфы Ивановны и по поводу намеченных на Земском соборе реформ в налогообложении.

Чтобы вернуть былое влияние, она напомнила сыну, что они вместе давали обет посетить несколько отдаленных монастырей в случае освобождения Филарета. Тот возражать не стал и согласился в конце лета отправиться в дальний путь. Вместо него «на государстве» остался отец, изрядно истосковавшийся по власти.

Было решено почти полностью повторить тот маршрут, по которому проходил путь Марфы Ивановны и Михаила весной 1613 года из Костромы. Он пролегал через Троице-Сергиев монастырь, Ростов, Переславль-Залесский, Ярославль и Кострому до Макарьевского монастыря на Унже. Всюду мать и сын посещали местные святыни и делали в монастыри щедрые вклады. Небольшая остановка произошла и в Домнине. Там местные крестьяне рассказали им о подвиге Ивана Сусанина. В благодарность за спасение уже после возвращения в Москву Михаил Федорович издал указ о награждении Богдана Собинина и его родственников. Еще раньше был награжден и приглашен в Москву толвуйский священник Герасим, помогавший Марфе Ивановне в ссылке.

Обетная поездка продолжалась месяц. Когда начались осенние дожди и дороги испортились, путешественники пересели на речные суда. Это позволило заниматься рыбалкой и отсылать в подарок Филарету в Москву белуг, осетров

и стерлядей. Марфа Ивановна, кроме того, вела с ним регулярную переписку, сообщая обо всех происшествиях в пути.

Ей казалось, что с сыном и бывшим мужем у нее вновь установились теплые и сердечные отношения. Однако властный Филарет полагал, что влияние матери на взрослого сына не должно быть таким сильным, как в детстве и юности.

В конце концов Марфа Ивановна смирилась со второй ролью в окружении сына и с большим рвением стала заниматься царицыными мастерскими. Вместе с сестрой она задумала заново украсить кремлевские соборы и изготовить новые покровы на гробницы митрополитов, патриархов и государей. При ее личном участии закупались красивые ткани, золотые и серебряные нити для вышивки. Все это хранилось в особых кипарисных сундуках, ключи от которых были у великой государыни. По утрам она лично давала задание каждой девушке-мастерице и выдавала нужные материалы. Через некоторое время новое убранство получили не только главные храмы страны, но и многие древние соборы в Ростове, Владимире, Суздале и в особо почитаемых монастырях.

Тем временем Филарет решил лично заняться вопросом женитьбы сына. Поскольку у Михаила никаких собственных сердечных привязанностей не было, кроме опальной Марии Хлоповой, было решено поискать невесту в европейских королевских домах. По примеру царя Бориса Годунова первой страной стала Дания. В 1621 году туда было направлено посольство А. М. Львова с целью сосватать для Михаила одну из племянниц короля. Однако Христиан был болен и с русским послом не встретился.

В 1623 году с этой же миссией посольство поехало к шведскому королю Густаву. На примете была сестра его шурина Екатерина. Однако девушка наотрез отказалась менять протестантскую веру на православие, а брак русского царя с иноверкой был невозможен.

Потерпев неудачу за границей, Филарет поговорил с сыном и узнал, что тот не может забыть Марию Хлопову. На семейном совете решили отправить в Нижний Новгород комиссию из царских родственников, которой поручалось узнать о здоровье бывшей невесты Михаила. Оказалось, что девушка здорова и у нее нет приступов рвоты. Тогда Филарет вызвал

к себе врачей Бильса и Балцера, когда-то лечивших Марию, и расспросил. Те сказали, что и раньше не наблюдали у нее опасного заболевания — только легкое расстройство пищеварения от неправильного питания.

Дальнейшее расследование показало, что Хлопову оболгал Михаил Салтыков, который рассказывал всем о ее крайне тяжелом недуге. Пришлось допросить и родственников Марии. Ее отец и дядя Гаврила вспомнили, что когда-то они поссорились с Борисом Салтыковым в царской сокровищнице из-за турецкой сабли. Борис полагал, что русские мастера сделают не хуже, Гаврила же утверждал, что аналогичную саблю им не изготовить. Напрашивался вывод, что Салтыковы просто отомстили Хлоповым и, используя свое влияние на Марфу Ивановну, добились их ссылки.

Безусловно, для великой государыни эти разбирательства были неприятны. Получалось, что она была повинна в несчастьях Марии Хлоповой и в том, что Михаил все еще был холостым человеком и не имел наследника, столь необходимого для продолжения династии.

После всех расследований Салтыковы были объявлены государственными преступниками за то, что расстроили царскую свадьбу. Их лишили званий и имущества и отправили одного в Галич, другого — в Вологду. Даже сестра Марфы Ивановны была признана виновной и сослана в Суздальский монастырь. Для Марфы Ивановны это было большим ударом, хотя в глубине души она понимала, что приговор справедлив. Получалось, что никаких оснований для лишения Марии Хлоповой звания царской невесты не было и следует готовиться к свадьбе. Но Марфа Ивановна понимала, что будущая жена сына никогда не простит ее за свои невольные страдания и не наладит с ней добрые отношения. Значит, вскоре она потеряет и сына, и будущих внуков.

С этой перспективой Марфа Ивановна смириться не могла. Поэтому она тут же отправилась во дворец и заявила, что никогда не даст своего согласия на брак Михаила с Марией Хлоповой, не благословит молодых и прекратит с ними всяческие отношения. Царь не захотел ссориться с матерью и официально объявил, что девица Хлопова окончательно теряет звание невесты. Взамен она получает право жить на полном

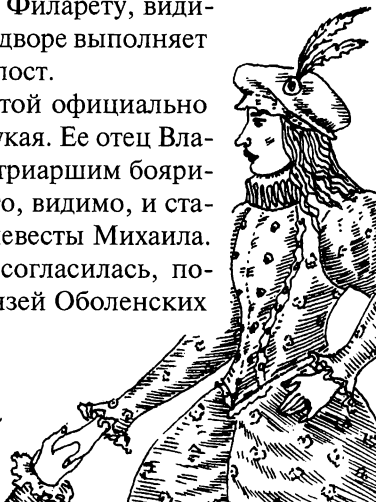
государственном обеспечении в подаренном когда-то Кузьме Минину большом и красивом доме в Нижнем Новгороде. Но Марию это не утешило. От переживаний и незалеченной простуды она заболела туберкулезом и довольно скоро умерла.

Марфе Ивановне пришлось вновь завоевывать любовь сына. Весной 1623 года она отправилась с ним в богомольную поездку в Троице-Сергиев монастырь. Хотя расстояние было небольшим, путешествие продолжалось несколько дней. Во время остановок мать и сын проводили время в беседах и вместе сочиняли подробные письма к Филарету, который вновь остался за государя. С 1622 года он стал носить титул великого государя и считаться соправителем Михаила.

Черновики писем Марфы Ивановны дошли до нас. В них много исправлений, говорящих о том, что старица с трудом находила нужные фразы. Ведь ее слова предназначались не только для бывшего мужа, но и для его ближнего окружения, обычно участвовавшего в переписке официальных лиц. Марфа Ивановна хотела всем доказать, что любит Филарета, глубоко уважает и ценит его за многочисленные достоинства. Вот образец ее обращения к патриарху: «Вышеестественному в подвигах и равноангельному в изволениях, изрядному в архиереях, богодуховенному в чловецах, Великому государю и владыке моему, Святейшему Филарету Никитичу, Божию милостию патриарху Московскому и всея Руси».

Интересно отметить, что в ответ Филарет писал только Михаилу Федоровичу и даже не упоминал о Марфе Ивановне. Возможно, он хотел этим подчеркнуть второстепенность ее положения при сыне. Ведь каких-либо особых отношений у него с бывшей женой не было. К тому же Филарету, видимо, не нравилось, что Марфа Ивановна при дворе выполняет роль государыни, поскольку сын все еще холост.

Наконец летом 1624 года царской невестой официально была названа Мария Владимировна Долгорукая. Ее отец Владимир Тимофеевич с 1622 года считался патриаршим боярином и входил в ближний круг Филарета. Это, видимо, и стало главной причиной ее избрания на роль невесты Михаила. Марфа Ивановна с этим выбором также согласилась, поскольку девушка была из древнего рода князей Оболенских

и имела обширные родственные связи среди Рюриковичей, столь необходимые для укрепления трона Романовых.

Свадьба состоялась 19 сентября 1624 года. Роль тысяцкого исполнял двоюродный брат царя И. Б. Черкасский, дружками со стороны жениха стали Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский, со стороны невесты — М. Б. Шеин и Р. П. Пожарский.

Надо сказать, что до возвращения из плена Филарета полководца-освободителя Д. М. Пожарского и его родственников при дворе не жаловали. Не последнюю роль в этом сыграли Марфа Ивановна и ее родственники. Великая государыня подозревала Пожарского в посягательстве на престол. Ее племянник, Б. М. Салтыков, имел неприятные местнические разборки с Дмитрием Михайловичем, когда тот в конце 1613 года отказался объявить ему боярство, то есть признать себя более худородным, чем Салтыковы. Под влиянием матери Михаил принял сторону Салтыкова и, судя по всему, очень обидел Пожарского. Филарет же во всем разобрался и всячески стал возвышать заслуженного полководца.

В первый день свадебное торжество было очень веселым. В церемонии и в застолье участвовали все представители двора. Однако на следующий день выяснилось, что молодая царица заболела. Причину ее недуга выяснить не удалось. Скорее всего, она стала чахнуть от какого-то медленнодействующего яда, например мышьяка, подмешанного в белила или румяна. Такой способ расправы с царскими женами был известен давно. От яда погибли Елена Глинская, мать Ивана Грозного, его первая жена Анастасия Романовна и третья — Марфа Собакина.

Мария Долгорукая, судя по всему, кому-то перешла дорогу, и ее начали медленно сводить в могилу. Назвать точно имя ее смертельного врага сейчас невозможно, но напрашивается предположение, что им был Ф. И. Шереметев, прочивший в царицы свою дочь Елену. К тому же незадолго до свадьбы всесильный боярин поспорил с В. Т. Долгоруким и мог опасаться его мести в будущем. Ведь все знали, что родственники цариц занимали самые высокие места у трона.

Несчастливая Мария Долгорукая так и не смогла стать Михаилу полноценной супругой. Промучившись несколько месяцев, она умерла 6 января 1625 года. Для Марфы Ивановны

стало ясно, что женить сына теперь будет непросто. Все, кто мечтал с ним породниться, безжалостно расправлялись с конкурентками. Медлить же с браком было нельзя, царю вскоре должно было исполниться тридцать лет. По меркам того времени он был зрелым мужчиной.

На семейном совете решили устроить традиционный смотр невест, чтобы никто не чувствовал себя обиженным или обойденным. Сначала девушек отбирали городовые воеводы, потом приехавшие царские чиновники, наконец шестьдесят самых безупречных красавиц собрали в Москве. После врачебного осмотра их показали Михаилу и его матери. Наиболее приглянувшихся претенденток пригласили во дворец и поселили в особом помещении. Ночью царь с Марфой Ивановной обошел спальни, чтобы принять окончательное решение. Утром после некоторого раздумья он твердо заявил матери, что, кроме Евдокии Стрешневой, прислужницы Елены Шереметевой, никого более не желает видеть своей невестой.

Марфу Ивановну его выбор удивил. Евдокия была красивой девушкой, но ее род был совершенно незнатным и никогда не рождался с государями. К тому же остальные знатные девушки, в первую очередь Елена Шереметева, могли посчитать себя оскорбленными. Но на этот раз Михаил Федорович оказался непреклонным и не стал слушать доводы матери. Он хотел жить с той девушкой, которая была ему по сердцу, а не с той, достоинством которой были только знатность и богатство. Единственная просьба царя к родственникам состояла в том, чтобы они не сообщали никому заранее имя его избранницы из-за боязни навлечь на нее беду.

Стрешневы действительно были не слишком знатны. В разрядных книгах, где были зафиксированы все важные служебные назначения с конца 70-х годов XVI века, встречается лишь имя дьяка Ивана Филипповича Стрешнева. Сначала он был дворцовым дьяком и сопровождал Ивана Грозного во время военных походов. Потом стал дьяком Разрядного приказа и участвовал в разборе местнических дел. Последний раз его имя встречается под 1605 годом. Он, уже думный дьяк, видимо, заменил попавшего в опалу при Б. Ф. Годунове «за самовольство» влиятельного В. Я. Щелкалова. При Василии Шуйском он был отправлен на воеводство в Устюг. Это на-

значение, скорее всего, было ссылкой для одного из наиболее видных думных дьяков, входивших в Боярскую думу царя Бориса. Сын Ивана Филипповича — Афанасий в 1598 году был воеводой Мосальска.

Отец будущей царицы Лукьян Степанович Стрешнев был мелкопоместным можайским дворянином. Жену его звали Анна Константиновна, она была из такого же мелкопоместного дворянского рода. Бедность родителей заставила Евдокию поступить в услужение к Елене Федоровне Шереметевой и войти в ее свиту. Для рядовых дворянок это было обычным делом и позволяло жить не в сельской глуши, а в столице, где можно было со временем выйти замуж.

Вполне вероятно, что царь Михаил Федорович не раз видел Евдокию, поскольку дом Шереметевых находился в Кремле и все его обитатели по церковным праздникам посещали главные соборы. Видимо, красота и скромность девушки запали ему в сердце. Возможно, у нее были и другие достоинства, привлекавшие царя: живость, общительность, благочестие и т.д. Совершенно очевидно, что выбор на нее пал не случайно.

На этот раз Марфа Ивановна смирилась с решением сына. Более того, ей самой пришлось заняться изготовлением свадебных нарядов для Евдокии, ведь у той на роскошные платья не было средств. Приодеть пришлось и всех родственников будущей царицы, которые жили в деревне и с трудом согласились переехать в столицу.

Для себя Марфа Ивановна сшила новую монашескую одежду из черной тафты. Шубу ей изготовили из соболей и покрыли темно-вишневым бархатом. Правда, в свадебном торжестве ей участвовать не полагалось.

В январе Евдокию Лукьяновну поселили в Вознесенском монастыре рядом с Марфой Ивановной. Там ей следовало жить до свадьбы. Будущие родственницы скоро подружились, поскольку скромная невеста с большим вниманием относилась ко всем советам великой государыни и была готова слушаться ее и признавать старшинство. Поэтому Марфа Ивановна обучила ее и рукоделию, и придворному этикету, и способам управления царицыными мастерскими, ткаческими слободами и садоводческо-огородным хозяйством. Ведь

после свадьбы царице полагалось стать полновластной хозяйкой во дворце.

Бракосочетание состоялось 5 февраля 1626 года. На этот раз ничто не омрачило праздника. Скромным Стрешневым никто завидовать не стал. Марфа Ивановна, боясь сглаза, спрятала венец невесты в свой ларец и запечатала печатью. В ответ Евдокия Лукьяновна еще больше привязалась к свекрови. Вместе с ней она стала совершать богомольные поездки по монастырям, вместе посещала ее село Рубцово. Там были чудесный сад, чистые пруды для купания и разведения рыбы. 1 августа по сложившейся традиции женщины совершали омовение.

Осенью 1626 года стало ясно, что Евдокия Лукьяновна беременна. Ей уже не полагалось покидать дворец во избежание осложнений. С этого времени царицу стали опекать специально назначенные женщины.

Марфа Ивановна вновь оказалась одна. Утро ее начиналось с долгой молитвы у образа того святого, чья память отмечалась в этот день. Затем она читала челобитные, присланные на ее имя. Обычно это были просьбы о денежной помощи или покровительстве. Для ответа приглашался дьяк, который записывал, кому и сколько следовало дать денег, кому оказать содействие и в каком деле и т. д.

Потом великая государыня вместе с келарем и экономом занималась делами Вознесенского монастыря. В конце первой половины дня она созывала к себе монашек и девушек-послушниц и приступала к своему любимому занятию рукоделием. Сообщая они решали вопрос о том, какую пелену или покров следует изготовить в подарок церквам и монастырям. Затем Марфа Ивановна раздавала девушкам пряжу и нитки, и все занимались работой до обеда. Общая трапеза обычно была очень скромной: капустное или свекольное варено, каши, квас. Даже в праздники разносолы не полагались. Все обитатели монастыря вели аскетический образ жизни, подражая во всем игумене.

После обеда полагался сон. Вечером можно было отдохнуть и развлечься. В это время Марфа Ивановна принимала гостей из числа родственников. Все знали, что она любит замысловатые диковинки, и старались их ей подарить. Так,

князь И. М. Воротынский привез ей панагию из камня со святыми мощами внутри. Паломники дарили много святынь: икону Неопалимой Купины, жезл Моисея, мешочек с землей из Иордании, воду из Иордана, взятую в том месте, где был крещен Христос, камни с Голгофы и Синайской горы, осколки от Гроба Господня, множество крестов, внутри которых были частицы святых мошей.

Все эти вещицы великая государыня хранила в Крестовой комнате в ларцах. Но и в келье у нее было много диковин. Сын когда-то подарил ей маленькие медные часики с позолотой и серебряным циферблатом. Потом у нее появились большие золотые часы, украшенные алмазами и русскими гербами в виде двуглавого орла и Георгия Победоносца, убивающего змия. На рабочем столе стояли изящная чернильница в виде диковинного зверя, рядом коробочка для перьев, ножниц, пилоч, ножичков, щипчиков, ухверток и зубчисток. К концу жизни Марфа Ивановна стала плохо видеть, поэтому в ее обиходе появилось много очков и небольшая подозрительная труба. С одной стороны она увеличивала, с другой — уменьшала.

В комнате для отдыха у Марфы Ивановны были клетка с говорящим попугаем и колесо, в котором бегала живая белка. Там же стоял небольшой орган, на котором по вечерам играл специальный человек. Часто ее навещали Ирина Никитична, вдова И. И. Годунова, и сестра Филарета Анастасия Никитична, жена боярина Б. М. Лыкова, и другие знатные родственницы. Для них обычно играл целый оркестр, состоящий из гусельников Парамонки Федорова и Богдашки Влащева, домрачеев Андрюшки Федорова и Васьки Степанова и скрипачей Богдашки Окатьева, Ивашки Иванова, Онашки и немца Арманки.

Иногда по просьбе Марфы Ивановны ее штатные шуты устраивали веселые представления в царском дворце. Главными артистами были дурка Манка, бахарь Петрушка и арапчонок Давыдка. Потешную одежду для них изготавливали по указанию их покровительницы Марфы Ивановны из красной и желтой материи с бляшками, бубенчиками, лентами. Позже их покровительницей стала царица Евдокия Лукьяновна.

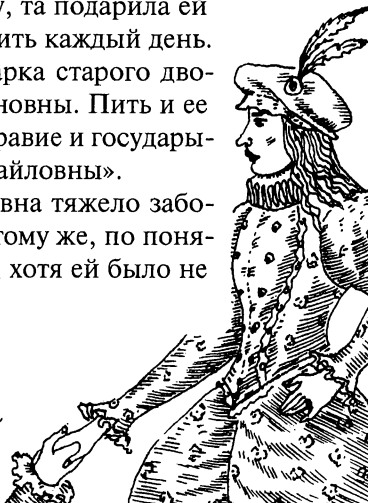
Находясь в Кремле, великая государыня любила посещать Верхний Набережный сад, имевший в длину девять саженей и в ширину — сорок. В нем под ее руководством садовники посадили яблони, груши, сливы и даже виноград и декоративные кустарники. Для отдыха были сооружены красивые беседки, вырыты пруды, в которых плавали лебеди.

22 апреля 1627 года в царской семье случилось радостное событие — родилась девочка, которую в честь одной из сестер Филарета назвали Ириной. Марфа Ивановна горячо полюбила свою первую внучку и проводила с ней все свободное время. С трех лет царевна стала постоянно проживать в ее келье. При непосредственном участии бабушки были сшиты красивые платья, шапочки, матерчатые башмачки, расшитые жемчугом. Мастерница Олена Языкова изготовила потешных кукол в ярких нарядах из атласа. Когда Ирина немного подросла, бабушка стала покупать ей игрушки у купцов: золотого змея, украшенного финифтью, изумрудами и рубинами, несколько фигурок женщин с ведрами, кувшинами, тазами, фигурки мужчин с лошадьми и повозками, кораблик на колесах.

Вскоре у Ирины при участии бабушки появились все необходимые для женщин предметы: зеркальце, костяной гребешок, ларец с белилами, румянами, чашечками для снадобий и сосудами для ароматических веществ. Ведь царевне с детских лет следовало учиться украшать свою внешность. В то время без белил и румян знатным женщинам не полагалось показаться посторонним людям. Еще одним подарком Ирины от великой государыни стало опахало из страусовых перьев, скрепленных медными пластинками с финифтью.

Чтобы юная внучка не забывала бабушку, та подарила ей несколько сосудов, из которых следовало пить каждый день. На одном из них была такая надпись: «Чарка старого двора Великой государыни иноки Марфы Ивановны. Пить и ее вспоминать, про государево многолетнее здравие и государыни царевны и великой княжны Ирины Михайловны».

В самом начале 1631 года Марфа Ивановна тяжело заболела. Врачи ничем не смогли ей помочь. К тому же, по понятиям того времени, она считалась старухой, хотя ей было не больше 60 лет.

Чувствуя скорую кончину, великая государыня распорядилась отдать все свое немалое имущество любимой внучке. Только денег было 6185 рублей. Она попросила сына похоронить ее в родовой усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре, а не в царской усыпальнице Вознесенского монастыря. Ей хотелось покоиться рядом со своими рано умершими детьми.

27 января 1631 года великая государыня тихо скончалась и была горько оплакана многочисленными родственниками. Михаил Федорович выполнил волю матери и установил ее гроб в подвале Новоспасского монастыря. Ирина также не забыла бабушку и в конце жизни завещала похоронить себя рядом с ней, а не в царской усыпальнице в Кремле.

Возможно, современники понимали, какую большую роль сыграла Марфа Ивановна, помогая юному сыну укреплять трон и восстанавливать из руин Русское государство. Но посмертная слава досталась одному Филарету. Именно его историки стали считать главным соправителем Михаила Федоровича и приписывать ему все успехи царствования первого Романова. Но мы знаем, что это было не так, и поэтому не должны забывать невысокую темноволосую женщину, которая, благословив своего единственного сына на царство, спасла страну от новой, еще более жестокой междоусобицы, а может быть, и гибели.

Царица-босоножка

Вопрос о женитьбе царя Михаила Федоровича был очень важным, поскольку ему следовало основать новую династию и иметь крепкого и здорового наследника. Однако, как оказалось, найти подходящую жену было очень непросто. Первую его невесту, Марию Хлопову, оболгали царские двоюродные братья, и она без всякой вины была сослана в Сибирь. Вторая невеста, Мария Долгорукая, сразу после свадьбы тяжело заболела и через несколько месяцев умерла, видимо отравленная завистниками. Третью невесту было решено выбрать в ходе традиционных смотрин, устроенных по всей стране. В них участвовали самые знатные и красивые де-

вушки, но выбор царя пал на провинциальную дворянку Евдокию Лукьяновну Стрешневу, которая даже не участвовала в смотринах, а была прислужницей главной претендентки на руку и сердце Михаила — боярышни Елены Шереметевой.

Назвав своей невестой Евдокию, царь как бы бросил вызов представителям знати, которые всячески препятствовали тому, чтобы он обрел семейное счастье. На этот раз извести или обоглать девушку никто не решился.

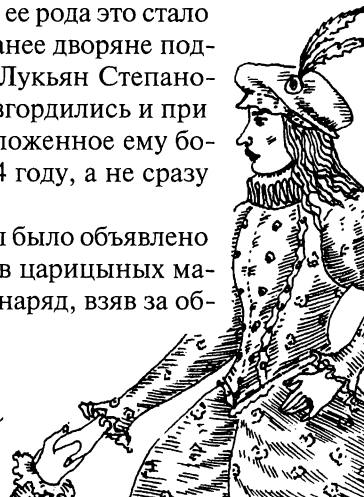
Евдокия Лукьяновна принадлежала к незнатному роду мещовских дворян. Ее дед, Степан Стрешнев, владел в Мещовском уезде вотчиной в 500 четвертей, которая досталась его сыновьям: Игнатию, Луке, Сергею и Боголепу. Там же проживали его родственники, владевшие аналогичными участками земли: Михаил Борисович и Степан Борисович, Илья Афанасьевич, Нехороший Афанасьевич и Матвей Федорович.

Отец Евдокии Лукьяновны был беден. По преданию, когда к нему в поместье прибыли гонцы с известием об объявлении его дочери царской невестой, он занимался сельскохозяйственными работами — возможно, готовил к пахоте орудия труда, поскольку была зима.

Юной Евдокии с детства пришлось пойти в услужение к богатому боярину Ф. И. Шереметеву, состоявшему в родстве с царем Михаилом Федоровичем. Он был не только из одного с ним рода Кобылиных, но и женат на двоюродной сестре государя Ирине Борисовне Черкасской. Как уже отмечалось, Шереметев пытался сосватать за царя свою дочь Елену, но та не приглянулась Михаилу. С горя боярышня постриглась в монастырь.

Вполне вероятно, что Евдокия была потрясена, когда узнала, что царь выбрал невестой именно ее. Для ее рода это стало огромной удачей, поскольку неизвестные ранее дворяне поднялись к самому царскому трону. Правда, Лукьян Степанович и его жена Анна Константиновна не возгордились и при дворе старались держаться в тени. Даже положенное ему боярство отец Евдокии получил только в 1634 году, а не сразу после свадьбы дочери.

По просьбе царя Михаила имя его невесты было объявлено незадолго до свадьбы. В спешном порядке в царицыных мастерскихшили для Евдокии праздничный наряд, взяв за об-

разец парадное платье Ирины Федоровны Годуновой, отличавшейся хорошим вкусом. Следует при этом отметить, что будущая царица была красива, статна и хороша в любой, самой простой одежде.

По традиции наряд невесты был многослойным. Сначала надевалась белая сорочка из тонкой материи, на нее красная рубашка из тафты с длинными рукавами, по вороту и краям рукавов вышитая жемчугом и крупными драгоценными камнями. Далее следовал летник, похожий на саκος из бархата. Его также украшала вышивка из жемчуга и тонкие кружева. Сверху всю одежду покрывала мантия из тонкой светлой материи, расшитая по краям сапфирами, алмазами и изумрудами. Несомненно, что все это стоило очень дорого и было не по карману невесте и ее родственникам. Тратиться приходилось самому жениху.

После венчания Евдокии полагалось надеть царскую корону. Ее изготовили по специальному заказу из золота и драгоценных камней. Корона представляла собой обруч с двенадцатью башенками по числу апостолов. С двух сторон короны свисали тройные, довольно длинные цепи из мелких камней, которые заканчивались крупными изумрудами. Дополняло корону широкое ожерелье из больших жемчужин и алмазов.

Произведением искусства были даже туфельки с острыми вытянутыми носами и высокими каблуками, под которыми мог пролететь воробей. Такой была тогдашняя мода. Туфельки были сшиты из бархата и украшены вышивкой жемчугом и золотыми нитями. Надевать такую обувь Евдокия опасалась, ведь раньше она носила лишь простые кожаные башмачки, за свой цвет прозванные в народе «желтиками». В то время считалось, что красную обувь могут носить только высокородные люди.

Свиту будущей царицы составили несколько знатных женщин, которым полагалось быть во всем белом. Кроме того, одна из молодых родственниц Евдокии была назначена исполнять роль ее подруги. Поэтому ее тоже нарядили в достаточно богатые и красивые одежды, которые были, разумеется, проще, чем у самой невесты.

Свадьбу назначили на 5 февраля. Решили, что чины на ней будут те же, что и на первой свадьбе с Марией Долго-

рукой. Тысяцким был назначен царский двоюродный брат И. Б. Черкасский, посаженными отцом и матерью — И. Н. Романов с женой. Дружкой царя стал Д. М. Черкасский, дружкой невесты — М. Б. Шеин. За свадебным столом со стороны жениха следовало сидеть князьям И. И. Шуйскому, И. В. Голицыну и А. Ю. Сицкому, со стороны невесты — князьям Д. Т. Трубецкому и И. В. Одоевскому и М. М. Бутурлину. Их жены были размещены напротив.

Хотя Михаил Федорович издал указ о том, что на свадьбе запрещено местничество, то есть участие в свадебной церемонии не будет считаться официальной службой, бояре начали устраивать свары из-за мест, полагая, что их родовая честь унижена. Особенно упорным оказался И. В. Голицын, который не хотел быть ниже И. И. Шуйского и Д. Т. Трубецкого. Даже патриарх Филарет пытался уговорить его не омрачать свадебного торжества, но Голицын отказывался сидеть на указанном ему месте. Тогда срочно была созвана Боярская дума, которая вынесла решение, что князь — изменник, поскольку отказывается выполнять царскую волю. За это у него были отняты почти все вотчины и поместья, а его самого с женой отправили на поселение в Пермь. Там И. В. Голицын через год умер; после этого его вдове Ульяне позволили вернуться в столицу.

Самыми главными на царской свадьбе были посаженные отец и мать. Большую роль играл тысяцкий — распорядитель. Поезжане, члены свадебного кортежа, сопровождали царя и царицу во время церемонии, возглавлял всю процессию протопоп с крестом. Дружки созывали гостей на свадьбу. Свахи должны были заплетать невесте косы и закрывать ее покрывалом. Свечники несли венчальные свечи, каравайники — особый хлеб, освящаемый в церкви. Конюший был обязан охранять молодых, дворецкому следовало подавать им кушанья в постель.

С царицыной стороны на свадьбе присутствовали отец и мать, бояре и боярыни из числа родственников, дружки, свахи и т. д.

Накануне свадьбы Михаил Федорович устроил пир для отца и матери Евдокии Лукьяновны и бояр с женами. Сам он

с невестой сидел за особым столом. Протопоп благословил их и обручил. После этого все присутствующие их поздравили.

На следующий день рано утром Михаил Федорович отправился в Успенский собор, где патриарх благословил его, потом царь посетил Архангельский собор и помолился у гробов прежних государей. После этого царь обрядился в парадные одежды и вошел в Столовую палату, заранее украшенную бархатом и персидскими коврами. Там уже сидела Евдокия Лукьяновна в великолепном платье, со своими родственниками и боярами, но не в короне, а в девичьем венце.

Церемония началась с всеобщей молитвы, потом духовник благословил жениха и невесту и всех присутствующих, затем свое благословение дали посаженные отец и мать. После этого все сели за стол, накрытый хлебом с сыром и некоторыми другими кушаньями. Жених с невестой, сев на одну подушку, к еде не притрагивались. Их закрыли одним покрывалом, и свахи начали расчесывать им волосы и осыпать хмелем. Дружки невесты разнесли присутствующим дары от невесты — вышитые ширинки. После этого невесту полностью закрыли покрывалом, посаженные отец и мать благословили молодых иконой в дорогом окладе и вручили правую руку невесты царю, который торжественно ввел ее в Благовещенский собор в сопровождении участников церемонии. В храме протопоп благословил всех крестом, потом совершил обряд венчания, во время которого с невесты сняли покрывало. После этого молодым предложили выпить вина из одного сосуда и разбить его.

Затем царь снял с себя корону, и обоим надели церковные венцы. В завершение протопоп прочитал молодым проповедь о том, как им следует жить в браке, вручил невесту жениху, и они поцеловались.

Тем временем родственники молодых ждали их возвращения в Грановитой палате, где были накрыты столы для свадебного пира. Звон колоколов известил всех, что церемония венчания состоялась. Собравшись вместе, гости начали шумное застолье. Когда принесли третье блюдо — жареных лебедей, дружки отвели молодых в сени, где для них было устроено специальное ложе. Конюший с обнаженным мечом стал охранять их покой.

Наутро царь с царицей отправились в баню, затем расстались до нового пира. На нем Евдокия Лукьяновна была уже в царском венце. Второй день назывался «княжим». После обеда гостей угощали диковинными плодами и сладостями, а они подносили дары: золотые и серебряные украшения, меха, ткани, посуду. Третий день назывался «княгининым», поскольку молодых одаривали родители царицы. Четвертый день посвящался патриарху и духовным лицам, которые также должны были принести дары: иконы, кресты и пр. В последующие дни угощали стольников, дьяков, купцов, жителей посада, выборных от городов. Все они приносили дары, но уже только Михаилу Федоровичу. Царица на этих пирах не присутствовала.

Все празднества завершились походом царя и царицы по московским монастырям, богадельням и тюрьмам, где раздавалась щедрая милостыня — до нескольких тысяч. Получилось, что радостное событие в царской семье стало праздником для всей страны.

Конечно, случай неповиновения одного из наиболее знатных бояр несколько омрачил царскую свадьбу. Евдокия даже стала подумывать о том, что многие боярыни не пожелают войти в ее свиту. Однако ее опасения не оправдались: всем хотелось оказаться рядом с молодой царицей, которой предстояло стать матерью наследника престола.

Скорый на расправу Филарет приказал продать обширный двор Голицыных в Кремле отцу Евдокии Лукьяновны. Его значительная по тем временам стоимость в 1328 рублей была оплачена из казны. Потом эти деньги роздали по монастырям.

Так неприятный инцидент на свадьбе дочери позволил Лукьяну Степановичу обзавестись собственным домом в столице и по богатству оказаться почти на одном уровне с остальной знатью. После смерти Лукьяна Стрешнева его двор отошел в собственность его сына Степана, которому в 1626 году было около десяти лет.

Службу Степан начал в должности стольника при дворе царицы. Сестра заботилась о нем и на свои средства сшила ему несколько красивых кафтанов. Первый был из турецкого золотого атласа с вышитыми на нем цветами. На груди у него было восемь низанных жемчугом запонок с шелковыми с се-

ребром завязками, заканчивающимися кистями. Даже без запонок он стоил не менее 34 рублей. Второй кафтан был из цветного сукна на лисьем меху с воротником из золотого атласа.

До 1631 года брат Евдокии служил при ней, потом вошел в число царских стольников. Еще выше подняться ему удалось только при сыне Евдокии и Михаила — царе Алексее Михайловиче. Видимо, возвышать родственников жены без особых заслуг с их стороны царь не захотел. Но сестра-царица помогла ему выгодно жениться на дочери князя из Рюриковичей Алексея Федоровича Лыкова — Марье.

Хотя все парадные залы царского дворца были каменными, Михаил Федорович предпочитал жить в деревянных покоех. Поэтому и для Евдокии Лукьяновны построили особый терем с высоким верхом, в котором было несколько небольших комнаток: сени, приемная, спальня, крестовая и наверху светлица для занятий рукоделием. Несмотря на то что царица была очень скромной женщиной, по инициативе царя для нее была заново отделана Малая Золотая палата, в которой прежние государыни принимали гостей, отмечали семейные праздники, родины, крестины, именины, а на Пасху устраивали прием для патриарха и духовенства.

Прежде это помещение долгое время стояло в запустении. Но в 1626 году в нем был произведен ремонт: своды вызолотили, по золоту сделали росписи сюжетов из библейской истории, понизу провели орнамент в виде листьев деревьев, виноградных кистей и птиц. В центре потолка был подвешен красивый канделябр в виде льва, из его пасти свисала змея, к телу которой крепились подсвечники. В углу поставили трон для царицы, над которым повесили большую икону Богоматери в драгоценном окладе. Пол устлали персидскими коврами с вытканными сценами охоты на диковинных зверей. Все это придало небольшому помещению нарядный и праздничный вид.

Здесь царица стала устраивать приемы для знатных женщин по случаю праздников. Рядом с собой она сажала мать Анну Константиновну, теток и племянниц. Знатным боярыням приходилось рассаживаться поодаль, исключение делалось только для родственниц Михаила Федоровича и жены

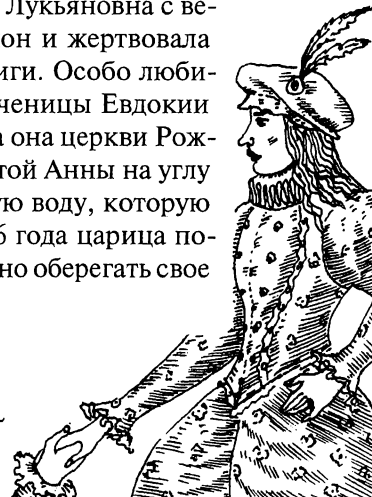
И. Н. Романова — Ульяны Федоровны, которая среди всех занимала первое место. Угощала всех Евдокия Лукьяновна сладкими коврижками, фруктами в патоке и заморскими винами.

Более скромным был прием паломников и заезжих представителей духовенства. С ними царица беседовала, расспрашивала о путешествиях и одаривала либо деньгами, либо ценными подарками.

Новая государыня была веселой и жизнерадостной, любила развлечения. По ее заказу в сенях установили обитые бархатом качели, зимой на Кремлевском холме заливали ледяные горки, с которых она любила кататься. В своих покоях она повесила клетки с белками, горностаями и певчими птицами. На Масленицу специально для нее пригоняли с Севера олени упряжки, на которых она каталась за городом.

По примеру Марфы Ивановны царица завела у себя целый штат игроков на различных народных инструментах, которые воспевали подвиги былинных богатырей, рассказывали о печальной участи царевны Ксении, о злом еретике Гришке Отрепьеве и т. д. По вечерам бахари тешили ее волшебными сказками о Бабе-яге, Кощее Бессмертном. Очень забавляли Евдокию Лукьяновну карлики и карлицы. Постоянно в ее тереме проживали девки Анютка, Офушка, Софья, Федорка, Марфутка, Парашка и другие. Она лично заботилась о том, чтобы для них шили яркую и красивую одежду из розовых, голубых и светло-зеленых тканей.

В первые месяцы после свадьбы молодая царица сблизилась со свекровью и часто совершала с ней богомольные поездки. Боясь оказаться неплодной, Евдокия Лукьяновна с великим плачем молилась у чудотворных икон и жертвовала в монастыри дорогую утварь, покровы, книги. Особо любимым храмом для нее был придел великомученицы Евдокии в Вознесенском монастыре. Часто посещала она церкви Рождества Богородицы на Сенях и Зачатия Святой Анны на углу Китай-города. Оттуда она приносила святую воду, которую использовала в быту. Наконец осенью 1626 года царица почувствовала, что беременна, и стала тщательно оберегать свое здоровье.

22 апреля 1627 года в мыленке у постельных хором царицы появилась на свет прелестная девочка. Тут же был приглашен духовник, который прочитал молитву. Затем пришел Михаил Федорович. Конечно, ему хотелось мальчика, но и здоровенькой девочке все обрадовались. Тут же гонец был послан с известием к патриарху Филарету, и тот устроил в Успенском соборе молебен о даровании ребенку здоровья.

Царь по существовавшей традиции отправился по церквям, монастырям и тюрьмам раздавать милостыню. Не слишком опасных преступников даже отпустили на волю. 25 апреля во дворце был устроен родинный стол для патриарха, духовенства и бояр. На нем присутствовали И. Б. Черкасский, Д. М. Пожарский, М. Б. Шеин и другие. Менее знатных людей поили и кормили прямо во дворе. По городам были отправлены гонцы с радостной вестью. Духовенство обязали молиться о здравии царевны, воеводам полагалось всех потчевать за казенный счет, а гонцов — наградить богатыми дарами.

Тем временем в покоях Евдокии Лукьяновны с согласия отца девочку нарекли Ириной в честь тетки царя Ирины Никитичны. Родственники, по обычаю, стали благословлять новорожденную различными дарами. Самый дорогой подарок сделал дед Филарет — золотой крест с мощами, украшенный литым распятием с множеством драгоценных камней. Отец подарил также крест, но менее ценный. Евдокия Лукьяновна благословила дочь панагией, которую сняла со своего мниста. Она была из золота с резным изображением Христа и святых и украшена голубыми сапфирами. Подарком бабушки также стал золотой крест с Млеком Богородицы внутри.

Через несколько дней, 6 мая, Ирину крестили в Чудовом монастыре. Восприемником стал келарь Александр, восприемницей — бабка Анна Константиновна. Обряд осуществил духовник Максим. После этого в Золотой палате был устроен «крестинный» стол с различными угощениями для гостей. Те, в свою очередь, были обязаны одарить царевну. В этом празднестве принимала участие и Евдокия Лукьяновна. В заключение Михаил Федорович вручил дары патриарху, как того требовал обычай.

Следует отметить, что в будущем день рождения Ирины не отмечался, праздник был только в день ее именин 5 мая.

Самой царице не полагалось ухаживать за дочерью. Это делали кормилица и мамки. Мать следила лишь за тем, чтобы царевна ни в чем не нуждалась. До трех лет Ирине следовало жить в материнском тереме и не появляться при посторонних. Для нее были изготовлены очень красивая колыбелька с шелковым пологом, атласное одеяльце, постельное белье из тончайшей материи. Чтобы кормилица, мамки и няньки хорошо ухаживали за малюткой, царица регулярно делала им подарки: отрезки материи, меха, деньги.

Сама Евдокия Лукьяновна получала подарки в свои именины 1 марта, но обычно отдаривала их назад. В этот день у нее собирались представители знати со всевозможными красивыми вещами. Если же царице что-то нравилось, она забирала подарок себе, но платила дарителю за него деньги. В Золотой палате для гостей накрывались столы, на которых были всевозможные сладости и особые именные пироги.

Очень скоро выяснилось, что царица вновь ждет ребенка. 20 апреля 1628 года появилась на свет вторая дочь — Пелагея. Но она оказалась слабенькой и 25 января 1629 года умерла. Ее смерть стала для Евдокии Лукьяновны большим горем; стали опасаться, что и первенца Ирину постигнет та же участь. Детские болезни в то время почти не умели лечить, поэтому смертность среди младенцев была очень высокой. На всякий случай старшую царевну переселили к бабушке в Вознесенский монастырь.

Долго горевать царице не пришлось — 9 марта 1629 года она родила долгожданного наследника, названного Алексеем в честь празднуемой 17 марта памяти Алексея Человека Божьего. Младенец был буквально завален подарками от родителей, родных и самых различных людей. Филарет благословил его золотым крестом, в котором находилось Животворящее Древо, Млеко Богородицы и 8 частиц мошей святых, и дал 150 золотых. Бабушка Марфа Ивановна подарила очень ценную икону Богородицы в золотом окладе, украшенном драгоценными камнями. В кресте Михаила Федоровича были: Животворящее Древо, часть Ризы Христа, Млеко Богородицы и 16 частиц мошей различных святых, в числе которых были мощи Михаила Малеина и мученицы Евдокии.

Евдокия Лукьяновна благословила сына образом Спаса в серебряном окладе и большой золотой монетой.

Алексея крестили в Чудовом монастыре, восприемниками его были сестра Ирина и келарь Александр Булотников, одаривший его крестом со всевозможными святынями и иконой, на которой изображено явление Богородицы Сергию Радонежскому.

Особые дары получила и Евдокия Лукьяновна. Свекровь вручила ей кусок атласа голубого цвета, на котором золотом были вышиты листья и травы. Царица отдала Марфу Ивановну кусками цветного бархата и шелка.

Были, разумеется, и подарки от бояр. И. Б. Черкасский подарил хрустальную кружку, оправленную в золото, его жена — братину, украшенную драгоценными камнями, Ф. И. Шереметев — хрустальную кружку, оправленную в белое серебро, Б. М. Лыков — серебряную птицу с яйцом, его жена Анастасия Никитична — драгоценный крест со святынями и серебряного коня, жена И. Н. Романова — хрустальный кубок в серебре, на крышке которого был орел. Весьма дорогой дар сделал окольничий А. М. Львов — множество кубков, перстней и т. д., цена которых равнялась 400 рублям.

Почтили царского сына и купцы, их совместные дары оценивались в 433 рубля, сверх этого было дано еще 200 золотых. Несколько скромнее оказались подарки посадского населения Москвы и других городов, которые поступали во дворец в течение целого месяца, а из отдаленных мест — даже летом. Их перечень в приходных книгах занял несколько страниц текста.

До пяти лет Алексей должен был жить на женской половине. Его мамками стали боярыня Ирина Никитична Годунова и Ульяна Степановна Собакина. Первая была родной теткой царя Михаила Федоровича.

Евдокия Лукьяновна оказалась очень плодовитой женщиной. В следующем году, 14 июля, она опять родила дочь, названную Анной. Это имя для Романовых было родовым — так звали еще одну тетку Михаила Федоровича, рано умершую жену И. Ф. Троекурова. Еще через год родилась царевна Марфа, которая прожила чуть больше года и 21 августа 1632 года умерла.

Поскольку терем Евдокии Лукьяновны был переполнен детьми, мамками и няньками, в 1635 году началось строительство отдельных хором для царевичей и царевен. К этому времени на свет появились Иван (1 июня 1633 года) и Софья (30 сентября 1634 года). Для восьмилетней Ирины была построена деревянная избушка с высокой крышей и светелками. Для Алексея и Ивана возвели каменные хоромы в итальянском стиле с анфиладой комнат. Наследник престола был уже на попечении дядек Б. И. Морозова и В. И. Стрешнева. Помощником их был просветитель Ф. М. Ртищев, известный также тем, что на свои средства открыл ряд больниц, богаделен и школу при Андреевском монастыре. Царевичам прислуживали двадцать молодых стольников. Царица уже не могла вмешиваться в воспитание и обучение сыновей. Всем руководил сам царь Михаил Федорович.

Евдокия Лукьяновна занималась бытовой стороной жизни детей. По ее указанию изготавливались кровати, столики, стульчики, постельное белье и одежда. Так, спустя девять дней после рождения царевича Алексея для него было сшито красивое одеяло из цветного атласа с вышитыми золотом листьями и травами и зеленой шелковой каймой. Оно было подбито соболями с бобровой опушкой. Второе одеяло было более легким — из цветного шелка с тафтяной подкладкой. Колыбелька царевича также была изготовлена из красивых и ярких тканей, из атласа и тафты. Она висела на восьми ремнях из лосины, обтянутых бархатом белого цвета с вышитыми травами и цветами. Подушка была обтянута цветным шелком.

Весной около колыбельки сооружали полог из полотна, на котором вышивались различные цветы. Он должен был, видимо, защищать от насекомых и яркого солнца. В колыбельке лежала перина из лебяжьего пуха, сверху которой находился бумажник, набитый хлопковой бумагой, которая легко заменялась по мере надобности. Кроме обычных одеял у царских детей были парадные, украшенные жемчужной вышивкой и драгоценными камнями.

Следует отметить, что в детских кроватках-колыбельках царевны и царевичи спали довольно долго — до пяти-шести лет, изменялся лишь их размер. Ткани со старых колыбелек жертвовались в церкви, где из них шили церковные одежды.

Только с семи-восьми лет для детей в алькове устанавливали кровать. Стены алькова обивались красивыми тканями, в изголовье обязательно висела икона (в колыбельках она также всегда была). Постельное белье изготавливалось из тонкого тверского полотна.

Приблизительно с девяти месяцев детям шили верхнюю одежду: шапки из атласа с меховой опушкой, шубы из шелковых тканей с меховой опушкой, которые отделявали кружевом. С года, когда дети начинали ходить, их одевали уже почти во взрослую одежду, которая была лишь меньшего размера. Евдокия Лукьяновна следила за тем, чтобы она шилась из ярких шелковых или парчовых тканей, вышивалась жемчугом и отделялась мехом. Ребенку полагалось выглядеть как куколка.

Известно, что для царевны Ирины в годовалом возрасте было сшито платье, украшенное сапфирами, изумрудами и рубинами. Для его изготовления использовали 260 зерен жемчуга. Жемчуг украшал и ее нижнюю сорочку, и верх собольей шубки. Уже в два месяца она носила золотые сережки с драгоценными камнями, а в шесть месяцев на ее шее было богатое ожерелье. Наряжая дочь, царица, видимо, хотела как-то возместить свое бедное детство — ее единственным украшением были шелковые ленты в косы да стеклянные бусы.

Евдокия Лукьяновна тщательно следила за чистотой и исправностью детской одежды. Поскольку любая дырка могла быть вызвана чьими-то злыми происками, она требовала тщательного расследования причин ее появления. Царица лично осматривала каждую вещь и запирала в кипарисовые сундуки.

Самой красивой частью одежды царевен были головные уборы. Во время праздников они надевали девичьи венцы из золота, богато украшенные сапфирами, изумрудами, бирюзой и жемчугом. Известно, что в 1635 году Евдокия Лукьяновна подарила пятилетней Анне «геремчатый венец о десяти верхах» из золота с финифтью. Его украшали семь рубинов, шесть сапфиров и шесть изумрудов, узор из жемчуга и золотые цепочки, на которых висели десять больших жемчужин. Венец был необычайно красив и стоил очень до-

рого. В 1636 году в царицыной мастерской для царевны Ирины немецкие мастера изготовили корону из золоченого серебра, обильно украшенную жемчугом и золотыми листьями с голубой финифтью. Потом они же для шестилетней Анны и двухлетней Софьи сделали короны, к которым были привешены нити из жемчуга.

Кроме венцов и корон царевны носили на голове кики, тафьи, круглые шляпы, столбунцы, летние и зимние высокие шапки из меха лисы и горлатные, треухи и куколи. Они шились либо из атласа, либо из бархата, либо из тафты и украшались золотыми пуговицами с драгоценными камнями и мехом.

Одежда девочек была почти как у взрослых женщин, за исключением кафтанцев, похожих на мужские. К примеру, у Ирины было 36 кафтанцев, которые она начала носить с семи лет. Верхней одеждой были летники с длинными рукавами, распашницы (тот же летник, но на пуговицах) и кортели (летник на меху). Зимой сверху летников носили шубы. Еще одним отличием одежды царевен от взрослых женщин были штанишки из тафты на беличьем меху и чулки из ткани, которые в зимнее время также подбивали мехом. Обувью были башмачки и чеботы.

Евдокии Лукьяновне приходилось заботиться о том, чтобы у всех детей было достаточно игрушек, которые в то время назывались потехами. Сохранились сведения об их покупке. Так, 31 января 1635 года во время богомольной поездки в Новоспаский монастырь царица дала сопровождавшим ее дворянам на покупку игрушек для детей 97 копеек. Те приобрели несколько кожаных птичек, деревянных баранчиков, кукольную посуду, маленькие деревянные мечи и колокольчики. Все это было отдано царевичам и царевнам: Алексею (6 лет), Ивану (1,5 года), Ирине (8 лет), Анне (4,5 года) и Софье (4,5 месяца). Игрушки покупались потом и в феврале, и в мае (во время поездки царицы в Рубцово), и в сентябре (во время посещения Троице-Сергиева монастыря). Это были колокольчики, мечи, кукольная посуда (братины, ложки), фигурки животных.

В декабре этого же года царица отправилась с детьми молиться в Ивановский и Знаменский монастыри и по дороге,

видимо по их просьбе, купила у уличных торговцев игрушечные горшочки, резные фигурки мужиков и женщин, маленькие санки и сдобные калачики.

На следующий год в сентябре по дороге в Троице-Сергиев монастырь Евдокия Лукьяновна приобрела для своих детей потешный возок с деревянными конями, орехи, ягоды, репу, морковь и снесь. В царских кладовых, вероятно, было всего довольно, но матери хотелось привезти своим чадам эти немудреные гостинцы.

Можно предположить, что царица с детских лет сохранила воспоминания о том, что дарили ей после поездок отец и мать, и аналогичным образом хотела порадовать своих дочерей и сыновей. Подарки отца, бабушки Марфы Ивановны и дедушки Филарета были много богаче и замысловатей: золотые и серебряные фигурки людей и животных, маленькая посуда, кораблики на колесах с парусами, игрушечные пистолеты, ящички с фигурками из воска, изображавшими библейские сюжеты, деревянные лошадки с полной сбруей, куклы в красивой одежде.

Следует отметить, что одежду для кукол шили в царицыных мастерских из лоскутков дорогих тканей. Там же из сафьяновых лоскутков изготавливались мячики, внутри которых звенели бубенчики.

Евдокия Лукьяновна, любившая качаться на качелях и кататься с гор на санках, приучила к этим забавам и своих детей. Особенно вольготно им было в загородном Рубцове, куда царская семья ездила в летнее время.

Забота о детях отнимала у царицы большую часть времени. К тому же ее семья постоянно увеличивалась. 5 января 1636 года родилась царевна Татьяна, которой была суждена долгая жизнь (она умерла в 1706 году). А вот Софья прожила недолго: 23 июня 1636 года она умерла. 10 февраля 1637 года родилась и умерла в один день дочь Евдокии.

Видимо, частые роды истощили организм Евдокии Лукьяновны и родить здорового ребенка она уже не могла. Очень печальным для царской семьи стал 1639 год. 10 января по неизвестной причине скончался шестилетний царевич Иван, любимец отца. 25 марта родился царевич Василий, но в этот

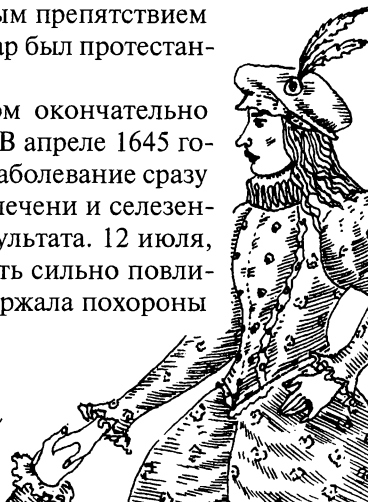
же день умер. Страх за остальных детей охватил родителей. Во дворце начались расследования.

Выяснилось, что золотошвейка Дарья Ломакова сыпала «ведовской пепел» на след государыни царицы. После этого царица стала печальна и заболела, да «вскоре Государя Царевича Ивана Михайловича не стало». Ломакову обвинили и в том, что она отрицательным образом повлияла на отношения между Михаилом Федоровичем и женой: «В их государском здоровье и в любви стало не по прежнему, и до сих лет меж их, Государей, скорбь, и в их государском здоровье помешка».

Судя по всему, царь перестал посещать спальню Евдокии Лукьяновны, поскольку больше детей у нее не было. Придворные заметили это и стали поговаривать, что царица «недорога», поскольку из незнатного рода и зря ее Бог возвеличил. Дескать, государю следовало выбрать себе совсем другую супругу. Возможно, все эти речи велись к тому, чтобы подтолкнуть Михаила Федоровича к новой женитьбе на более знатной девушке. Интриги, конечно, становились известны и государыне. Она даже приказала высечь кнутом свою постельницу Л. Волосатову и ее сына за «непригожие речи о себе».

В последние годы жизни главной заботой Евдокии Лукьяновны было замужество старшей дочери. Царь желал во что бы то ни стало найти ей жениха в Европе. По мнению дипломатов, наиболее подходящим был датский принц Вольдемар, брат короля Кристиана IV. В 1641 году он в составе посольства посетил Москву и всем очень приглянулся. В 1644 году его пригласили в качестве жениха Ирины Михайловны. Однако вскоре выяснилось, что непреодолимым препятствием для брака являются вопросы веры. Вольдемар был протестантом и не желал становиться православным.

Трудные переговоры с датским женихом окончательно подточили здоровье Михаила Федоровича. В апреле 1645 года придворные доктора обнаружили у него заболевание сразу нескольких внутренних органов: желудка, печени и селезенки. Лекарства не дали положительного результата. 12 июля, в свои именины, царь скончался. Его смерть сильно повлияла на Евдокию Лукьяновну, она едва выдержала похороны

мужа и после них тут же слегла. Жить без любимого мужа она не хотела и отказывалась пить лекарства. 18 августа она тихо утасла и, оплаканная детьми, была похоронена в Вознесенском монастыре. На престол взошел ее шестнадцатилетний сын Алексей Михайлович, которому предстояло править долго и славно. Так династия Романовых начинала свою 300-летнюю историю.

Царица Евдокия Лукьяновна не была политиком и государственным деятелем. В первую очередь она была верной и любящей женой, хорошей и заботливой матерью многочисленного семейства. В ее обязанности не входило править вместе с Михаилом Федоровичем. У того и без нее было много помощников: мудрая мать, энергичный и властный отец, постоянно действующий Земский собор и Боярская дума, состоящая преимущественно из родственников. Царица же должна была родить здоровых детей, которые могли бы стать наследниками отца. И она с этим справилась, родив трех мальчиков и семь девочек. Ее вины не было в том, что не всем им удалось пережить родителей — детская смертность в то время была огромной. Но престол после смерти Михаила Федоровича не остался свободным — на него взошел вполне дееспособный царевич Алексей Михайлович. Помощницами и советчицами его были сестры: Ирина (умерла в 1679 году), Анна (умерла в 1692 году) и Татьяна (умерла в 1706 году). К сожалению, ни одна из них не вышла замуж и не оставила после себя потомства. Продолжателем династии стал только царь Алексей Михайлович.

Андрей Дёмкин

Царицы и царевны
второй половины XVII века

Вместо предисловия

Во второй половине XVII столетия у русских государей было шесть цариц, шесть жен. Своих первых жен пережили и женились на других цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич. Одну жену имел царь Иван V Алексеевич. Петр I, как известно, нарушил старомосковскую традицию. Он отказался от нелюбимой первой жены, хотя она и родила ему наследника, открыто жил с фаворитками, а в начале XVIII века женился вторично. Царицы происходили из дворянских родов Милославских (Мария), Нарышкиных (Наталья), Грушецких (Агафья), Апраксиных (Марфа), Салтыковых (Прасковья) и Лопухиных (Евдокия). Хотя большинство из них могли похвастаться древностью своего происхождения, но все они, кроме Салтыковых, относились к рядовому и небогатому дворянству. Традиция выбирать себе жену из незаметных дворянских семей объяснялась тем, что для царей нежелательным и даже опасным было бы возвышение какого-нибудь знатного и богатого боярского рода, из которого бы происходила царица. Это сулило недовольство других подобных родов, строго следивших за status quo при царском дворе. Правда, выбор царицы из невлиятельного рода сопровождал-

ся резким возвышением ее родственников. Но это являлось наименьшим злом. Кроме того, как бы «освежалась кровь» вельможной верхушки Российского государства. Другой особенностью с начала XVI века было то, что русские цари выбирали себе жен из собственных подданных. Европейская же традиция, к которой русские государи обратились в XVIII веке, требовала заключения династического брака.

Царских невест выбирали из большого числа кандидатов, которые могли приехать в Москву со всей страны. Брачный возраст наступал в шестнадцать лет, но в исключительных случаях (как это было с Марфой — второй женой царя Федора Алексеевича) царь мог жениться и на более молодой девушке. Кандидатки в царские невесты должны были быть физически здоровы, привлекательны, обладать статью, грацией, не просто идти, а «плыть» как «лебедушка». По эстетическим канонам того времени красивыми признавались девушки «в теле». Худоба считалась признаком болезненности. Обычно царями становились девицы, явно склонные к полноте. Не случайно в зрелом возрасте они, как правило, страдали от избыточного веса. В течение некоторого времени происходил отсев кандидаток: из сотен оставались десятки, а из десятков единицы. В смотре обязательно участвовали мать царя, если она была жива, сестры-царевны, близкие к царской семье бояре и боярыни. Наконец, сам царь имел возможность познакомиться с претендентками, обычно на последнем этапе, и выбирал из них наиболее приглянувшуюся. Но этот ритуал мог нарушаться. Случалось, что смотрины и выбор были по политическим соображениям скомканы.

Но вот царь выбрал себе невесту. Он дарит ей платок и кольцо. С этого момента невеста торжественно вводилась в царские хоромы, в специально отведенные ей помещения. Причем существовал обряд посвящения в невесты, голову которой украшали особым венцом. Она буквально изолировалась от внешнего мира, чтобы избежать «порчи» и «сглаза». До свадьбы ее окружали лишь особо избранные боярыни и постельницы. Среди них должна была быть мать невесты или ее тетка. Причем девушка как бы выключалась из своей семьи. Отныне даже родители обязаны были ее почтительно именовать великой государыней или царицей.

Свадьба царя являлась делом государственной важности. Поэтому, как писал бывший подьячий Посольского приказа Григорий Карпович Котошихин, ради нее откладывали «всякие государственные и земские дела». Свадебная церемония была давно разработана в мельчайших деталях. Вначале происходили назначения в свадебные «чины» бояр, других думных и «ближних» людей и их жен. Это было непросто, поскольку приходилось учитывать сложные местнические счета между вельможами и придворными, связанные с местом в феодальной иерархии их родов, семей и их лично. Но наконец как будто все учтено. Пишется роспись «чинам». Она оформляется в виде указа, и он объявляется «при многих людях», чтобы все заранее знали о дне церемонии и тщательно к ней готовились. Если же кто-либо из участников проявлял несогласие с назначенным «чином», то он мог нарваться на «великую опалу».

«Чины» назначались как со стороны царя, так и со стороны царицы-невесты. Со стороны царя определялись, во-первых, посаженные отец и мать, далее «поезжане» — протопоп, тысяцкий, возглавлявший свадебный «поезд», восемь бояр. Все они присутствовали и при венчании, и на свадебном пиру, а за столом «сидели выше всех людей». За ними следовали: дружка и его помощник (поддружье). Они созывали гостей на свадьбу и рассылались с дарами от имени царя или тысяцкого. Свахи и жены дружки и помощника меняли перед венчанием девичью прическу царицы на женскую и надевали и снимали с нее платье. Свечу в это время держал особый свечник. Специальные каравайщики носили к церкви и обратно особый хлеб. На пиру также присутствовали по двенадцати «сидячих» бояр и боярынь. Царский «поезд» обслуживал конюший со своими помощниками, а на пиру прислуживал дворецкий со своими людьми. В «чины» со стороны царицы входили ее родные отец и мать, а далее те же, что и со стороны царя, кроме «проезжай».

Накануне дня свадьбы, вечером, царь устраивал угощение для бояр с боярынями, для отца и матери невесты. Причем на приеме царь сидел с невестой за особым столом, а гости — за разными столами. В этот момент происходило обручение: перед пиршеством государев духовник благословлял молодоженов и велел им «меж себя учинить целование». Затем гости поздравляли «молодых». После пира невеста возвраща-

лась в свои отдельные покои, а гости разъезжались по домам. Утром, в день свадьбы, царь посещал Успенский и Архангельский соборы Кремля. Во время молебна в Успенском соборе государя благословлял патриарх. В Архангельском соборе царь присутствовал на службе по усопшим предкам у их гробов. Затем уже происходила собственно свадебная церемония.

В особой палате, богато убранной дорогими тканями и коврами, устраивали «царское место». Перед ним — стол, и стояли столы для бояр и боярынь. На столах, на скатертях, хлеб да соль. Все участвовавшие в церемонии, одетые в торжественное «золотое» одеяние, ждали выхода жениха и невесты. Вначале в палату входила невеста в торжественном одеянии царицы, но в «девичьем» венце. Ее сопровождали отец и мать и весь ее «чин». Последним в палату входил сам царь в торжественном одеянии вместе со своим «чином». Жених и невеста садились на «царское место», на одну подушку. Затем усаживались и все гости. На столы разносились по пяти блюд. Но никто к еде не прикасался. Затем начинался обряд расчесывания свахами косы невесты. Он совершался после того, как священники накрывали «молодых» особым покровом. В это время присутствующих одаривали «по росписи» от имени невесты «ширинками» (расшитыми полотенцами). Как только невесту «укрутили» (то есть причесали по-женски), с нее снимали «девичий» венец и накрывали ее покровом. Церемония сопровождалась ритуальными восклицаниями и благословениями духовенства, родителей жениха (посаженых) и невесты. В конце посаженные отец и мать царя благословляли образами молодоженов. Венчание происходило в Благовещенском соборе Кремля. Само «тайнство» совершал царский духовник. Затем под колокольный звон все шли в царскую палату. В палате новобрачные и весь свадебный «чин» садились за столы. Гости ели и пили до третьей перемены блюд, когда на стол ставили лебедя. Тогда с благословения посаженных отца и матери и тысяцкого царь с царицей шли «опочивать». Как только новобрачные входили в «опочивальню», конюший начинал ездить на коне у окон спальни с саблей в руке и никого близко не подпускал. Гости же продолжали пировать. Через час посаженные отец и мать и тысяцкий посылали дружку к царю с царицей спрашивать о здоровье. Если царь отвечал, что меж ним

и царицей «доброе свершилось», то приглашался весь свадебный «чин» и поздравляли их с законным браком. Счастливые новобрачные жаловали всех кубками с вином, а затем им приносили «легкую» еду, так как до тех пор они весь день «постились». Затем царь прощался с гостями до следующего дня. Если же, как пишет подьячий Посольского приказа Котошихин, между молодоженами «доброе ничего не учинится, тогда все бояре и свадебный чин разъедутца в печали, не быв у царя».

Утром второго дня царь и царица посещали отдельные «мыльни» (бани). Причем ночную сорочку царицы осматривали мать, сваха и «иные ближние жены». Затем показывали ее царской матери, «что ее (царицы. — А.Д.) девство в целости совершилось». Молодожены переодевались в новые одежды и выходили на люди в торжественном одеянии с венцами. Царица снова одаривала мужа и свадебный «чин» дорогими расшитыми «сорочками и портами». На второй и третий дни также устраивались пиры. Эти дни сопровождалась молебнами в кремлевских церквах, раздачей и получением подарков. В свой черед на царском дворе и по сеням играли музыканты, а ночью на дворах жгли дрова «для светлости». На четвертый день царь и царица принимали высшее духовенство, одаривавшее чету подарками и благословлявшее брак. В свадебные дни пиры устраивались отдельно для более низших придворных и московских чинов, а также для избранных московских жителей, которые также подносили подарки царской чете. Причты московских и подмосковных церквей одаривались деньгами, чтобы они молились за здоровье государя с государыней.

После свадьбы царь с царицей совершали паломничество по московским монастырям, где одаривали монахов деньгами, подарками и продуктами. Да и монастырская братия в ответ благословляла царскую чету образами и хлебами. Милостыню молодожены раздавали по тюрьмам и богадельням. Причем нищим и убогим доставались подчас немалые суммы (до рубля). И, как говорит Котошихин, денег «расходилось множество тысяч». Причем во время того царского веселья на Москве и в других городах из тюрем принято было освобождать заключенных, кроме тех, которые сидели по «великим убийственным делам». Свою новую родню по женской

линии царь жаловал чинами, должностями и поместьями так, что она входила в верхушку русского феодального сообщества.

Царицы имели свои особые жилые покои, соединявшиеся с другими помещениями дворца крытыми переходами. Это условие соблюдалось и в Кремле, и в загородных резиденциях. Количество личных комнат государынь было невелико — обычно пять. Первым помещением были сени, затем передняя, игравшая роль приемной. Далее следовали: комната для занятий делами (кабинет), «крестовая», или молельная, где вешались иконы, последней была «опочивальня» (спальня). Более пышным убранство комнат было в Кремлевском дворце. В загородных резиденциях интерьеры скромнее, поскольку они использовались как летние «дачи». Стены помещений обычно обивались сукном, чаще красным, реже зеленым, а в траурные дни — черным, коричневым или других темных цветов. Под сукно подкладывались материалы подешевле: войлок, полотно и т. д. Отдельные комнаты могли обивать дорогими шелковыми материями (например, атласом) и золочеными кожами. Царская семья любила жить в деревянных помещениях, более соответствовавших русскому климату. Кирпичные или каменные палаты использовались для торжеств и приемов, и здесь стены и потолок украшались живописью религиозного или исторического содержания. Дубовые полы личных апартаментов государынь также застилались сукнами, но могли использоваться и ковры. Сукнами же обивались двери, «окончины» (рамы), окна завешивались «завесами» (шторами) из шелковых или шерстяных тканей. Потолки расписывались различными «травяными» узорами, «под мрамор» или красились одной краской. Печи либо красились, либо выкладывались красивыми изразцами.

Мебель в царицыных апартаментах в основном была традиционная. Вдоль стен стояли лавки, которые либо обивались сукном, либо покрывались «полавочниками» из сукна, реже из бархата. Любимым цветом был красный различных оттенков. Но могли использовать и многоцветные материи. Столы делались из древесины липы или дуба. Их ножки могли быть простыми, а могли вытачиваться и иметь прихотливые формы. Обычно их покрывали красным или зеленым сукном, а в праздники — дорогими коврами или шелковыми скатертя-

ми. Случалось, столы обивали сукном или шелковой тканью. Во второй половине XVII века появляются столы немецкого или польского производства в стиле барокко на резных, вычурных ножках, украшенные резьбой, позолотой, разноцветной росписью или полированные. Доски столов изготавливались из дерева, камня или мрамора. Чаще всего такие столы ставили в спальнях. Стулья в рассматриваемое время распространены не были. Кресла обычно выполняли роль официальной мебели. Они изготавливались из дерева, покрывались резьбой и позолотой, обивались дорогой шелковой материей, и ими царицы пользовались во время приемов и официальных церемоний.

Для хранения различных вещей были шкафы, «казенки» (вид шкафа, прикрепленного к стене), сундуки, «поставцы» (большие ящики, прикрепленные к стене), шкатулки, ларцы и пр. Выполнялись они обычно из липы. Шкафы и «казенки» имели внизу выдвигаемые ящики, а наверху дверцы и полки. Сундуки, «поставцы», шкатулки и ларцы могли обиваться сукном или кожами. Зеркала в то время использовались по своему прямому назначению как принадлежность утреннего или вечернего туалета. Они были невелики и могли состоять из трех створок. Их тогда редко вешали на стены.

Зеркала были изготовлены из обычного зеркального или хрустального стекла. Рамы могли быть деревянными, украшенными резьбой, позолотой, инкрустацией из меди, олова, перламутра, кости и янтаря. Но чаще их оклеивали тканью или кожей. Для освещения комнат пользовались подсвечниками «стенными» и «столовыми» (первые прикреплялись к стенам, а вторые ставились на столы), выполненными из серебра, часто заграничной работы. Также были в ходу «паникадила» (разновидность люстры), которые делали из серебра, дерева, кости и даже из хрусталя. Хозяйственные помещения, лестницы и переходы освещались фонарями из слюды, оправленными железом.

Кровати, изготовленные из дерева, были с резными ножками, посеребренными, позолоченными и даже украшенными живописью. У кровати предусматривалась «кровля», то есть своеобразный шатровый покров, выполненный собственными мастерами, а также привозными, «немецкого дела». «Постель» устраивалась пуховая или «бумажная» (хлопчато-бумажная) в зависимости от времени года. Ее нижняя часть —

«бумажник» (тюфяк из хлопчатобумажной ткани). Имелись еще «взголове» (подушка во всю ширину постели), отдельные пуховые подушки и одеяла. Верхние принадлежности обшивались дорогими шелковыми материями.

В спальнях и кабинетах вешали «парсуны» (портреты), а также картины, эстампы, гравюры, как привезенные из Европы, так и выполненные собственными мастерами, среди которых были и нанятые иностранцы. В качестве сюжетов использовались библейские и евангельские притчи, события древней мировой истории. В шкафах и «казенках» хранились различная посуда, вазы, статуэтки из серебра и бронзы с позолотой и без. В специальных «книгохранильницах» (полках) стояли книги, преимущественно богослужебные.

В «крестовых» комнатах одна стена имела вид церковного иконостаса. Здесь же хранились различные реликвии, связанные с памятью о родителях, предках либо привезенные из «святых мест». Обычно в спальне в ларцах, шкатулках, ящиках содержались предметы женского туалета: гребни (деревянные и костяные), белильницы, румяницы, суремницы, ароматницы, флаконы с духами и пр. Белье нательное (сорочки, «порты», пояса), постельное (простыни, наволочки), а также различные полотенца назывались «белой казной». «Белая казна» хранилась в «кипарисных» сундуках, опечатанных царицыной печатью. Чаще всего сама царица открывала сундуки и доставала все необходимое. Но она могла доверять это и особо приближенной боярыне. Распространенной принадлежностью интерьеров были птицы в клетках. Держали как отечественных (щеглов, перепелов), так и привозных (канареек, попугаев) представителей пернатого мира. Особенно ценили прекрасно певших канареек и попугаев за их яркую окраску.

У цариц имелись собственные «мыленки» (бани). Предварялись они сенями, где стояли лавки и стол, чтобы можно было раздеваться и одеваться. Внутреннее устройство и убранство самой «мыленки» (изразцовая печь с каменкой, полки, лавки, чаны, ушаты, ковши, тазы и пр.) было традиционным. Все личные помещения цариц ежедневно убирались, а перед большими праздниками обычно устраивались «генеральные» уборки, когда тщательно мылись и чистились полы, стены, потолки, мебель, иконы, подновлялась живопись и т. д.

Одежда цариц выдерживалась в традиционно русском стиле. Даже вдовствующие царицы Марфа и Прасковья, дожившие до указов Петра I о переходе на европейское платье, предпочитали одеваться по-старому. В ходу были нижние полотняные и «красные» верхние из тафты сорочки. Из дорогих шелковых с золотыми узорами тканей шились «телогреи» (широкие платья с рукавами на пуговицах), «летники» и «опашни» (платья с длинными рукавами), сарафаны. Меха соболя, горноста, бобровый пух и т. д. использовались в пошиве шуб, «треухов» (зимних шапок), на ноги надевали чулки, башмаки, «чеботы» (сапожки). Голова царицы, замужней женщины, покрывалась «убрусом» (вид платка, расшитого и отделанного драгоценными камнями), под него надевалась специальная шапочка («подубрусник»), носился также особый головной убор — «кика».

Для выездов государынь использовались кареты («колымаги») и сани. Делались они из дерева, покрывались пышной резьбой или оставлялись гладкими. Но сверху обычно расписывались красками и золотились. Внутри экипажи обивались красным сукном, бархатом, сафьяновыми кожами.

Австрийский дипломат барон Августин Мейерберг и курляндец Яков Рейтенфельс писали, что в царицены кареты впрягались по восемь белых лошадей. Справа и слева их сопровождали вооруженные стрельцы, а сзади следовали кареты боярынь. Но очевидно, иностранцы наблюдали именно торжественные выезды государынь. Обычные поездки выглядели скромнее.

Вообще же царицы почти не показывались широкой публике. Чтобы уберечь их «от сглаза» и «порчи», во дворце строились крытые переходы, чтобы государыни могли ими пользоваться. Окна в экипажах плотно завешивались шторами, во время пеших прогулок над головами цариц держали длинные зонты (или балдахины). При входе в помещение, даже в церковь, они ограждались от посторонних натянутым красным сукном. В церкви же стояли за загородками или за занавесками.

Утро государыни начиналось с молитвы. Затем она вместе с царем или одна посещала церковь. Обычно государыни питались отдельно, но могли принимать пищу и вместе с мужем.

Во время постов и в постные дни недели блюда готовились из муки, круп, овощей, фруктов, грибов, рыбы, подавалась также икра. В «мясоед» прибавлялась «скромная» пища из мяса домашних животных и птицы, а также дичи. В торжественные дни больших церковных или же семейных праздников государыни устраивали собственные приемы в своей Золотой палате. Через специально сделанные потайные окошки они могли наблюдать государственные мероприятия, приемы послов (например, в Грановитой палате). В обычные же дни царицы принимали родственников, боярынь. На чьи-либо именины делались подарки, посылались калачи или пироги. При этом велись светские беседы. Чисто хозяйственными вопросами заниматься было не принято.

Обычный «рабочий» день государынь заполнялся прежде всего заботами о семье и родственниках. Царица по своему положению в семье — жена и мать — распоряжалась «белой казной», то есть постельным и нательным бельем, полотенцами, скатертями и прочими изделиями из полотна, а также своей одеждой и одеждой детей. Непосредственно все дела велись в царицыной мастерской палате, во главе которой стоял дьяк. В ведомстве этого учреждения находились ткачи московских Хамовной и Кадашевской дворцовых слобод, ткавшие льняное полотно, скатерти и полотенца. В особых «светлицах» мастерицы-золотошвей и белошвей шили одежду. Царицы и сами могли вышивать золотом или шелком для собственных нужд или же делать специальные «покровы» и одаривать ими церкви. Кроме того, государыни крестили в православную веру иноверок, раздавали милостыню нищим и убогим. В часы досуга они могли слушать музыку, смотреть представления скоморохов (царица Наталья даже наблюдала театральные действия), кататься на качелях и т. д. Вечером после молитвы, перед сном, принято было слушать сказки, которые рассказывали сказочницы — «бахарки», или внимать рассказам странников об их путешествиях.

Царицы были окружены целым штатом слуг. Высшие чины — это боярыни, среди которых числились казначейша, кравчая, постельница и судья (то есть они ведали казной, питанием, внутренними покоями и судом над прислугой). Нижняя женская прислуга состояла из жен, вдов и девиц, занятых

пошивом одежды, приготовлением постелей, стиркой и уборкой помещений. Из высшей мужской прислуги отмечаются стольники и дети боярские, составлявшие свиту и охрану, прислуживавшие за столом и используемые в качестве гонцов и посыльных. Кроме того, имелись и низшие слуги — истопники, сторожа и другие. В рассматриваемый период русские государыни привечали целый сонм людей иного рода: священнослужителей, сирот, нищих, странников, убогих, юродивых и т. д. Причем они могли временно или же постоянно проживать в соответствующих помещениях. Распространены были увлечения и другого плана: шутовские игры, представления, нередко драки. Обычно государынь обслуживал целый штат «карлов и карлиц», «арапов и арапок», «калмыков и калмычек». Часто это были взятые в плен или привезенные иностранными купцами в качестве диковинок дети и взрослые, отличавшиеся малым ростом и физическими недостатками.

Когда царицы уходили в мир иной, их похороны имели то же значение, что и их мужей-царей, но при этом расходовалось наполовину меньше денег. В печальных церемониях участвовали царь, царевичи, все высшие сановники и церковные иерархи. Хоронили их в Вознесенском девичьем монастыре. Траур по почившим соблюдался шесть недель.

Примерная царица Мария

Жизнь царицы Марии Ильиничны являлась как бы примером для всех цариц дома Романовых второй половины XVII века. Мария стала женой царя Алексея Михайловича благодаря весьма неприглядной интриге, к которой она лично не имела никакого отношения. А началось все 12 июля 1645 года, когда умер царь Михаил Федорович.

В тот день русский трон занял его сын, шестнадцатилетний Алексей Михайлович. Умершего отца юноше-государю заменил его воспитатель, или, как тогда говорили, «дядька», боярин Борис Иванович Морозов. Это была очень давняя традиция приставлять к сыновьям государей наставников. Но пожалуй, не было в истории столь влиятельного «дядьки» — политика и, самое главное, столь послушного своему «дядьке»

государя. Первые годы своего правления царь Алексей почти не вникал в государственные дела. Правителем государства и по формальным постам, и по сути являлся Б. И. Морозов. При этом «дядька» безудержно обогащался. И расставленные на наиболее важные государственные посты его многочисленные родственники и свойственники также не стеснялись набивать свои карманы. У москвичей особую ненависть своим лихоимством вызывали Л. С. Плещеев — глава Земского приказа, ведавшего управлением столицей, и возглавлявший Пушкарский приказ П. Т. Траханиотов. Внутриполитическую ситуацию морозовцы усугубили введением в 1646 году соляного налога. При этом были отменены основные прямые налоги — стрелецкие и ямские деньги. Инициаторы новшества полагали, что косвенный соляной налог будет успешно собираться, поскольку соль — это продукт, который потребляют все слои населения. Но цены на соль подскочили, и потребители вынуждены были заметно сократить ее покупку. А это повлекло недобор налогов. Роптало и население.

В такой сложной обстановке началась подготовка к бракосочетанию восемнадцатилетнего царя Алексея Михайловича. По традиции в начале 1647 года в Москву со всего государства привезли 200 девиц из боярских и дворянских семей. Специальная комиссия отобрала шесть наиболее красивых девушек, которых представили царю. Алексей пленился чарами Евфимии, дочери касимовского помещика Федора Всеволожского. Что ж, русскому царю представился редкий шанс жениться по любви. Но шанс этот Алексеем Михайловичем использован не был. «Дядька», Борис Иванович Морозов, не желал, чтобы царицей стала дворянка из неподконтрольного ему рода. Ведь пришлось бы делиться властью с родней молодой царицы.

Морозов сплел хитроумную интригу, рассчитывая сразу убить двух зайцев: женить Алексея на выбранной им девушке и породниться с царем-воспитанником. И Борис Иванович не промахнулся! Сперва он отстранил Евфимию. Бывший придворный врач, англичанин Семюэль Коллинз, общавшийся с очевидцами событий, пишет, что Евфимия во время торжественного выхода, уже облаченная в парадную одежду царицы, вдруг упала в обморок. Тут же разнесся слух, что девушка страдает «падучей» (то есть эпилепсией). Но причиной

обморока стала сильная головная боль из-за того, что причесывавшие Евфимию женщины очень «крепко завязали волосы у нее на голове». По русскому обычаю у невесты расплетали косу, волосы расчесывали и завязывали в узел. Обычай менять девичью прическу на женскую при замужестве существовал у многих народов. Возможно, Евфимии стало плохо просто оттого, что она не привыкла к новой прическе. Но у современников сложилось стойкое убеждение, что дело тут не обошлось без приказа Б. И. Морозова. Влюбленный Алексей, очевидно, не проявил твердости характера и поверил наветам, исходившим от воспитателя, его приспешников и злорадствовавших родителей отвергнутых претенденток в невесты. Однако мало того, что опорочили физически здоровую девушку. Ее отца обвинили в сокрытии болезни дочери и подвергли пытке. Всю семью Всеволожских сослали в Сибирь. Правда, царь Алексей Михайлович назначил своей состоявшейся невесте хорошее содержание.

Затем Б. И. Морозов представил царю Алексею свою кандидатуру в невесты — двадцатидвухлетнюю Марию Ильиничну Милославскую. Секретарь Голштинского посольства Адам Олеарий в своем труде отмечал, что отец царской невесты Илья Данилович Милославский обивал пороги морозовского дома, «прилежно ухаживал» за царским воспитателем. И Морозов, «ради его угодливости», очень его полюбил. У Милославского были две красавицы дочери на выданье. Не имея сыновей, Илья Данилович хотел выгодно устроить дочерей. У умного Морозова возник план, который лег в основу заключительной фазы интриги. Он решил одну из сестер выдать за царя Алексея Михайловича, а на другой жениться сам (благо он был вдовцом). В один прекрасный день обеих сестер привели познакомиться с сестрами царя. Алексей Михайлович их увидел и, как пишет Олеарий, влюбился в старшую, Марию. Ее объявили государевой невестой и тут же поселили в кремлевских палатах, видимо, чтобы обезопасить от «порчи» и интриги, наподобие той, жертвой которой стала Евфимия Всеволожская.

Свадьба состоялась 16 января 1648 года. А через десять дней Борис Иванович Морозов женился на сестре молодой царицы, Анне Ильиничне Милославской. Царица Мария Ильинична была красива и, как витиевато писал С. Коллинз,

украшена «драгоценными алмазами скромности, трудолюбия и благочестия». На свадьбе царь Алексей велел быть «без мест», то есть запретил вести местнические счета. Эта мера была актуальна потому, что родня царицы Марии высокими чинами не блистала, но по своему теперешнему родству с правящим домом должна была занимать высокие места во время свадебной церемонии и за пиршественным столом.

Предок Мирославских выехал в конце XIV века из Великого княжества Литовского служить московскому великому князю Василию I. Относились они к рядовому дворянству. Дед Марии Ильиничны, Данила Иванович, служил воеводой, а отец, Илья Данилович, носил скромный чин стольника. Семья жила небогато. Передавали, что Мария в детстве сама ходила в лес по грибы, а отец торговал вином с иностранными купцами. Но, как бы то ни было, теперь фортуна повернулась к Мирославским лицом. Илья Данилович тут же жалуется в окольные, а через несколько дней и в бояре. Представители другой ветви рода, Иван Андреевич и Иван Михайлович, также позже получили боярский чин.

Личная жизнь сестер Мирославских сложилась по-разному. Царица Мария Ильинична счастливо прожила двадцать лет с царем Алексеем Михайловичем, родив ему одиннадцать детей (правда, до взрослого возраста дожили два сына и шесть дочерей). Другое дело — Анна Ильинична. Она вышла замуж за всемогущего тогда правителя государства. В 1648 году Борису Ивановичу Морозову исполнилось уже 58 лет, и женская судьба Анны не сложилась. От столь неравного брака детей у них не было. Причем С. Коллинз отмечает недовольство молодой и здоровой «смуглянки» Анны своим мужем. Борис Иванович жену ревновал и даже бил плетью «в палец толщиной».

Царской семье с самого начала приходилось всерьез обращать внимание на угрозу всевозможных «сглазов» и «порчи». Так, 20 июля 1648 года по указу царя Алексея был учинен розыск. Одна из царских сорочек и два «чехла» царицы Марии оказались с дырками. Опасались, что это было сделано намеренно с целью наведения «порчи» на августейшую семью. Допросили боярыню Е. Ф. Мирославскую, которая кроила вещи, потом шивших их мастериц и прачек. Конец дела утерян, поэтому не известно, чем история закончилась.

Прошло несколько месяцев со дня свадьбы, и царица Мария Ильинична стала свидетельницей одного из крупнейших в XVII столетии московских восстаний. В мае 1648 года она вместе с царем Алексеем ездил на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В Москву царская чета вернулась 1 июня. И тут из людской толпы, глазевшей на проезжавшую вереницу всадников и карет, отделились челобитчики, пожелавшие подать самому царю жалобу на Л. С. Плещеева. Охрана стала отгонять людей, были проведены аресты, а в ответ в царских служителей полетели камни и палки. Но это еще были «цветочки»! По-настоящему грозно события развернулись на следующий день, 2 июня.

Царь выехал из Кремля вместе с придворными и церковнослужителями, совершая крестный ход в Сретенский монастырь. Толпа москвичей поджидала Алексея Михайловича и опять стала требовать выдачи Плещеева и освобождения арестованных вчера товарищей. На обратном пути народ, озлобленный бездействием властей, буквально внес ехавшего верхом царя Алексея и его окружение в Кремль и продвинулся вплотную ко дворцу. Теперь уже восставшие требовали крови не только Л. С. Плещеева, но и П. Т. Траханиотова, и даже Б. И. Морозова. Народ громил дворы и этих лиц, и их подручных из морозовской администрации. Морозов спасся тем, что спрятался в царских покоях. Чуть не пострадала сестра царицы Марии — Анна Морозова. Она попалась восставшим, которые буквально сорвали с нее драгоценности и бросили их на дорогу. Анне кричали, что убили бы ее, если бы не ее свойство с государем.

Много крови пролилось со 2 по 5 июня. Москвичам были выданы Плещеев и Траханиотов, которых буквально растерзали разъяренные жители. Погибли и другие сторонники Морозова. Лишь самого Бориса Ивановича царь Алексей Михайлович буквально со слезами на глазах смог «отмолить» у народа. Всесильного «дядьку» отправили в ссылку, подальше от Москвы — в Кирилло-Белозерский монастырь. Все эти лихие дни царица Мария находилась в своих кремлевских хоромах. Благо что толпа не решалась ворваться в царские апартаменты, как это было позже, в 1682 году. Мария Ильинична была беременна, и хорошо, что напасти прошли стороной: 22

октября 1648 года она родила своего первенца, царевича Дмитрия Алексеевича.

Царица Мария имела собственные хоромы в Кремле. В одной из загородных резиденций, в селе Коломенском, у нее также имелся свой терем, фасад которого в 1668 году был заново расписан красками и позолочен. Разумеется, Мария Ильинична имела особые помещения и в «путевых» царских дворцах (в селе Хорошеве, например). На золоченых креслах царица восседала во время официальных приемов. Лавки в комнатах обивались сукном. Сукном же отделялись окна и царицыной «мыленки» (бани). Причем Мария Ильинична не только традиционно посещала баню, но и у нее имелась деревянная ванна. Киоты, в которые помещались иконы, оклеивались красным бархатом, а «поклонные» скамейки обивались сукном. Под «место» царицы, когда она бывала в церкви, подстилалась два ковра: «золотный» и «цветной и золотный», оба около трех метров длиной. В 1653 году в Зеркальном ряду царице было куплено хрустальное зеркало в обитой зеленым бархатом деревянной оправе. Для расчесывания волос использовались одновременно несколько гребней. Царица Мария имела собственную библиотеку. В 1666 году какую-то ее «потешную» книгу заново переплели, а в 1668 году она заказала сделать две рукописные книги житий святых «в лицах» по образцу старой.

И торжественные, и обычные выезды Марии Ильиничны обслуживались соответствующими экипажами. Так, известно, что зимние сани внутри обивались красным бархатом, «золотным» атласом, сиденья и пол покрывались красным сукном и сафьяном. В 1667 году царице изготовили две новые деревянные «колымаги»: одну резную, а другую гладкую. Снаружи их позолотили и покрасили разными красками. Внутри обили одну красным бархатом, а другую красным сукном. Во внутренней отделке использовали красный атлас и серебряный галун.

Как же одевалась царица Мария Ильинична? С помощью документов мы можем приоткрыть завесу некоторой «секретности». Так, в январе — августе 1649 года для нее были пошиты и изготовлены: три «шубки» (верх из шелковых тканей — красной, красной с золотыми узорами и золотой с разноцветными узорами, — у одной нашито кружево и низан жемчуг), «треух» соболий, пять «телогрей» (сверху раз-

ноцветные шелковые ткани с нашитым «кованым золотным» кружевом и с серебряными позолоченными пуговицами подбиты мехами лисы, горноста, соболя и бобровым пухом), четыре «летника» из атласа и тафты (белые, белый с золотыми узорами и красный с золотыми узорами), «опашень» из красного сукна с нашитым «кованым» серебряным кружком, три пары «башмаков» и пять пар «чеботов» (для обуви использовались атлас и бархат разных цветов и отделка из «кованого» серебряного и золотого кружева, а каблуки обивались золотом), пять пар чулок (из разноцветных шелковых материй, теплые подложены беличьим или соболим мехом). В сентябре 1650 — июле 1651 года наряду с «телогреей ездовой» (верх из персидской камки красного цвета с зелено-золотыми узорами, подбита горностаевым мехом), «шубкой» из алой с золотыми узорами тафты и тремя шапками (из белого атласа, одна на бобровом пуху, а две другие отделаны канителью и жемчугом, а также изображениями «орлов», «инрогов», «зверьков и птичек») царице скроены: «ожерелье накладное» из бобрового меха, «ожерелье низаное» жемчугом на алой тафте, а также «ропашница» из красного атласа с кружевами. С сентября 1652 по июнь 1653 года Мария Ильинична обзавелась «шубкой» из светло-зеленого сукна, «ропашницей» из белого атласа с кружевом, жемчужным ожерельем на белой тафте, четырьмя шапками из красного атласа на бобровом пуху, украшенными изображениями орлов, и «запанами», двумя парами «башмаков» (одна пара из золотого с разноцветными узорами бархата, а другая из сафьяна, украшенного красным бархатом) и т.д. Конечно, более дешевые предметы одежды (например, изготовленные из полотна) столь подробно учту не подлежали.

Мария Ильинична заказывала меха или дорогие вещи и одаривала ими свою родню. Так, в 1649 году жаловались: в январе — тремя сороками соболей боярин Б. И. Морозов и его жена А. И. Морозова, она же «чеботами» из красного бархата и шелком, в марте — двумя бобровыми шкурами окольничий И. А. Милославский, а также сафьяновыми «башмаками» мать царицы боярыня К. Ф. Милославская, в июне — серебряными позолоченными «лоханью» и рукомойником сестры мужа, царевны Анна и Татьяна Михайловны. Кро-

ме того, Мария жаловала преданных ей или оказавших услугу людям: в 1650 году — «поповским» кафтаном из зеленой камки, подбитым чернобурой лисой, «духовника» Стефана, в 1651 году — подушками «новых карлиц» Акулину и Прасковью, в 1656 году — сороком соборей стольника Б. Г. Юшкова, шелковой тканью гонца А. Д. Колтовского. Своей собственной церкви Рождества Пречистые Богородицы Мария Ильинична в 1650 году подарила шитую «пелену... в лицах с действы». Сама царица также получала подарки. Так, в 1649 году иерусалимский патриарх Паисий подарил ей различные «святые дары», четки и свечи «от гроба Господня», дорогую ткань, «грецкое» мыло и шитое золотом кисейное полотенце.

Кроткая, скромная и добронравная Мария Ильинична основными своими заботами окружала мужа и детей. Другим занятиям она посвящала гораздо меньше времени. Известно, что царь Алексей Михайлович любил путешествовать по своим загородным резиденциям (особенно он отличал село Измайлово), посещать близлежащие монастыри и храмы (причем часами мог выстаивать церковную службу). По мере возможности его сопровождала царица Мария. Государь также являлся страстным охотником, особенно с ловчими птицами. При нем придворные службы, ведавшие соколиной и псовой охотой, переживали подлинный расцвет. Однако вряд ли Мария Ильинична участвовала в «полевом досуге» царя-мужа. В России того времени это не было принято, да и у нее имелись свои веские причины.

Эти веские причины заключались в том, что за двадцать лет замужества Мария рожала одиннадцать раз. Первенцем явился царевич Дмитрий (1648 год). За ним рождались: царевны Евдокия (1650 год), Марфа (1652 год), царевич Алексей (1654 год), царевны Софья (1657 год), Екатерина (1658 год), Мария (1660 год), царевич Федор (1661 год), царевна Федосья (1662 год) и царевичи Симеон (1665 год) и Иван (1666 год). По состоянию здоровья потомство Марии Ильиничны строго делилось на две части: слабые и болезненные царевичи, сильные и здоровые царевны. Вот почему до взрослого возраста дожили лишь три царевича — Алексей, Федор и Иван. Двое — Дмитрий и Симеон — умерли детьми. При этом царевич Алексей скончался в шестнадцать лет (еще при жиз-

ни отца, царя Алексея Михайловича), царевич Федор (будущий царь Федор Алексеевич) прожил двадцать один год, а царевич Иван (будущий царь Иван V) закончил свой земной путь тридцатилетним. Все шесть дочерей Марии не только дожили до взрослого возраста, но и увидели XVIII столетие. Меньше всех прожила царевна Софья (правительница страны в 1682–1689 годы) — 47 лет. Далее по продолжительности жизни следуют царевны: Федосья (51 год), Марфа (55 лет), Екатерина (60 лет), Евдокия (62 года) и Мария (63 года).

На радостях Мария Ильинична неоднократно одаривала кормилиц своих детей. Так, в 1649 году кормилица царевича Дмитрия Улита получила от матери в подарок ларец, коробью, серебряные поволоченные крест, серьги, цепочку, а также подушки и гребень «слоновой», а в 1650 году кормилица царевны Евдокии получила также гребень «слоновой» и хрустальное зеркало. Но подарки предназначались и для ближнего окружения — «дворовых» боярынь. В 1649 году по случаю рождения царевича Дмитрия им достались 20 пар соболей.

Дети Марии пользовались различными игрушками (мальчики — «потешными» луками, саадаками, стрелами, ножами, «пушечками», барабанами, свистульками, шахматами и т. д.). Читали они и книги. Царевич Алексей Алексеевич, например, располагал 128 книгами на русском и иностранных языках. Среди них богослужебные книги, летописи, стихотворные сборники, учебники, словари, военные уставы и др. У него же имелись: шубы, зипун, кафтаны, «ферези», «однорядка», «опашни», рукавицы, шапки, штаны, чулки, а также предметы обихода: лохани, блюда, кубки, шкатулки, коробочки, сумки, серьги, «запоны», перстни, запястья, «венец», часы, готовальня, разные посохи и т. д.

Между тем продвигалась по служебной лестнице родня царицы Марии Ильиничны. Ее отец, боярин Илья Данилович Милославский, наместник Медынский, после отставки в 1648 году Б. И. Морозова фактически занял его место. На протяжении своей политической карьеры Илья Данилович возглавлял ряд финансовых и военных приказов. Он обладал импозантной внешностью, имел способности к административной деятельности, но был хвастлив, заносчив и жаден. С. Коллинз отмечал, что царь Алексей Михайлович «больше

боялся, чем любил» своего тестя. При этом царица Мария Ильинична «всегда держала сторону» отца.

В опасной ситуации царская семья оказалась вновь в 1662 году. Шла тяжелая война с Речью Посполитой, начавшаяся в 1654 году. Тогда же случились два события. Во-первых, «моровая язва» (эпидемия чумы) в Москве, когда царица Мария с семьей была вынуждена покинуть столицу. Царь Алексей Михайлович в то время находился в войсках. Во-вторых, была начата денежная реформа. В основном она свелась к чеканке медной монеты. Первое время она ходила наравне с привычной, серебряной. Но неумеренный выпуск правительством медных денег и размах фальшивомонетничества привели к инфляции, которая в 1663 году достигла своего пика — серебряный рубль стоил 15 медных.

Но уже к 1662 году в Москве обозначился резкий рост недовольства простого люда: в связи с инфляцией и вымыванием из обращения серебра подскочили цены на продукты питания и предметы первой необходимости. По свидетельству Г. К. Котошихина, вскрылись злоупотребления денежных мастеров и других лиц, причастных к реформам. Чтобы откупиться от властей, виновные давали большие взятки. Первым среди взяточников назывался И. Д. Милославский. Виновных жестоко пытали и казнили. На своего тестя же царь Алексей Михайлович «долгое время был гневен». Недовольство москвичей проявилось 25 июля 1662 года. В то время царская семья проживала в загородной резиденции в селе Коломенском. Рано утром сюда подошла многотысячная толпа, возбужденная развешанными в Москве прокламациями, призывавшими расправиться с изменниками, в числе которых опять-таки значился царский тесть. Царь Алексей Михайлович находился в церкви у обедни по случаю рождения царевны Федосьи. Когда он услышал требование народа, то распорядился, чтобы вызывавшие ненависть бояре спрятались в помещениях царицы и царевен. А сама царица Мария Ильинична «и царевичи, и царевны запершися сидели в хоромех в великом страху и в боязни». С народом удалось справиться при помощи подошедших из Москвы стрелецких полков. Однако отмечали, что на Марию эти события подействовали очень сильно — она была больна в течение года.

Постепенно уходили из жизни близкие люди и родные. Еще зимой 1662 года умер Б. И. Морозов, а в 1667 году — его вдова и сестра царицы А. И. Морозова. Все огромное состояние Морозовых по завещанию перешло в казну. Отца Мария Ильинична потеряла в 1668 году. Ее же черед наступил 3 марта 1669 года. Кончину супруги царь Алексей Михайлович переживал искренне. Обязательные действия, долженствовавшие выглядеть как поминовение усопшей, поражают своей масштабностью. Так, государь не только приказал раздать милостыню «тюремным сидельцам и колодникам», но и распорядился выпустить на свободу тех, на ком были иски по гражданским делам. При этом их долг уплачивался казной. Огромные раздачи милостыни и поминальные угощения предназначались также стрелецким вдовам и сиротам, нищим, и не только в Москве, но и в провинции.

Царица Мария, примерная жена и мать, прожила не так много — неполных сорок четыре года. Она поистине была женщиной в самом высоком смысле этого слова, безусловно отдавая приоритет семье, ее радостям и печалям.

Царица Наталья — мать Петра Великого

Мать Петра Великого, царица Наталья Кирилловна, происходившая из рода Нарышкиных, подарила мировой истории одного из великих государей. Но и сама она была личностью неординарной. Судьба преподнесла ей возможность стать второй женой царя Алексея Михайловича. Взглянем на обстоятельства, приведшие Наталью Кирилловну в царские хоромы.

В 1669 году умерла царица Мария Ильинична. Царь Алексей Михайлович стал вдовцом, будучи отцом шести царевен и двух царевичей. В этот период государь особо приблизил к себе своего фаворита Артамона Сергеевича Матвеева, которого знал с детства. Матвеев не только считался специалистом по малороссийским делам (был главой Малороссийского приказа), но и умел сослужить службу весьма деликатного свойства. И это касалось не только скандального дела низложенного патриарха Никона.

Царю исполнилось сорок лет. И рано или поздно речь должна была зайти о втором браке. Необходимо было подобрать подходящую кандидатуру. Матвеев импонировал царю не только своими способностями политического деятеля. Этот товарищ детских игр Алексея Михайловича, очевидно, хорошо изучил тонкие струны государевой души и имел возможность на них играть.

Кем же был Артамон Сергеевич Матвеев? Он уверенно сделал стремительную карьеру: из стрелецкого офицера стал боярином, дворецким и главой русского правительства с титулом наместника Серпуховского. Артамон Сергеевич принадлежал к племени русских политиков-западников второй половины XVII века. Женат Матвеев был на представительнице обрусевшей ветви известного шотландского рода Гамильтонов. Его дом, построенный в Москве между Мясницкой и Покровкой, выглядел по-европейски. Мебель, картины, гравюры, образцы прикладного искусства, вечерние встречи друзей наподобие салонных переносили посетителя в Европу. Хозяин любил музыку, а особенно театральное действо. У Артамона Сергеевича часто бывал царь Алексей Михайлович. Он с одобрением слушал выступления домашнего оркестра, а спектаклями домашнего театра прямо-таки увлекся. Государь пожелал устроить свой, придворный театр. И расторопный Матвеев быстро собрал труппу из жителей Новой Немецкой слободы. Ее руководителем стал пастор и учитель И. Г. Грегори, а актерами — в основном ученики последнего. На театре ставились пьесы на сюжеты из древней и библейской истории. Став задушевым другом царя-вдовца, именно Матвеев познакомил государя с его будущей невестой.

В доме своего фаворита царь Алексей Михайлович увидел Наталью Нарышкину и влюбился в нее. Затем, как водится, государева «симпатия» была объявлена царской невестой, несмотря на выходку противников этого брака: у Грановитой палаты в Кремле были обнаружены «подметные письма», содержавшие наговоры на нее. Наталья обладала не только внешней привлекательностью. Она отличалась рассудительностью и любознательностью, вместе с тем была обаятельна и приятна в общении. У царя Алексея и Натальи Нарышкиной было много общего. Алексей Михайлович и его молодая не-

веста любили загородные путешествия и проводили довольно много времени «на лоне природы», они с удовольствием смотрели театральные представления и проявляли явный интерес к европейской культуре. Молоденькой Наталье особое отношение к «западничеству» было привито в доме А. С. Матвеева, приложившего немало усилий к ее воспитанию.

Род Нарышкиных, из которого происходила царская невеста, известен с XV века и принадлежал к рядовому дворянству Российского государства. Он не мог похвастаться ни знатностью, ни богатством. Отец Натальи, Кирилл Полуэктович Нарышкин, дослужился до чина стрелецкого полковника. Служба однажды свела его в Москве с А. С. Матвеевым, тогда также бывшим полковником. Важное значение имело то обстоятельство, что Нарышкины породнились с будущим царским фаворитом: брат Кирилла, Федор, женился на племяннице жены Матвеева. Это родство хоть и дальнее, но все же открывало возможность карьерного роста для братьев Нарышкиных. Но самое главное, оно оказалось решающим в судьбе Натальи. Она, на правах родни, могла свободно посещать дом А. С. Матвеева. А когда последний понял, что женская привлекательность свойственницы может быть использована в политических целях, Наталья вообще стала для семьи Матвеева родной.

Наталья Кирилловна Нарышкина родилась 22 августа 1651 года. Ее детство пришлось на то время, когда семья могла похвастаться лишь весьма скромным достатком. Не случайно позднее недоброжелатели передавали слух, что будущая царица Наталья в детстве вынуждена была ходить в лаптях. Трудно сказать, насколько верны эти сведения. Однако отметим, что старомосковские дворянские, да и боярские традиции, наряду с изрядной долей спеси и гордыни, предполагали и простоту повседневного быта и одяения. Не исключено, что где-то в деревне, летом, отпрыски «благородных» семей могли бегать не только в лаптях, но и босиком. Хотя, разумеется, никто бы не позволил им этого в городе, да еще и прилюдно.

Современник событий, курляндец Яков Рейтенфельс, отмечает, что влюбленный царь одаривал Наталью подарками, но объявил ее невестой не сразу. Через некоторое время он рано утром прислал в дом Матвеева, где в то время прожи-

вала его «симпатия», нескольких бояр с придворными каретами в сопровождении небольшого отряда конницы и трубачей. Заспанной Наталье было объявлено о выборе царя. Ее одели в специально привезенный из дворца наряд и повезли в Кремль. Затем быстро прошло венчание в присутствии лишь узкого круга приближенных. Вероятно, царь Алексей не хотел устраивать пышную церемонию, поскольку это было его второе бракосочетание. Впоследствии Наталья жаловалась на то, что богато отделанное драгоценными камнями платье невесты было очень тяжелым.

Итак, в 1671 году двадцатилетняя Наталья Кирилловна становится царицей. Царю Алексею Михайловичу тогда шел срок второй год. Несмотря на большую разницу в возрасте, в отношениях молодоженов установилась полная гармония. Не привыкшая к обычному в то время теремному затворничеству, Наталья стремилась не отстать от интересных событий и чаще, чем это было раньше принято, сопровождать царя-мужа. Свою природную любознательность и приветливость царица невольно проявляла в том, что не хотела ездить в карете с зашторенными окнами. Но лицемерие проезжавшей государыни было столь непривычным, что советники уговорили царя не нарушать традиции. Наталья Кирилловна с сожалением, но все же уступила просьбе мужа, и окна ее кареты стали тщательно закрываться.

При ней в царском обиходе появилось больше европейских диковинок, с учетом «западнической» моды переделывалось убранство хором. Так, в комнатах из красного атласа были сделаны шторы на окна, а в одной из них находилась картина с изображением «Рая»: в центре дерево, на котором сидел ангел с мечом, а вокруг люди и всякие звери. По бокам изображения помещались зеркала, придававшие картине большую объемность. Личинки замков на дверях, крюки и гвозди были посеребрены. В 1673 году верхние комнаты царицы обили золочеными кожами, а лавки — красным сукном. В 1675 году также сукном разных цветов обивались лавки и стены у окон. Свои хоромы имела Наталья Кирилловна и во дворце в Коломенском. Причем «по указу государя» в царицыны помещения были поставлены дубовые «ловушки с пружинами» (то есть мышеловки).

Привычка Натальи к изяществу видна в том, что к бывшему у нее зеркалу «с камнями» был сделан чехол из красного бархата, а к лампаде, что горела у образов, подвесили кисть из красного шелка. У нее имелась небольшая подушечка из красного атласа на лебяжьем пуху и оклеенный «жарким» бархатом ларец. Молодая царица предпочитала красный цвет, и не только в декоре помещений и отделке разных вещей, но и в предметах одежды. «Треух» государыни был скроен из красного атласа и подбит соболями, а чехол на него пошит из красного «киндяка». «Потешные» (охотничьи) рукавицы Натальи были сделаны сверху из красного сукна, а внутри из лисьего меха, опушенного собольим.

С устройством выгодного для себя брака царя Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной сильно возвысился Артамон Сергеевич Матвеев. Последние пять лет царствования царя Алексея стали для него наиболее благоприятными в политической карьере. Матвеев из царского фаворита-приятеля превратился в царского фаворита-правителя. Без совета с ним в эти годы государь не принимал ни одного сколько-нибудь серьезного решения. Но и Наталья Кирилловна отныне и до кончины Матвеева всегда прибегала к наставлениям последнего. Продвижение в чинах было обеспечено и родне Натальи — Нарышкиным. Ее отец, Кирилл Полуэктович, сразу был пожалован чином думного дворянина, а через год вместе с Матвеевым стал сначала окольничим, а затем боярином.

Звания стольников удостоились дядя Федор Полуэктович, родные братья царицы Иван, Афанасий, Лев и более дальние родственники.

Современники отмечали, что женитьба по любви на молодой, веселой, приятной и приветливой Наталье преобразила царя Алексея Михайловича. Он будто помолодел. Единственно, что могло омрачать безоблачные дни молодой четы, было негативное отношение к мачехе царских дочерей от первого брака. Но это и естественно. Во всех семьях рождается взаимное неудовольствие мачехи и падчериц, если они практически одного возраста. Но пока был жив муж-царь, Наталье особых хлопот это обстоятельство не доставляло. 1672 год принес ей много радости: 30 мая она родила сына. Мальчик, нареченный Петром (будущий Петр Великий), оказался наижеланнейшим

и для царя Алексея, несмотря на то что у него уже были два сына от первого брака — Федор и Иван. Но последние с детства не отличались крепким здоровьем, кроме того, наличие наследника мужского пола и от второй жены расширяло для Алексея Михайловича поле для политического маневра при последующем выборе своего преемника. Важное значение младенца Петра для царя-отца подчеркивалось и в выборе крестного отца и крестной матери. Ими стали старший сын, царевич Федор Алексеевич, и старшая сестра, царевна Ирина Михайловна, которую Алексей Михайлович особенно почитал.

Для Натальи Кирилловны рождение сына обернулось обычными материнскими хлопотами. Но все же она не забывала и о «светской» жизни. Именно с 1672 года стал давать представления придворный театр, и царица могла наблюдать действие в специально отгороженной для нее (а также и падчериц с пасынками) части зрительного зала. В том же году Наталья забеременела вновь и в 1673 году, 25 августа, родила девочку, названную Натальей. Счастливая мать щедро одаривала повивальных бабок и кормилиц дорогими тканями, телогреями, а одной даже пожаловала собственный летник. Тканью царица одаривала также старицу Новодевичьего монастыря за обучение грамоте «новокрещеной девки», двум «дурам», Аксинье и Авдотье, по ее распоряжению были скроены телогреи, а «девочке безногой», проживавшей у падчерицы царевны Марфы Алексеевны, участливая Наталья подарила «треух». Существовал обычай по случаю благополучных родов делать подарки церквям. Так, две «новых хоругви» кремлевского Успенского собора были обшиты по распоряжению царицы дорогим бархатом. Причем ткани для таких целей снимались с использованных детских колыбелей царевичей и царевен.

Разумеется, особое внимание обращалось на воспитание маленького Петра. Помимо обычных предметов и игрушек, у него были и вещи европейского происхождения: музыкальная шкатулка («цымбальцы маленькие»), клавикорды и др. В самом раннем возрасте ребенка опекала женская прислуга: кормилицы, мамки, няньки. Ею руководила царица-мать, именно от нее во многом зависело формирование личности царевича. Конечно, набор предметов, окружавших царевича.

ча, определялся матерью. Как знать, может быть, раннее знакомство с изделиями европейского прикладного искусства и музыкальными инструментами повлияло на формирование западнических взглядов Петра Алексеевича. В заслугу это можно поставить прежде всего Наталье Кирилловне.

Но вот в 1676 году умирает царь Алексей Михайлович. Это повлекло за собой не только изменение личного статуса Натальи Кирилловны, ставшей отныне вдовствующей царицей. На престол вступил Федор Алексеевич, пасынок, объявленный наследником еще в 1674 году. За гробом Алексея Михайловича его немощного несли на носилках. За ним также на носилках несли Наталью с лицом, закрытым фатой. Вместе с царем Федором к рулю государственного управления должны были прийти его родственники, Милославские. Царице Наталье с детьми, Матвееву и Нарышкиным предстояло уйти на второй план.

А. С. Матвеев лишился всех постов. В чем его только не обвиняли! И в стремлении посадить на трон четырехлетнего Петра, и в желании перетянуть на свою сторону московских стрельцов, и в покушении на жизнь царя Федора Алексеевича, и в «чернокнижии» (колдовстве). Если бы у Милославских имелись доказательства, то Матвеев наверняка поплатился бы головой. Но всесильный фаворит царя Алексея отделался ссылкой. Отец Натальи Кирилловны, боярин Кирилл Полуэктович, даже не приглашался во дворец. Что же говорить о других Нарышкиных?

Нелегко было и Наталье. Теперь ненависть падчериц к мачехе выплеснулась наружу. Сестры царя Федора, которыми верховодила умная и энергичная царевна Софья Алексеевна, склоняли брата к крутому обращению с мачехой. Но как ни зависел болезненный Федор Алексеевич от родных, он все же не пошел на поводу у них до конца. Кроме того, он помнил, что был крестным отцом царевичу Петру, а по православной традиции крестный обязан опекать крестника вместо умершего отца. Конечно, значение Натальи Кирилловны при дворе умалилось, но не настолько, чтобы ее новое положение можно было сравнить со ссылкой.

Вдовствующая царица с детьми даже осталась в своем старом жилище. Рассказывали, что Милославские готовились ее

выселить в новое помещение, но Наталья отказалась переезжать, а маленький царевич Петр даже ходил жаловаться к царю Федору Алексеевичу, и этот вопрос замяли. К 1681 году деревянные хоромы Натальи были обновлены. На половики и обивку лавок пошло 40 аршин красного и зеленого сукна. У нее появился зеленый ларец. Отмечено, что царица пользовалась стеклянной посудой. За ней числилось: 50 различных стаканов, 10 кувшинов, 5 «братинок», 15 «сулеек», 10 «оловничков» и пр. За Натальей Кирилловной также сохранили хоромы в царской резиденции в селе Измайлове.

Надо сказать, что крестный отец не забыл Петра. Царь Федор Алексеевич как-то сказал Наталье Кирилловне, что настала пора царевичу Петру учиться. В наставники был определен дьяк Никита Моисеевич Зотов, чье соответствие посту преподавателя для царевича подтвердил сам Симеон Полоцкий — безусловный авторитет для государя. Царица Наталья велела Зотову начать обучение Петра на следующий день, то есть 12 марта 1677 года. Заметим, что мальчику не было и пяти лет.

Всевластие Милославских при дворе закончилось в 1679 году, когда вопреки желанию родни царь выбрал себе в жены Агафью Грушецкую. Резко возросло политическое значение фаворитов царя Федора Алексеевича — Языкова и братьев Лихачевых. Но через год после свадьбы Агафья умерла, и вскоре царь женился снова, на Марфе Апраксиной. Второй его брак способствовал началу восстановления политического влияния Нарышкиных. Лидеру этой партии, А. С. Матвееву, изменили место ссылки на более достойное и близкое к Москве. Вероятно, царь Федор Алексеевич в последние месяцы жизни обдумывал возможность возведения на престол царевича Петра. Последнему шел десятый год, и крестному отцу этот здоровый и смысленный мальчик явно был симпатичен, он выгодно отличался от шестнадцатилетнего болезненного и недалекого царевича Ивана. Конечно, Милославские не желали воцарения Петра, конечно, они требовали объявить наследником престола Ивана. Слабеющий царь Федор находился между двух огней. Причем на Петра ставили не только Нарышкины, но и царские фавориты, когда поняли, что у Федора уже не будет потомства. В этой обстановке Наталья

Кирилловна, естественно, воспрянула духом. Ведь ее мальчик рассматривался как реальный претендент на трон.

Царь Федор Алексеевич скончался 27 апреля 1682 года. На престол был посажен десятилетний Петр Алексеевич (Петр I), что явилось результатом соглашения фаворитов умершего царя Федора И. М. Языкова, А. Т. и М. Т. Лихачевых с партией Нарышкиных. Казалось бы, для Натальи Кирилловны наступили наилучшие времена: сын на престоле, родственники у руля управления государством. Но не тут-то было! Нарышкины очень скоро не только потеряли власть, но часть из них была убита, а часть подверглась опале.

1682 год был, пожалуй, самым страшным годом для Натальи, которой пришлось стать свидетельницей гибели дорогих ей людей и самой не раз испытать страх за свою жизнь и за жизнь детей. Главная причина поражения Нарышкиных в борьбе за власть — их неспособность оценить ситуацию в стране и выдвинуть своего талантливого лидера. Они ничего не смогли противопоставить провокационным обвинениям Милославских, и прежде всего царевны Софьи Алексеевны, в отравлении царя Федора Алексеевича и в попытках отравления царевича Ивана Алексеевича. Они не предприняли никаких мер против интриги, развернутой Милославскими, возглавляемыми хитрым и опытным царедворцем, боярином Иваном Михайловичем. Главное — Нарышкины не сумели заручиться поддержкой московского стрелецкого гарнизона.

Столичные стрельцы роптали. Их недовольство проявлялось еще в царствование Федора Алексеевича: им было уменьшено жалованье, а их полковые командиры буквально тиранили подчиненных, которые нигде не могли найти защиту. Придя к власти, Нарышкины практически ничего не сделали для улучшения положения гарнизона, поэтому все свои беды стрельцы связывали с Нарышкиными. Партия Милославских искусно направляла возмущение служилых людей против своих политических оппонентов. Составился заговор, о котором не знала и против которого ничего не предприняла родня Натальи Кирилловны. Да и кому было правильно реагировать на события? Отец царицы, боярин Кирилл Полуэктович, решительностью и твердостью характера не отличался. Старший брат Натальи, Иван Кириллович, в свои двадцать

четыре года с воцарением Петра I получил боярство, что вызвало недовольство как придворных, так и московских жителей. Иван Нарышкин «прославился» также тем, что примерял царский венец. Вероятно, каких-либо далеко идущих мыслей при этом у него не возникало, но врагами Нарышкиных этот жест был истолкован однозначно. Не случайно впоследствии у стрельцов особую ненависть вызывал именно Иван Кириллович. Очевидно, Нарышкиным можно было бы опереться на умного и опытного фаворита покойного царя Федора боярина И. М. Языкова. Но они, видимо, не очень-то к нему прислушивались. Непререкаемым авторитетом у Нарышкиных пользовался боярин А. С. Матвеев. С воцарением Петра он сразу же был вызван из Луха, где находился в ссылке, в Москву. Но в столицу Матвеев приехал слишком поздно, только 10 мая. Как ни пытался опытный политик переломить ситуацию, уже ничего нельзя было сделать.

У Натальи Кирилловны окончательно испортились отношения с падчерицей, царевной Софьей Алексеевной. Во время похорон царя Федора Софья, вопреки традиции, появилась на людях. Наталья в раздражении ушла из кремлевского Архангельского собора и увела сына, царя Петра I, не дослушав заупокойной службы. Софья же после похорон громко жаловалась на «врагов», отравивших брата-царя Федора и отстранивших от престола брата-царевича Ивана. Позже Наталье Кирилловне даже пришлось оправдываться, говоря, что десятилетний царь сильно устал и не мог дослушать церковную службу до конца.

Возникает вопрос: какова мера ответственности царицы Натальи за поражение Нарышкиных? Ей все-таки уже было тридцать лет — вполне зрелый возраст для того времени. Но Наталье, конечно, не доставало опыта, ведь государственными делами она доселе не занималась. Очевидно, она рассчитывала на приезд А. С. Матвеева и целиком уповала на его способности. Вместе с тем Наталье не хватило решительности, твердости характера (что, к слову, в полной мере проявила царевна Софья) и политического такта (нельзя было возводить молодого брата Ивана сразу из стольников в бояре). Разумеется, доля политической ответственности за кровавые майские события лежит на царице Наталье как на ма-

тери государя-мальчика Петра, который самостоятельно еще не мог править государством. Правда, старомосковское представление, что политика — не женское дело, ограждавшее цариц и царевен от государственных забот, до некоторой степени извиняет Наталью Кирилловну, оказавшуюся неготовой к серьезным испытаниям, выпавшим на ее долю в 1682 году.

Гром грянул 15 мая 1682 года. Рано утром в Кремль с барабанным боем, с развернутыми знаменами, при полном вооружении и даже с пушками вошли все 19 московских стрелецких полков и выборный Бутырский солдатский полк. Наиболее подробное описание событий оставил Андрей Артамонович Матвеев, сын Артамона Сергеевича, позже — один из сподвижников Петра Великого. По его словам, стрельцы были возбуждены слухом, распушенным Милославскими, что Нарышкины (особенно обвинялся Иван Кириллович) убили царевича Ивана Алексеевича. Царица Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо (точнее, на площадку на уровне второго этажа) царя-сына Петра I и пасынка царевича Ивана Алексеевича. Некоторые стрельцы приставили лестницы, взобрались на них, чтобы лучше разглядеть царя, царицу и царевича, да еще спрашивали — подлинные ли то лица. Когда сомнения рассеялись и царица с окружением надеялась на то, что служивые успокоятся, случилось невообразимое. К стрельцам пошли несколько бояр, в том числе А. С. Матвеев и глава Стрелецкого приказа князь М. Ю. Долгорукий. Долгорукий, старший стрелецкий начальник, начал грубо бранить подчиненных. Однако они его ненавидели и, будучи в крайне ожесточенном состоянии, тут же убили. Матвеев успел взбежать на крыльцо и взял царя Петра и царевича Ивана под руки, надеясь, что в этом его защита. Но стрельцы последовали за ним, буквально вырвали его из августейших рук и тут же растерзали. Опынев от крови, да и будучи изрядно навеселе, стрельцы ворвались в дворцовые покои и начали обыскивать и парадные, и личные апартаменты, надеясь найти известных им лиц из партии Нарышкиных. Наталья Кирилловна «с ужасом и плачем горьким» с сыном, царем Петром, ушла в Грановитую палату. В тот день стрельцы убили также родного брата Натальи, Афанасия Кирилловича и двух троюродных братьев, В. Ф. и И. Ф. Нарышкиных, а также нескольких сторонников этой партии.

Однако стрельцам было мало: они требовали выдать им Ивана Кирилловича Нарышкина. 16 мая удалось оттянуть расправу. Иван Кириллович вместе с отцом, Кириллом Полуэктовичем, несколькими родственниками Нарышкиными, а также с Андреем Артамоновичем Матвеевым скрывались сначала в комнатах маленькой дочери царицы Натальи — царевны Натальи Алексеевны. Потом их перевели благодаря «любовному союзу» царицы Натальи с другой вдовствующей царицей, Марфой Матвеевной, в «дальние деревянные комнаты» последней. Прячущиеся даже решили подстричь покороче волосы «ради безопасной предосторожности, к непознанию их». Но 17 мая стрельцы явились снова и в ультимативной форме опять потребовали выдать им Ивана Нарышкина, обещая, что на этом они успокоятся. Запуганные бояре стали просить Наталью Кирилловну пожертвовать братом, а царевна Софья Алексеевна резко заявила, что выдачи Ивана Кирилловича «избыть невозможно», так лучше пойти на это и отвести беду от себя. Иван Нарышкин был приведен в церковь, причастился, был соборован. Наталья Кирилловна вложила в руки брата образ Богородицы, как бы провожая его в последний путь. Он, как пишет А. А. Матвеев, принял мученическую кончину. В тот же день стрельцами был найден и убит боярин И. М. Языков. Стрельцы также потребовали постричь в монахи отца Натальи, Кирилла Полуэктовича, а других оставшихся в живых Нарышкиных и их сторонников отправили в ссылку.

Потрясение было очень сильным, особенно для десятилетнего царя Петра. Он запомнил это на всю жизнь. Случавшиеся у него позже приступы крайней жестокости объясняются негативным влиянием на детскую психику кровавых расправ 15–17 мая 1682 года. Между тем стрельцы, по наущению Милославских, потребовали, чтобы царевич Иван Алексеевич был также провозглашен царем. Теперь у России стало два царя — Иван V и Петр I, причем Ивана «нарекли» первым государем. Их опекушкой стала царевна Софья, с титулом великой государыни. Тут уж падчерица могла не только на словах, а и на деле отыграться на ненавистной мачехе. Наталья Кирилловна теряет какое бы то ни было влияние на государственные дела. Однако правительница Софья вынуждена была все-таки сдерживать свой нрав и не унижать явно мать одно-

го из государей. Поэтому Наталья сохранила свои помещения в Кремлевском дворце. Летом семья проживала в загородных резиденциях, чаще всего в Преображенском. А у кремлевских хором Натальи был разбит сад, огороженный забором. Здесь выделили место для игр маленького Петра: неподалеку от комнат царя была разбита «потешная» площадка. Тут Петр играл с избранными ему в товарищи ребятами. Причем на взрослый манер были построены «потешные» изба, шатер, стояли деревянные пушки. Словом, десятилетний Петр в своих играх отдавал предпочтение «марсовым» забавам. В ноябре 1682 года старые деревянные хоромы сгорели, и в 1683 году на их месте возвели новые. Причем достройка помещений продолжалась до 1685 года. Тогда же были сделаны две новые «мыленки». Комнаты Натальи Кирилловны и ее дочери, царевны Натальи Алексеевны, были расписаны живописью духовного содержания: на стенах изображались сцены из евангельских и апостольских притч. Живописным письмом украшались и комнаты царя Петра. В «передней» царицы устроили специальное «место» со ступенями, где ставилось кресло, и Наталья могла здесь устраивать официальные приемы.

Свои комнаты вдовствующая царица обставила новой мебелью. Так, в 1683 году она обзавелась двумя «поставцами» и липовой, колесной «казенкой» внушительных размеров (длина и ширина более двух метров). В 1684 году в сенях появился липовый «поставец с дверми» (размерами примерно метр на метр). Тогда же для Натальи были сделаны столы: один метровый, дубовый, «на колесах с наконечниками», и два липовых (метровый на «светлом подстолье» и полтора-метровый «с двумя ящики выдвигаемыми»). В новых деревянных хорамах в 1685 году на обивку лавок пошло 55 аршин бархата коричневого и «осинового» и 6 аршин зеленого атласа. 83 аршина коричневого сукна было использовано на обивку лавок, стен, потолка, дверей, окон и стола. На пол же постелили зеленое сукно. Как видим, с возрастом (да и траур по покойному мужу-царю обязывал) Наталья стала предпочитать коричневые и зеленые цвета. В 1684 году для нее были расписаны зелеными красками два «липовых налож». А в следующем году сделаны пятнадцать иконам позолоченные иконостасы. Не забывала Наталья и преданную ей прислугу. В 1688 году по

ее приказу «в приданое» трем «девкам» из четырех фунтов серебра были сделаны три комплекта, в которые вошли: «доска зеркальная», тазик, белильница, «румянница» и «суремница».

Сын-царь подрастал и проявлял недюжинную любознательность. Так, его заинтересовала астролябия, и пришлось даже пригласить из Немецкой слободы иностранца для занятий математикой. Наталья Кирилловна старалась сама подбирать Петру наставников и не желала, чтобы среди них оказывались лица, державшие сторону царевны-правительницы Софьи. Постепенно «марсова» потеха царя обретала все больше серьезности. Из массы низших придворных служителей (конюхов, сокольников, кречетников и др.) и близких себе придворных юношей из дворян — спальников, комнатных стольников — Петр сформировал две роты «потешных» солдат. Потом был открыт свободный набор в «потешное» войско, и вскоре составились два батальона, где служили и молодые дворяне, и простолюдины, и даже боярские холопы. Из этих «потешных» впоследствии вышли почти все видные деятели петровского царствования.

Время шло, и ситуация при дворе менялась. Среди бояр росло недовольство всевластием царевны Софьи, старавшейся править, опираясь на родню и фаворитов — князя В. В. Голицына и Ф. Л. Шакловитого. Многие придворные, опасаясь за свою жизнь, согласились на предложенный им во время стрелецкого восстания 1682 года порядок. Но страх позабылся, и далеко не всем нравилось, что, вопреки традиции, государством управляет девица, пусть и царская дочь. Росли пронарышкинские настроения. Добрым для царицы Натальи знаком явилось возвращение в 1687 году из ссылки ее уцелевшего в 1682 году брата Льва Кирилловича Нарышкина и возведение его в боярский чин. Вместе с тем Наталью беспокоило, что соправитель ее сына, Иван V, женился. В 1688 году его жена, царица Прасковья, забеременела. Если бы у этой четы родился сын, то он имел бы преимущественные права наследника престола.

В том же 1688 году Петру I исполнилось шестнадцать лет, то есть наступило совершеннолетие. Наталья Кирилловна стала срочно подыскивать сыну невесту. Сам Петр, очевидно, мало думал о женитьбе. Его интересовали науки, он все-

рез увлекся идеей создания флота. В 1688 году Петр ездил в Переславль-Залесский, где были заложены корабли, чтобы плавать по Плещееву озеру. Но как бы то ни было, 27 января 1689 года он по настоянию матери женился на Евдокии Федоровне Лопухиной. Особых чувств царь к своей молодой жене не испытывал.

Совершеннолетнему царю уже не нужна была опекунша Софья Алексеевна. И он сам, и Наталья Кирилловна прилюдно стали проявлять недовольство стремлением Софьи Алексеевны быть наравне с государями. Софья чувствовала, что власть ускользает из рук. Ей надо было выбирать: либо подчиниться и отдать власть Петру, либо устранить его. Правительница склонялась к последнему. Главой Стрелецкого приказа, фаворитом Софьи Ф.Л. Шакловитым, в ночь с 7 на 8 августа было организовано нападение стрельцов на Преображенское. Но предупрежденный Петр успел уехать в Троице-Сергиев монастырь. По одним сведениям, он бежал из Преображенского с несколькими преданными людьми, бросив там и мать, Наталью Кирилловну, и беременную жену, царицу Евдокию. По другим, все семейство с двором и прислугой спокойно покинуло резиденцию. В сложившемся активном противостоянии победил Петр. Проиграла не только Софья, но и партия Милославских, теперь уже навсегда лишившаяся власти.

В историографии сложилась точка зрения, что в первые годы после устранения Софьи правительство формально возглавляла царица Наталья Кирилловна. Молодой Петр I не был склонен к рутинной государственной работе. Он часто посещает своих приятелей в Новой Немецкой слободе и здесь знакомится с Анной Монс, ставшей его любовницей, устраивает войсковые маневры, где оттачиваются выучка и взаимодействие войск, ездит к своим кораблям в Переславль-Залесский, в 1693 году совершает длительное путешествие в Архангельск, дабы увидеть море и начать строить большие суда.

Современники по-разному отзывались о способностях Натальи Кирилловны. Так, уже упоминавшийся А.А. Матвеев называет Наталью «мужемудренной» (по Матвееву, если женщина обладает мужской мудростью, то это свидетельствует об ее уме), а курляндец Я. Рейтенфельс находил, что у нее «сильный характер». В то же время известный петровский дипломат

князь Б. И. Куракин писал, что царица «ума легкого» и была «править не капабель» (то есть не могла править государством). Правда, тот же Куракин критически характеризует и лиц, возглавлявших государственное управление. Первым по должности стоял глава Посольского приказа боярин Л. К. Нарышкин. Этот молодой человек (ему было всего 25 лет) был недалеким и взбалмошным. Боярин Т. Н. Стрешнев — столь же недалек и к тому же и злой интриган. Куракин признавал, что третий из наиболее приближенных к царице вельмож, князь Б. А. Голицын, отличался умом и образованностью, но слыл казнокрадом. При этом все они были привержены пьянству.

В тот период в органах управления обосновались Нарышкины (так, два младших брата Натальи — Мартемьян Кириллович и Федор Кириллович — стали в 1690 году первый боярином, а второй — окольничим) и Лопухины, родня жены царя Петра. Тридцативосьмилетняя царица Наталья Кирилловна, конечно, набралась политического опыта, чему прямо способствовали события 1682–1689 годов. Да и по своему воспитанию еще в доме А. С. Матвеева она не могла не интересоваться политикой, в особенности теперь, когда победил ее сын. А его победу она с полным основанием могла считать и своею. Безусловно, прибавило радости и появление на свет в 1690 году внука, царевича Алексея Петровича.

В последние годы жизни Наталья занималась улучшением своего быта. У нее появилась «атласная» комната (отделанная 56 аршинами этой дорогой шелковой материи разных цветов), были отремонтированы сени и помещения, где жили ее боярыни. Построена новая «мыленка», к которой куплена новая утварь, и частично починена старая. В 1692 году для царицы сделаны новые кресло, обитое коричневыми атласом и бархатом, скамья, два липовых «поставца», похожие на старые. А в 1693 году в комнате Натальи занял место новый липовый «поставец» (фактически шкаф) высотой два метра. В том же году в хорамах появились новые фонари.

Но обновлялись не только апартаменты, помещения и мебель. Заново были сделаны свыше тридцати различных медных лоханей, тазов и пр. Не отказалась Наталья Кирилловна и от привычки одаривать свою родню и преданных слуг. В 1692 году она подарила племяннику, И. И. Нарышкину, 12

стульев «золотных, немецких», купленных в торговых рядах. Тогда же царица пожаловала кубки с вином нескольким боярам и их женам. В 1693 году жене умершего известного ей дьяка Наталья велела выдать различные продукты на поминки.

Особенное беспокойство матери вызвало длительное путешествие Петра I в Архангельск летом 1693 года. Наталья часто писала сыну письма, в которых говорила о своей печали ввиду его отсутствия и радости от предвкушения скорой встречи. Но встреча затягивалась, поскольку царь решил дожидаться прибытия иностранных кораблей, которые приходили в этот северный порт обычно в конце лета. В надежде, что у Петра дрогнет отцовское сердце, Наталья Кирилловна приложила к одному из своих посланий и письмо, написанное от имени царевича Алексея. В ответ Петр называет мать своей «радостью» и просит ее «своею печалью» его «не натсадить». Только в октябре царь вернулся в Москву.

В январе 1694 года Наталья Кирилловна серьезно заболела. Она и раньше хворала, особенно во время длительных отлучек сына. Теперь же болезнь не отступила, и государыня скончалась 25 января на сорок третьем году жизни. На следующий день, 26 января, Наталью хоронили. В сильнейшем горе Петр I не нашел в себе сил присутствовать при похоронах матери. Печальную процессию возглавлял пасынок, Иван V. Очевидно, по распоряжению царя Петра был написан посмертный портрет Натальи Кирилловны. По его же указу в тюрьмах и по богадельням в память матери раздавались деньги.

Царица Наталья Кирилловна была второй, любимой женой царя Алексея Михайловича и подарила России сына, Петра Великого. Воспитанная благодаря А. С. Матвееву на восприятии европейских традиций и культуры, она достойно прошла свой жизненный путь в условиях, когда политическая борьба могла превратиться в кровавую расправу с оппонентами.

Царица-девочка Марфа

Царица Марфа была второй женой царя Федора Алексеевича. До женитьбы на ней Федор уже несколько лет правил страной и жил в первом браке с царицей Агафьей.

Царь Федор вступил на престол в 1676 году после смерти своего отца, царя Алексея Михайловича. Родился Федор в 1661 году, но в свои пятнадцать лет был уже тяжело больным человеком. А. С. Матвеев рассказывал, что однажды Федор упал с лошади, запряженной в сани, и сани, в которых он намеревался прокатить своих сестер и тетушек, проехали по нему. Царь-мальчик также страдал цингой, ему было трудно ходить, так что церемонию приведения к присяге высших чинов он провел, сидя в кресле. Федор с детства находился под наблюдением врачей, своим вниманием его окружали многочисленные сестры и тетки. С годами его зависимость от них только укреплялась. Вместе с тем Федор был умным и хорошо образованным юношей. Он считался учеником мыслителя Симеона Полоцкого, который до своей смерти в 1680 году имел большое влияние на молодого царя. Федор обладал знаниями по широкому спектру гуманитарных дисциплин (богословию, философии, риторике, поэтике), владел латинским и польским языками, увлекался стихосложением, церковным пением и музыкой. Ему передалась наследственная страсть к книге, в обширной отцовской библиотеке Федор мог заниматься часами. По его распоряжению во дворце была открыта типография, где он мог печатать любые произведения, отдавая предпочтение трудам учителя — Симеона Полоцкого. Молодой царь покровительствовал живописцам, мастерам оружейного и прикладного искусства, архитекторам, сам был автором чертежей некоторых построенных зданий. Свою любимую загородную резиденцию, село Воробьево, Федор всячески обустроивал, разбивал там сады, рыл пруды. По своим пристрастиям царь Федор был близок к плеяде русских политических деятелей-западников второй половины XVII века: А. Л. Ордину-Нащокину, А. С. Матвееву, князю В. В. Голицыну. При нем в жизни русского двора усилилось влияние польских традиций, этикета, моды. Объяснить это можно тем, что западные веяния обычно приходили в Россию через Речь Посполитую, да и Симеон Полоцкий долгое время там жил и учился.

Выяснив, кем был царь Федор Алексеевич, перейдем к обстоятельствам его первой женитьбы. Слабый телом юноша обладал сильным духом и твердым характером. Он сам выбрал себе невесту, Агафью Семеновну Грушецкую, хотя Милослав-

ские прочили ему иную партию. Боярин Иван Михайлович даже пытался оклеветать Агафью в глазах царя. Но Федор не только настоял на своем выборе, но и подверг опале двоюродного дядю и все его окружение. Милославские потеряли свое влияние при дворе, а Федор приблизил к себе незнатных, но преданных, умных и энергичных дворян И. М. Языкова, А. Т. и М. Т. Лихачевых, на которых он и опирался все свое последующее царствование.

Агафья Семеновна Грушецкая происходила из небогатого и незнатного дворянского рода, выехавшего в Русское государство из Польши. Возможно, полонофилия Федора Алексеевича как-то повлияла на выбор невесты. Свадебная церемония прошла исключительно скромно. Таково было желание государя. Но, как и положено, на торжественное одеяние расходов не жалели. Шубы молодой царицы были сшиты из дорогой шелковой материи, подбитой мехом: одна красная с серебряными, позолоченными бляхами, украшенными жемчугом, а другая серебряного цвета с золотым узором. В качестве домашней одежды Агафье пошили «телогрею» из зеленой тафты с красной «подпушкой», украшенную спереди шнурами и семнадцатью пуговицами. Очевидно, «телогреи» царица любила, она даже велела нашивать на них «узорочные» кружева. Украшались и покои государыни. Так, в конце 1680 года комнаты были обиты сукном. На это дело пошло сто шестьдесят аршин материи. В мае 1681 года проводился ремонт хором Агафьи Семеновны: было увеличено количество свай, сделаны каменные «подклеты», у каменных хором — крыльцо, а у каменных переходов — крыша и перила. Для этого отпущено пятнадцать тысяч кирпичей, шестьдесят бочек извести, сто восемьдесят возов песку, двести «аршинных» камней и триста сорок пудов железа.

С осени 1680 года Агафья была беременна. В мае 1681 года начали потихоньку готовить «приданое» для малютки. Из красного бархата, обшитою серебряным галуном, «скроен свивален». Пошиты: «одеяльцо дитячье» из красной с золотыми узорами материи, подбитое соболями, красные же атласная «подушечка» и «наволока на дитячью перинку». «Дитячья колыбель» была обита также красной с золотыми узорами материей. Судя по цвету «приданого», царская чета ожидала рож-

дения мальчика. Но случилось непоправимое несчастье: 14 июля 1681 года при родах Агафья умерла. Родившийся младенец, нареченный Ильей, пережил мать только на шесть дней.

Очевидцы отмечали, что смерть жены и младенца стала для царя Федора подлинной трагедией. Физически он буквально угасал. Если бы не пристальное внимание к делам государственного управления, которые как-то отвлекали от горя, Федор мог бы весьма скоро последовать за своей семьей в мир иной. Часть придворных полагала, что двадцатилетнему царю нужно снова вступить в брак. Особенно на этом настаивали фавориты — Языков и Лихачевы. Ведь находиться у власти они могли только при Федоре. С его бездетной кончиной при любом раскладе политических сил им пришлось бы уйти на вторые роли, а то и угодить в опалу. Расчет был на то, что Федор Алексеевич, женившись, произведет на свет мальчика. А он, как наследник по прямой линии, даже будучи младенцем, по старомосковской традиции имел бы преимущественные шансы занять престол. Только в этом случае фавориты Федора могли рассчитывать на сохранение своего влияния при дворе в полном объеме. Кроме того, они помнили о недавнем положительном опыте второй женитьбы царя Алексея Михайловича. Он также весьма скорбел по поводу кончины царицы Марии Ильиничны, но не просто воспрянул духом, а переживал как бы вторую молодость, женившись на Наталье Кирилловне Нарышкиной, проведя в любви последние пять лет жизни и став отцом царевича Петра и царевны Натальи. Другие придворные полагали, что брак слабейшего телесно Федора только приблизит его кончину.

Милославские хотели перехватить инициативу и предложили в невесты Прасковью Салтыкову. Однако царские фавориты не желали восстановления влияния этой партии на царя. Они представили Федору, твердо решившему жениться, другую невесту, на которой царь и остановил свой выбор. Свадьба состоялась 15 февраля 1682 года.

Новой царицей стала четырнадцатилетняя Марфа Матвеевна Апраксина. Она была свойственницей государева любимца боярина Ивана Максимовича Языкова. Но одновременно маленькая государыня являлась крестницей опального главы партии Нарышкиных, боярина А. С. Матвеева. Этим

ловко устроенным ходом фавориты Федора не только еще более усилили свое влияние, но и сблизилась с Нарышкиными. Марфа Матвеевна сразу же начала «хлопотать» о возвращении Матвеева из ссылки. Однако обида на него царя Федора Алексеевича была велика, поэтому прямо в Москву фаворит царя Алексея Михайловича пущен не был. Матвеева сначала перевели из Пустозерска в Мезень, потом в Лух, где он и прожил вплоть до кончины Федора.

Предком рода Апраксиных, из которого происходила царица Марфа, был «муж честен» Солохмир, выехавший в XIV веке из Большой Орды служить к рязанскому князю. Очевидно, Солохмир принадлежал к ордынской знати, поскольку князь выдал за него свою родную сестру. От потомков этого брака и пошли Апраксины. Отцом Марфы был стольник и воевода Матвей Васильевич Апраксин. Известно, что он погиб в стычке с разбойниками.

Царица родилась в 1667 году. Трудно сказать, чем пленила четырнадцатилетняя девочка царя Федора Алексеевича и какие можно было возлагать надежды на скорое появление на свет наследника. Ведь невеста не достигла еще обычного тогда брачного возраста — шестнадцати лет. Скорее всего, и Федор, и его фавориты спешили по политическим соображениям. Но, как водится, от такой спешки ничего хорошего не вышло. Марфа успела побыть женой царя Федора два с небольшим месяца. 27 апреля 1682 года Федор Алексеевич скончался. Очевидно, с подачи царевны Софьи Алексеевны появились слухи, что Федора отравили. Их отголоски нашли отражение в дневнике, который вел в 1698 году Иоганн Корб, посетивший Россию в качестве секретаря имперского посольства.

Приближенные царя отнюдь не были заинтересованы в его кончине. Значение фаворитов со вторым браком только укрепилось, а Нарышкины постепенно восстанавливали свое влияние. Наоборот, и те и другие должны были опасаться смерти монарха. Вряд ли Федор был отравлен. Зная о плачевном состоянии его здоровья, можно утверждать, что его смерть имела естественные причины.

Не успев вкусить в полной мере радостей семейной жизни, Марфа до конца своих дней стала вдовствующей цари-

цей. Она уже не могла снова выйти замуж. Брак с Федором не принес ей счастья материнства, и Марфе так и суждено будет прожить свой век и умереть бездетной. Что ж, еще одна сломанная женская судьба! Возможно, царица, по молодости лет, сразу не могла оценить всей трагичности своего положения. Высокий статус при дворе, ежеминутные заботы многочисленной прислуги, возвышение родни — все это могло тешить самолюбие.

Как и положено, было проведено торжественное погребение царского тела. В течение пяти дней в поминальной трапезе участвовали триста скорбящих. Первые недели вдовства пришлось на период укрепления дружественных ей политических сил: в результате соглашения фаворитов покойного царя и партии Нарышкиных после смерти Федора царем был провозглашен десятилетний Петр Алексеевич. Однако когда восстали стрельцы, Марфа Матвеевна вместе с другими обитателями дворца натерпелась страху.

В дальнейшем, уже не будучи девочкой-царицей, но и не став женщиной и вдовствующей государыней, она не претендовала на какую-либо роль в государственных делах. В политической борьбе она не участвовала. Воспитана Марфа была в старомосковском духе, добросовестно выполняла все церковные обряды и наставления, и ее терем традиционно был пристанищем разнообразных «божьих» людей (юродивых, кликуш), монахинь и иных духовных особ. Здесь всегда звучали рассказы о чудесах, небесных и иных знамениях, в положенное время (например, на Святки) занимались гаданиями. Как это тогда было принято, вдовствующую царицу развлекали своими проделками «карлики и карлицы». В Кремле у нее стояли особые хоромы. На их уборку выделялся целый ворох специальных средств: десять губок «грецких», пятьдесят рогож простых, двести метел, тридцать «ветошек белых больших», пятьдесят пучков хвоща, пятнадцать ушатов, тридцать шаек и т. д. Имелись ледник и «мыленка», у которой в 1694 году переделывали «каменку», на что пошло сто кирпичей и пять возов мелкого камня. В своей «мыленке» Марфа любила охладиться пивом.

В 1686 году в ее хорамах были построены «каменные» комнаты, а в них сложены печи, расписанные «суриком». В од-

ной из комнат стоял специально сделанный для Марфы стол с ящиком длиной более метра. Тогда же, в 1686 году, в четырех комнатах и спальне лавки были обиты сукном, а в спальне сукном обили еще и одну стену. Всего на эти цели пошло сто десять аршин ткани. В 1699 году были отделаны также три лавки двадцатью аршинами сукна. В 1694 году в хоромах появился новый фонарь. На свечи для освещения помещений, которыми пользовалась Марфа Матвеевна, в год отпускалось более тридцати двух пудов воска. На содержание же помещений вдовствующей царице в год выделялось из казны пятнадцать — двадцать тысяч рублей.

Став царицей, Марфа открыла дорогу своим трем братьям, которые сразу же были записаны в стольники. Самым знаменитым впоследствии стал Федор Матвеевич Апраксин. Он служил еще в «потешных» войсках царя Петра I, был азовским губернатором, строил крепости и корабли, участвовал в морских сражениях и вырос во флотоводца, генерал-адмирала российского флота. Старший из братьев, Петр Матвеевич, начинал как армейский офицер, затем был казанским губернатором и президентом Юстиц-коллегии. Федор в 1709-м, а Петр в 1716 году были возведены в графское достоинство. Младшего из братьев, Андрея, царица Марфа Матвеевна однажды спасла от кнута. В 1696 году, как повествует очевидец событий Иван Желябужский, Андрей Апраксин в Москве избил «озорничеством» его родню, отца и сына Василия и Семена Желябужских. Последние подали челобитную царю Петру, который распорядился учинить розыск по делу. Все бы ничего, но розыском занимался печально известный специалист по дознаниям князь Ф. Ю. Ромодановский. Андрей Апраксин в собственноручной «сказке» все отрицал. Однако позже он не решился присягнуть («целовать крест») в своих словах и повинился. Царь Петр приказал взыскать с Андрея положенный по Уложению штраф за бесчестье в пользу Желябужских и бить виновного кнутом «нешадно». Но царица Марфа просила Петра отменить наказание. В этом ее поддержал и имевший большое влияние на государя Франц Лефорт. В итоге кнута отвели слуги Андрея Апраксина, а сам он позорища избежал, дополнительно приплатив Желябужским и выдав в благодарность Лефорту кругленькую сумму в три

тысячи рублей. Петр I взял Андрея Апраксина с собой в «Великое Посольство» 1697–1698 годов, а позже он дослужился до генерала. Графское достоинство получил в 1722 году.

В 1708 году вместе с другой вдовствующей царицей, Прасковьей Федоровной, сестрами Петра I и многими вельможами Марфа Матвеевна переехала в Петербург. Здесь ей отвели дом по соседству с домами царицы Прасковьи, царевны Натальи Алексеевны и царевича Алексея Петровича, наследника Петра Великого. Марфа принимала участие в устраиваемых при дворе мероприятиях — приемах, торжественных шествиях, морских прогулках, ассамблеях и пирах. Пришлось выступать и на шутовских, костюмированных балах, что для религиозной Марфы с точки зрения православной морали было делом не простым. Так, в 1714 году на одном из таких представлений она и царица Прасковья Федоровна появились по распоряжению Петра в польских нарядах. Очевидно, наименее экстравагантные костюмы им были предназначены царем в уважение к их положению и набожности.

Умерла вдовствующая царица Марфа Матвеевна 31 декабря 1715 года. Это была первая кончина государыни в Петербурге. Отмечают, что Петр I запретил обычные для старомосковской традиции причитания, громкие рыдания и крики многочисленной дворни по своей умершей госпоже. Этот запрет действовал и позже, при погребении царицы Прасковьи.

Марфа Апраксина, еще ребенком введенная в царский терем, не оставила после себя потомства. Зато она помогла своим братьям не только выйти в правящие верхи, но и основать известный в Российской империи род графов Апраксиных.

Царица Прасковья — мать императрицы Анны

Царица Прасковья Федоровна — жена царя Ивана V — происходила из «древней Российской благородной фамилии Салтыковых». Салтыковы являлись отделившейся в XV веке ветвью еще более старого боярского рода Морозовых, известного с XIV века. Наиболее заметный след в русской истории род Салтыковых оставил в XVII–XVIII веках. К нему принад-

лежал «боярин-изменник» Михаил Глебович Салтыков, который одним из первых перешел на сторону Лжедмитрия I и активно сотрудничал с поляками во время их управления Москвой в 1610–1611 годах. Из этого рода вышли и братья Борис Михайлович и Михаил Михайлович Салтыковы — «кузены» первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича. Родство шло по женской линии: мать царя Михаила, «инокиня» Марфа, была родной сестрой их матери. Б. М. и М. М. Салтыковы получили при Михаиле Федоровиче боярство, активно влияли на правительственную политику до возвращения из польского плена царского отца Филарета Никитича Романова. Дочка царицы Прасковьи, императрица Анна Иоанновна, подняла род Салтыковых на «тронную» высоту. Но это еще не все! Многие исследователи считают, что истинным отцом императора Павла I был камергер Сергей Васильевич Салтыков. Причем на свою связь с фаворитом фактически указывает в своих мемуарах сама императрица Екатерина II.

Прасковья появилась на свет 12 октября 1664 года. Упомнутый выше «боярин-изменник» Михаил Глебович прихотился Прасковье прадедом. Он бежал в Польшу и получил там земельные владения. Сын изменника Федор построил православный монастырь, постригся там в монахи под именем Сергей и замаливал грехи Михаила. Отца будущей царицы называли Александром. Он являлся сыном Петра Михайловича, брата монаха Сергия. Во время удачной для России войны с Речью Посполитой в 1654–1667 годах был возвращен Смоленск. Именно под этим городом находились имения Александра Петровича Салтыкова, и он вернул себе русское подданство. Казалось бы, клеймо «изменников» должно было вечно стоять несмываемым пятном на репутации этой ветви рода Салтыковых. Но нет, очень скоро грехи Смутного времени были забыты в большой степени потому, что Салтыковы были весьма заметны в Русском государстве и обладали обширными родственными связями со многими знатными фамилиями, тем более с царствующим домом Романовых.

Прасковья росла и воспитывалась так, как это было принято в знатных и влиятельных семьях того времени. Вокруг нее суетились мамки и няньки, строго следившие, чтобы девочку,

а позже девушку не мог видеть кто-либо из посторонних. Это была традиция домашнего затворничества: во-первых, боялись «порчи» и «сглаза», а во-вторых, свято берегли репутацию будущей невесты. Девочку учили грамоте, но ученицей она была никудышной, интереса к знаниям не проявляла. Зато на всю жизнь Прасковья сохранила особое почтение к православию и привыкла скрупулезно следовать церковным традициям и обрядам. Она охотно и подолгу общалась с лицами духовного звания. Очевидно, в этом была потребность ее души. Но православная религиозность в Прасковье мирно уживалась с суевериями и предрассудками, с которыми постоянно воевала официальная церковь. Так Прасковья выросла в статную, дородную барышню, вполне подходившую в невесты отпрыску и боярской, и царской семьи.

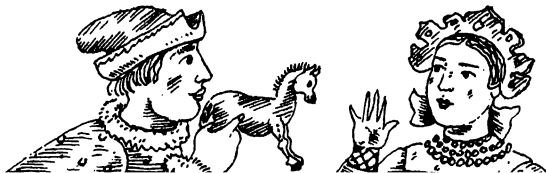
Надо сказать, что в качестве возможной царской невесты Прасковья Салтыкова рассматривалась дважды. Когда в 1681 году овдовел царь Федор Алексеевич, его ближайшая родня Милославские полагали, что лучшей девушки, чем семнадцатилетняя Прасковья, в качестве второй жены царя не найти. Так как женитьба государя была актом политической важности, усиливавшим ту придворную группировку, к которой относилась родня невесты, мы можем утверждать, что семья Прасковьи Салтыковой принадлежала к партии Милославских. Но Милославские в то время уступали объединившимся фаворитам царя Федора и партии Нарышкиных. Кандидатура Прасковьи не прошла, и царицей стала четырнадцатилетняя Марфа Апраксина, креатура А. С. Матвеева.

Определяющую роль в судьбе и Прасковьи, и всей ее семьи сыграла царевна-правительница Софья Алексеевна. Александр Салтыков занимал незначительный пост воеводы в сибирском Енисейске. Софья — глава партии Милославских, — очевидно, заранее решила определить Прасковью в невесты к своему брату Ивану, царствовавшему вместе с выходцем из партии Нарышкиных сводным братом Петром I. Испытывал или нет Иван V нежные чувства к Прасковье — решающей роли не играло. Все определяла властная правительница Софья Алексеевна. Незадолго до свадьбы отец Прасковьи удостоился видного поста киевского воеводы и получил боярский чин. Кроме того, ему было приказано переменить свое имя.

Так Александр стал Федором. Произошло это, видимо, потому, что имя Александр практически не использовалось в то время для наречения боярских и дворянских сыновей. Считалось, что оно приличествовало государям (вспомним Александра Невского!).

Свадьба восемнадцатилетнего Ивана V и двадцатилетней Прасковьи Салтыковой состоялась 9 января 1684 года. Обряд венчания происходил, как и положено, в кремлевском Успенском соборе, пол которого был устлан алым сукном. Щедрый новобрачный потом пожаловал израсходованные на церемонию 34 метра ткани «ключарям» собора. Царь Иван был мужчиной совсем не завидным. Он страдал от физической немощи и цинги, что и отличало мужское потомство царя Алексея Михайловича от первого брака с Марией Ильиничной Милославской. Кроме того, современники отмечали у него явные признаки слабоумия. Во всяком случае, Иван V нуждался в постоянном уходе, который осуществляли приставленные к нему придворные служители, и в столь же постоянном попечительстве сестры Софьи, находясь целиком под ее влиянием. Что и говорить! Никудышный жених достался Прасковье, вступившей в счастливую пору расцвета девичьей красоты. Но разумеется, о личных чувствах невесты никто не спрашивал. Да и сама она вряд ли могла о них говорить открыто. Ведь замужество с царем круто меняло статус семьи, возносило ее на вершину пирамиды власти. Словом, как говорили, стерпится — слюбится.

Образ жизни, приличествующий русской царице, уже давно был определен. Детально разработаны все правила придворной жизни и особенности официальных церемоний, в которых обязана была участвовать государыня. Так, в 1690 году, по случаю Масленицы, 26 февраля в подмосковное село Воскресенское выехали оба царя, Петр I и Иван V, вместе с царицами. Прасковья Федоровна тогда была свидетельницей двух праздничных фейерверков (сперва двухчасового, а затем трехчасового), пальбы из 50 пушек, парада войск и их маневров. В том же году 10 июля на праздник Ризоположения царь Иван и царица Прасковья устраивали прием в Золотой палате для духовенства, бояр, «ближних людей», богатого купечества и горожан Москвы. Гости поднесли государю и госу-

дарыне серебряные, позолоченные сосуды, соболей, дорогие ткани и ювелирные изделия по случаю крещения новорожденной дочери царевны Феодосии. Но Иван и Прасковья приняли в качестве подарков только иконы, принесенные духовенством. Других гостей они поблагодарили, но от их даров милостиво отказались. Вечером в Грановитой палате состоялся пир. Иван и Прасковья принимали участие 18 октября 1692 года в церемонии пострига царевны Анны Михайловны в монахини. Они провожали «тетку» из хором в церковь, где постриг совершил патриарх Адриан. Царственная чета посещала и московские монастыри. Так, 1 мая того же года они обедали в Симоновом монастыре.

У царя и царицы в Кремле были особые терема со своим штатом прислуги различных рангов. Важную роль в русской культурной традиции играла баня, или «мыльня», как ее тогда называли. У Прасковьи была своя «мыльня». Для нее покупали специальные деревянные «казанские» «кади» и «извари». Изготавливалась эта банная утварь из древесины липы. Царица любила побаловаться в бане пивом. Сохранились свидетельства, что Прасковья, посещая «мыленку» с царем Иваном, требовала четыре кружки пива «ячного».

Наряду с обычным убранством принадлежащих ей помещений Прасковья Федоровна заказывала и необходимые ей предметы. В 1684 году был сделан липовый «поставец» (сундук) размерами метр на полметра. Три комода из липы с выдвижными ящиками потребовались царице в 1693 году. При чем они были позолочены и расписаны «красками розными травы». Личинки замков и ключи велено было посеребрить. Тогда же Прасковья распорядилась сделать ей четыре медных «шандала» (подсвечника): три «против образцового серебряного», а один «турецкого дела». В следующем году Прасковье, как и всем царицам, заменили в хорамах фонари.

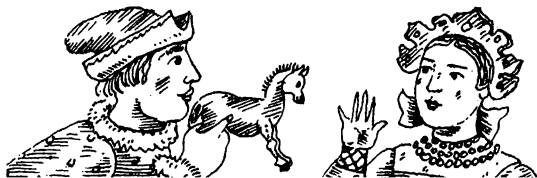
Время от времени украшались и сами апартаменты царицы. Так, печи в ее двух деревянных комнатах заново расписывались красками, то сплошь зеленой, то разными «меж изразцов». Стены комнат грунтовались, а в 1694 году были обиты «золотными» кожами. В 1696 году изменили убранство трех комнат Прасковьи. Очевидно, это было связано с кончиной 29 января ее мужа царя Ивана V — уж больно траурный вид

они приобрели. В марте стены и двери обили сукном, в одной комнате черным, в другой — черным и зеленым, в третьей — зеленым. В июле одна из комнат стала выглядеть чуть «веселее» — наряду с зеленым сукном в отделке пола и лавок использовали лазоревое. Как видим, зеленый цвет часто употреблялся для украшения интерьеров царицыных хором. Вероятно, Прасковья этот цвет любила. Правда, овдовев, она была вынуждена «полюбить» и черный цвет, поскольку вдовым царицам полагалось носить траурное одеяние.

Невинными развлечениями Прасковьи были карты и катание на качелях. В ее комнатах стояли клетки с птицами, как диковинными (попугаями, канарейками), так и с обычными (соловьями, щеглами и перепелами). Очевидно, птичье пение и щебетание отнюдь не раздражали царицу. Напротив, зимой и в ненастную погоду они напоминали погожий весенний или летний денек, а может быть, райский сад?

Как ни болезнен и слаб был царь Иван, а все же смог стать отцом пятерых дочерей. Впрочем, и его отец, царь Алексей, и его дед, царь Михаил, тоже не отличались богатырским здоровьем, но могли похвастаться многодетными семьями, в которых абсолютное большинство составляли дочки. В этом смысле Иван V продолжил родовую традицию. Прасковья впервые родила в 1689 году, затем в 1690 году. Первые дочери, Мария и Феодосия, — умерли младенцами. Зато три следующие девочки — Екатерина (1691—1733), Анна (1693—1740) и Прасковья (1695—1731) — благополучно выросли. Анна стала императрицей, а Екатерина немного не дожила до провозглашения в 1740 году своего внука-младенца Ивана VI императором (правда, судьба его сложилась трагически). Период с 1688 по 1695 год, то есть семь лет, царица Прасковья Федоровна практически целиком посвятила материнским заботам: она то вынашивала очередное дитя, то рожала, то была втянута в хлопоты по новорожденной и старшим дочкам.

Первая беременность Прасковьи не на шутку всполошила партию Нарышкиных. По сложившейся тогда традиции Софья не могла объявить себя полновластной государыней. Юридически она правила государством как опекунша не вполне дееспособного родного брата Ивана V и несовершеннолетнего сводного брата Петра I. Так вот, Нарышки-

ны встревожились тем обстоятельством, что Прасковья могла родить сына. И этот мальчик впоследствии, как старший мужской потомок царей-соправителей, имел бы наилучшие шансы занять престол. Не случайно в январе 1689 года Петр I женился на Евдокии Лопухиной, то есть еще до того, как Прасковья Федоровна родила в марте дочь Марию. У Нарышкиных отлегло от сердца с рождением девочки-первенца у царицы Прасковьи. Милославские же, как писал французский дипломат де ла Невиль, обманулись в своих ожиданиях. Когда же у царя Петра и царицы Евдокии в 1690 году появился на свет первенец царевич Алексей, именно эта чета получила желаемое преимущество.

Бурные события 1689 года завершились победой Петра I: царевна Софья и партия Милославских были отстранены от управления страной. Но Петр продолжал формально делить власть с Иваном. При этом уже давно стали очевидными полная противоположность их характеров и абсолютное превосходство Петра в интеллекте и в способности к активной деятельности. Петр I в 90-е годы XVII века приступил к реорганизации государственного управления и войска, начал создавать военный флот, вел активную внешнюю политику. Это была прелюдия к эпохе преобразований, выдвинувшей Петра в ряд великих государственных мужей в истории человечества. Иван V же вполне удовлетворился ролью «церемониального» царя. Деятельный Петр подолгу не заезжал в Москву, он буквально «перестраивал» державу. Иван же скрупулезно выполнял весь разработанный придворный ритуал: посещал церковные службы, присутствовал на приемах послов, возглавлял торжественные выходы и шествия по случаю церковных праздников и памятных дат, касавшихся царского семейства. Там, где это было положено по протоколу, его сопровождала царица Прасковья Федоровна, если ей не мешала очередная беременность. Ни Иван, ни Прасковья политикой не интересовались и политиками не являлись.

Для Прасковьи Федоровны серьезная перемена в укладе жизни произошла 29 января 1696 года, когда муж умер. «Печальная церемония» прощания с Иваном была проведена строго по давно сложившемуся обычаю. В том числе в поминовение по усопшему в течение пяти дней в особых комна-

тах были «кормлены» триста нищих. Петр I принимал участие в отпевании и погребении своего сводного брата-соправителя.

Прасковья отныне становилась вдовствующей царицей, ей полагалось вести тихий, размеренный образ жизни. На ней самой, ее одежде, убранстве ее комнат должен был лежать отпечаток печали по ушедшему супругу. О повторном замужестве, разумеется, не было и речи. Тридцатидвухлетней молодой женщине предстояло если не похоронить себя в стенах предназначенной ей резиденции, то, во всяком случае, заметно сократить возможное общение с внешним миром. В следующем, 1697 году наша героиня лишилась отца.

В качестве постоянной резиденции Прасковье с дочерьми было выделено село Измайлово, когда-то любимое детище царя Алексея Михайловича. В Измайловском дворце по этому случаю провели ремонтные работы, а в 1701 году выстроили новый корпус для подросших дочерей-царевен. Во дворце постоянно толпились нищие, убогие. Вдовствующую царицу окружали монахини, приживалки, забавляли «карлы и карлицы». Петр I не любил бывать в гостях у невестки. Хоть и слыла она хлебосольной и радушной хозяйкой, но дом ее живо напоминал преобразователю о ненавистном старомосковском быте. Петр называл измайловскую резиденцию Прасковьи Федоровны «госпиталем уродов, ханжей и пустосвятов».

Прасковья с дочерьми ежегодно пользовалась денежным содержанием из казны. Его размеры колебались от 13 до 30 тысяч рублей. Кроме того, царица получала доходы со своих вотчин, расположенных в разных уездах. Всего ей принадлежало около 2,5 тысячи дворов, населенных крестьянами и горожанами. Прасковья в хозяйственные дела не вникала. И потому, что это было тогда не принято, и потому, что не имела склонности к подобным занятиям. Хозяйством ведал ее брат Василий Федорович Салтыков, исполнявший должность дворецкого. Не просто преданным человеком, но и, как тогда говорили, «галантом» Прасковьи был стольник Василий Алексеевич Юшков. Вдовство вдовством, но ведь сердцу не прикажешь! А вообще при дворце, помимо многочисленной женской прислуги, находились конюхи, истопники, сторожа, стряпчие, подьячие и прочие служители мужского пола. Помимо «братца» и сердечного друга большое влияние на

царицу оказывал юродивый Тимофей Архипович. Убежденная в его святости, Прасковья в течение многих лет верила его предсказаниям. Разумеется, Петр I и его окружение считали подобное увлечение Прасковьи Федоровны глупым чудачеством, но отвлечь ее от таких черт старомосковского воспитания было невозможно.

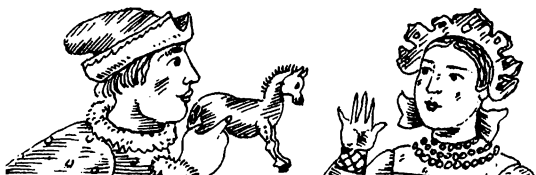
При всем при том Петр I выделял Прасковью Федоровну из сонма своей родни. Во-первых, она была в близком родстве со многими знатными и влиятельными деятелями его царствования. А во-вторых, она явно была наделена здравым смыслом и гибкостью характера, особенно необходимыми на крутых поворотах истории. Прасковья знала, как вести себя с Петром, и никогда не вызывала его гнева. Царь недолго любил своих сводных сестер, близких к опальной царевне Софье. Зная это, Прасковья с ними не общалась. Она охотно принимала в своей резиденции иностранцев, понимая, что это будет приятно Петру. Так, ее посетил в 1698 году посол императора Священной Римской империи. Секретарь посольства Корб упомянул в своих записках о приятных прогулках августейших обитателей Измайловского дворца во время музицирования оркестра, привезенного послом. Словом, Прасковья была готова следовать европейским требованиям, предъявляемым к подобным церемониям. Она с готовностью восприняла также и европейскую моду, правда, сама не переодевалась, зато передела дочерей в европейское платье, когда этого потребовал Петр I.

А дочери подрастали. Прасковья Федоровна в полной мере ощущала свою ответственность за их судьбу. Европеизация придворной и в целом дворянской жизни открывала перед царевнами перспективу замужества, что ранее было невозможно. Но царевен надо было не просто обучить грамоте, как это делалось раньше, и развить в них интерес к старорусскому домоводству, им следовало привить знание европейского «политеса». Для женщин это означало уметь соответствующим образом одеваться, танцевать, музицировать, вести непринужденную светскую беседу, знать языки. Уроки брались у немца и у француза. Правда, дочки больших успехов не стяжали, особенно в иностранных языках. Да и младшенькая, царевна Прасковья, девица слабая и болезненная, так и не избавилась от разнообразных комплексов.

Петр I не услышал от Прасковьи ни одного слова поперек, не поймал от нее ни одного косога взгляда. Осторожная вдовствующая царица вела дружбу с любимой родной сестрой царя — с царевной Натальей Алексеевной. Вместе они любовались в 1702 году в Москве церемонией по поводу первой победы над шведами в Прибалтике, вместе посещали Немецкую слободу. Когда Петр I охладил к своей первой жене, царице Евдокии, Прасковья Федоровна тут же отдалилась от несчастной. В благодарность за все царь устроил невестке блестящий праздник. По его распоряжению в Измайлове собрались до пятисот представителей знати, богатого русского и иностранного купечества, иностранные послы с женами. Причем все они обязаны были подарить Прасковье дорогие подарки. Наконец, по приказу государя художник де Бруин написал портреты Прасковьи Федоровны и ее дочерей в немецких платьях. Это, разумеется, факт не случайный. Петр имел виды на своих племянниц. Они еще только подрастали, но царь-реформатор уже обдумывал планы династических браков с целью укрепления влияния России в Европе. Прасковья никоим образом не вмешивалась в тонкие политические расчеты и заранее готовилась принять любых кандидатов в женихи своим дочкам, которых наметит Петр I.

По первому же призыву Петра в 1708 году, как только было построено подходящее жилье, Прасковья Федоровна с дочерьми, с царскими сестрами и видными сановниками переехала из Москвы в Петербург. Недавно основанный город был еще малоудобен для обитания. Но вдовствующая царица стойко переносила и климатические особенности новой столицы, насквозь продуваемой холодными ветрами, и периодические наводнения, и частые пожары. Зато было весело! Государь любил праздники с парадами и фейерверками, морские прогулки, шумные пиры, под конец походившие, скорее, на пьянки. Прасковья с семейством поспевала всюду.

Наконец подросли старшие дочери. Первой замуж была отдана средняя, Анна. В 1710 году в Петербурге отпраздновали ее свадьбу с герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом. Анна не была красавицей и не обладала женской привлекательностью. Жених же, племянник прусского короля (что было важно для царя Петра), оказался горьким пьяницей. Эта

его страсть полностью раскрылась при сильно пьющем в петровское время русском дворе. Царевна Анна Ивановна, как известно, «поклонников Бахуса» не любила. Ведь позже, когда она стала русской императрицей, ее двор был самым «резвым» в России в XVIII столетии. Но делать было нечего. Анне приходилось мириться с мужем-пьяницей. Эта первая церемония свадьбы иностранного владетельного герцога и русской царевны была весьма пышной. 31 октября молодые в дорогих белых одеяниях с сопровождавшими их строго по рангам лицами, начиная с самого царя, проплыли по Неве на пятидесяти судах. В доме петербургского губернатора князя А. Д. Меншикова, самом лучшем в то время здании города, происходил обряд венчания. После был дан роскошный пир. Гости пили и ели под пушечную пальбу. Завершился торжественный день танцами. В последующие дни пиры продолжались, а также была сыграна потешная свадьба «карлика и карлицы».

Брачная жизнь Анны Ивановны длилась чуть больше двух месяцев. По дороге в Митаву, где находилась герцогская резиденция, 9 января 1711 года, только отъехав от Петербурга, герцог Фридрих-Вильгельм скончался. Поговаривали, что причиной смерти молодого человека явилось беспробудное пьянство. Анна пожила в Петербурге, погостила у Прасковьи Федоровны в Измайлове (как видим, последней разрешалось навещать свою любимую резиденцию) и была вынуждена в качестве вдовствующей герцогини уехать в Митаву. Петр I видел в Анне и посланных с ней людях представителей интересов России в Курляндии. Одно время он даже хотел отправить туда и Прасковью Федоровну с дочками. Но обошлось! И хотя Анне Ивановне разрешалось приезжать погостить в Измайлово к матери, подолгу жить в России герцогине Курляндской Петр I не позволял.

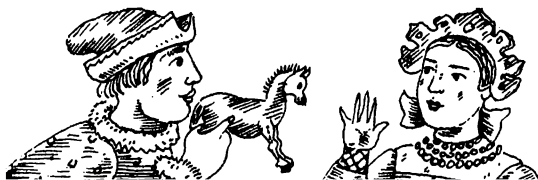
Образ жизни курляндской герцогини в Митаве вызывал постоянное беспокойство матери. Во-первых, дочь все время нуждалась в средствах, и Прасковья, как могла, ей помогала, в том числе и просьбами о казенном вспомоществовании. Во-вторых, Прасковье Федоровне не нравилась интимная связь Анны с ее гофмейстером Петром Михайловичем Бестужевым. Бестужев был выбран царем Петром как наиболее подходящий защитник его интересов в герцогстве. Прасковья же

требовала удалить дочкиного «галанта» из Митавы, хотя, как мать, она могла бы быть терпимее к увлечению дочери, ставшей в восемнадцать лет вдовой. Но Петр не желал переводить Бестужева из Митавы, а для Анны официально подыскивал кандидата в новые женихи. Чувствуя свое бессилие в том, чтобы повлиять на Анну в желательном для себя направлении, Прасковья Федоровна распекала дочку во время встреч с ней и в своих письмах. При дворе Прасковьи кумушки постоянно «перемывали косточки» Анне Ивановне при активном участии царицы-матери.

В 1716 году пришел черед выходить замуж старшей дочери, Екатерины. Катюша считалась любимицей матери. В отличие от сестер она была бойка, смела в обращении, весела. Ранняя полнота не портила ее из-за живого, общительного характера. Екатерина без умолку болтала с дамами, кокетничала с кавалерами, на празднествах танцевала буквально до упаду. Веселость и беззаботность старшей дочери умиляли не только Прасковью. Этот тип женского характера импонировал и царю Петру. У него ведь ничего не было наполовину: работать — так работать, веселиться — так веселиться! Прасковья Федоровна не раз прибегала к посредничеству Катюши в обращении с различными просьбами к Петру и его новой жене Екатерине.

Прасковья не хотела спешить с замужеством своей ненаглядной Катюши. Свеж был пример неудачного брака Анны. Но Екатерина, по понятиям того времени, «засиделась в девках»: ей уже перевалило за двадцать. И вот в январе 1716 года в Петербург приехал посол герцога Мекленбургского просить руки вдовствующей герцогини Курляндской. Однако Петр I не захотел выдавать за него Анну. Очевидно, царя устраивала выгодная ситуация политической зависимости Курляндии от России, и пускать сюда еще и герцога Мекленбургского смысла не было. Петр предложил мекленбуржцу в жены царевну Екатерину.

Судьба не говорила дочкам Прасковьи Федоровны. Мекленбургский герцог Карл-Леопольд оказался еще похуже курляндского пьяницы. Он начал сговариваться о браке с племянницей Петра I, еще не разведясь с первой женой. По своему характеру герцог был скупым, грубым и жестоким де-

спотом. Его подданные, с которыми он не церемонился, будучи убежден в постоянных заговорах против своей особы, роптали. Конечно, не о таком муже для своей любимицы мечтала Прасковья Федоровна. Петр I обо всем этом знал, но ему нужно было привязать Мекленбург к политической колеснице Российской империи.

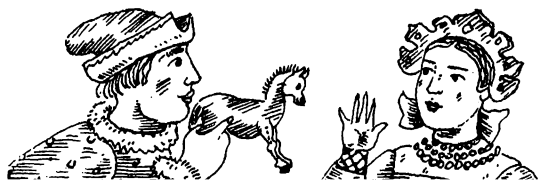
Свадьбу решили сыграть в Мекленбурге в присутствии Петра I. Прасковья занедужила и не смогла поехать на церемонию. Она со слезами на глазах проводила дочку в дорогу и потом долго не могла привыкнуть к отсутствию Катюши. Герцогиней Мекленбургской Екатерина Ивановна стала 8 апреля 1716 года. Свадьба сопровождалась увеселениями, пирами и забавами. Герцогиня была, как всегда, весела и беззаботна. Однако жизнь с Карлом-Леопольдом складывалась непросто. Герцог перессорился со всеми сословиями своего маленького государства. Даже с собственным дворянством он не находил общего языка. Разумные советы Петра I Карл-Леопольд игнорировал. Конфликт в Мекленбурге обострился настолько, что в герцогство из Вены была послана имперская армия. Муж Екатерины не только посягал на имущество своих подданных и противодействовал попыткам венского двора улучшить ситуацию, но и не выделял положенных ей по брачному контракту денежных сумм. Екатерина Ивановна, родившая в 1718 году дочь Анну (которая в 1740–1741 годы правила Россией под именем Анна Леопольдовна при малолетнем сыне, императоре Иване VI), нуждалась в средствах. Она обращалась с письмами о помощи к матери. Та же, умоляя помочь Катюше, забрасывала «слезными посланиями» императорскую чету. И в подобных хлопотах проходили годы.

Расположение Петра Великого к невестке еще более укрепилось после того, как Прасковья Федоровна безоговорочно поддержала царя в непростой ситуации, связанной с его вторым браком. В 1712 году состоялась свадьба Петра с Екатериной Алексеевной (она же Марта Скавронская). Новая царская жена была «самого подлого» происхождения. Известно, что ее взяли в плен в Мариенбурге «в одной рубаше». Затем она прислуживала фельдмаршалу Шереметеву, прислуживала Меншикову. Недоброжелатели за глаза не стеснялись в крепких выражениях в ее адрес. Обидных кличек было много, в чис-

ле самых приличных — «прачка». Но Петр воспылил любовью к бывшей пленнице. И вот она уже царская невеста.

Царь-реформатор рвал со многими устоявшимися традициями. Но здесь он грубо вторгся в деликатную сферу августейших семейных отношений: сослал в монастырь жену, царицу Евдокию, подарившую ему наследника, царевича Алексея, прилюдно «путался» с Анной Монс, а теперь вот захотел жениться на безродной «чухонке». Представители знатных родов роптали. Конечно, у Петра было достаточно сил, чтобы окриком заставить замолчать недовольных. Но в этом деле ему нужна была моральная поддержка на самом высоком уровне. И она была оказана вдовствующей царицей Прасковьей Федоровной. Именно она играла на свадьбе роль посаженной матери, а ее дочери, Екатерина и Прасковья, были ближними девушками. Прасковья очень быстро сориентировалась и едва ли не раньше всех стала проявлять признаки всяческого уважения к Екатерине Алексеевне, когда она еще состояла в царских фаворитках. Сохранилась их переписка. В письмах Екатерина подчеркнуто уважительно обращается к Прасковье Федоровне, подробно отвечает на ее просьбы, объясняет, какие из них решены после ходатайства перед царем, какие нет, а какие еще ждут своего решения. Тон писем Прасковьи со временем меняется с уважительно-доверительного, как только Екатерина становится царицей, на уничижительно-заискивающий.

Между тем надвигалась старость. Жизнь Прасковьи шла по давно заведенному порядку, только она все чаще жаловалась на недуги, посещала модные, с легкой руки царя Петра, Кончезерские и Олонецкие воды, рекомендуя то же и своим дочерям-герцогиням. С возрастом нашу героиню все больше огорчает чувство одиночества. Жившая с ней младшая дочь, царевна Прасковья Ивановна — некрасивая, болезненная и недалекая девица, — постоянно нуждалась в материнской опеке. В своих письмах Прасковья Федоровна все чаще просит приехать к ней в Измайлово дочь Екатерину с внучкой Анной. К маленькой Аннушке бабушка в письмах обращается с особой нежностью, называя ее «свет мой», «друг сердечный», беспокоится о том, чтобы девочку учили «русской грамоте». Просьбы герцогини Екатерины и Прасковьи Фе-

доровны, сдобренные многочисленными жалобами на беспутного герцога Мекленбургского, наконец подействовали. Петр I разрешил Екатерине с дочерью приехать в Россию.

Шел 1722 год. Получив известие о скором приезде дочери и внучки, Прасковья, забыв про хвори, увлеклась хлопотами об устройстве дорогих гостей в Измайлове. Надо было подготовить апартаменты, запастись всем необходимым, распорядиться о встрече. Наконец в августе Прасковья Федоровна смогла увидеть свою самую любимую родню. Дом снова наполнился шумом, звонким смехом неунывающей Екатерины Ивановны. Прасковья умилялась детской непосредственности внучки Анны. Словом, жизнь расцвела новыми красками.

Между тем в 1722 году Прасковье пришлось пережить и немало тревожных минут. Некий подьячий Василий Деревнин служил ранее по учету денежной казны вдовствующей царицы, но чем-то прогневил ее всесильного фаворита Юшкова и был от должности отставлен. Деревнина обвинили в упущениях по службе и потребовали немалой денежной компенсации. Подьячий протестовал, обивал пороги дома Юшкова. И вот тут-то, в начале января, он случайно нашел необычное письмо. Хорошо зная руку Прасковьи Федоровны, Деревнин определил, что это ее послание к Юшкову. Однако письмо имело странный вид. Некоторые слова были зашифрованы цифрами («литерами»). В то время такого рода записки таили в себе большую опасность как для отправителя, так и для получателя. Можно было легко попасть под подозрение, что под «литерами» скрываются слова, содержащие угрозу жизни и здоровью государя. Зловещая формула «слово и дело» притягивала заинтересованных лиц в Тайную канцелярию, где под пытками выясняли суть дела. Попасть в застенок было легко, а выйти из него невредимым очень трудно. Причем чаще сию ожидала любого, даже Прасковью Федоровну. Вспомним, как Петр I привлекал к розыску по обвинению в заговоре свою родню, как погиб в застенке его сын царевич Алексей.

Деревнин не смог удержать язык за зубами, и Юшков провадал про опасную находку. Действуя от имени вдовствующей царицы, фаворит схватил подьячего и посадил под замок. Его держали взаперти, требуя вернуть письмо. Деревнин от-

пирался, а про себя решил предъявить его самолично государю. В конце января его пришлось выпустить. В это время царь находился в Москве, и, если бы до его ушей дошли подобные факты, не миновать беды. Подьячий почел за благо уехать из Москвы и вернулся в столицу только осенью. Все это время Прасковья Федоровна сильно беспокоилась.

Когда осенью 1722 года царь Петр I находился в Астрахани, Прасковья с фаворитом решили воспользоваться отсутствием государя и вырвать наконец злополучное письмо из рук Деревнина. У вдовствующей царицы было большое влияние в Москве, и без особого труда ее люди смогли убедить московского обер-полицмейстера арестовать подьячего, обвиненного в хищении большой суммы денег. Но Деревнин долго не давался в руки полиции. Вольно или невольно дело получило огласку и дошло до страшной Тайной канцелярии. Там допросили родственника беглого подьячего и выяснили, что суть дела в «литерном» письме Прасковьи Федоровны. Деревнин не стал скрываться от столь грозного учреждения, пришел туда сам и принес письмо, которое тут же было положено в особый конверт и запечатано до приезда императора. Попытка Прасковьи воздействовать на Тайную канцелярию через послушного ей московского обер-полицмейстера ни к чему не привела. Разгневанная царица решила сама вмешаться в дело и вечером 2 октября в сопровождении свиты выехала из Измайлова в Москву. А там напрямик в Тайную канцелярию. Слуги отгеснили часовых и внесли ее (сама она, страдая от водянки, уже почти не ходила) в камеру, где сидел Деревнин. Прасковья Федоровна начала самолично экзекуцию над бывшим подьячим, избив его тростью. У руководителей Тайной канцелярии, обер-прокурора Сената Скорнякова-Писарева и генерала Бутурлина, Прасковья потребовала выдать ей Деревнина. Опытные вельможи не могли ответить царской невестке прямым отказом и велели своим слугам объявить посланным к ним в дома царицыным людям, что они в отъезде. Между тем Прасковья Федоровна все более распалилась: Деревнина ей не выдавали и письма при нем не оказалось. Весь свой гнев она решила излить на несчастного. Его жестоко били, жгли огнем, несмотря на просьбы служителей Тайной канцелярии не пытаться подследственного. Причем все это

происходило в присутствии царицы. Когда появилась ее дочь, герцогиня Мекленбургская, она уговорила Прасковью на время прекратить избиение. Но гнев царицы не прошел, и ее слуги-палачи вновь принялись за дело, но уже в отсутствие непривычной к таким сценам Екатерины Ивановны. Деревнина запытали бы до смерти, если бы не появление в Тайной канцелярии генерал-прокурора Сената П. И. Ягужинского, который прекратил своеволие Прасковьи и наотрез отказался выдать ей подьячего, за которым числилось «государево дело». Случай с Деревниным открывает нам совершенно новые черты характера нашей героини. Когда она чувствовала свою безнаказанность, ей оказывались не чужды жестокость, грубое своеволие, пренебрежение к закону.

Пока ожидали приезда Петра I, Екатерина Ивановна порхала как мотылек с одной пирушки на другую. Мать ни в коей мере ей не препятствовала и даже настаивала, чтобы забавляться ездил жаловавшаяся на больную ногу Прасковья Ивановна. Нужно было соблюдать принятый при дворе «политес». В декабре 1722 года появился в Москве и Петр с женой Екатериной. На церемонию встречи государя и государыни Прасковья из-за недуга явиться не смогла. Семью представляла веселая герцогиня Мекленбургская. В феврале 1723 года дошел черед и до дела Деревнина. Слуги Прасковьи, участвовавшие в избиении подьячего, были «биты батоги нещадно», но с тем отпущены на свободу. Фаворита Юшкова Петр I приказал сослать на житье в Нижний Новгород. Деревнина между тем еще долго держали в заточении: дело о злосчастном письме двигалось медленно, ибо мало находилось охотников всерьез за него взяться. Да и среди облеченных властью лиц много было родственников и свойственников вдовствующей царицы. Письмо же не сохранилось, да и никакой «политики» оно, скорее всего, не содержало. Прасковья всю жизнь ее сторонилась, и маловероятно, что в почтенном возрасте она вдруг изменила своим правилам. Петр I об этом знал, а то бы розыск по делу был бы намного серьезнее. По-видимому, зашифрованные слова касались интимных отношений Прасковьи и ее фаворита.

В 1723 году государь приказал Прасковье Федоровне ехать с семьей в Петербург. Тяжела была эта дорога для на-

шей хворой героини и ее разболевшейся дочери Прасковьи. Только в мае семейство появилось в Северной столице. По-настоящему радовалась жизни лишь веселая Екатерина Ивановна, не пропускавшая ни одной придворной забавы. Ее обхаживал сам государь-дядюшка, подшучивавший над изрядной полнотой племянницы и всерьез советовавший ей умерить привычку к чревоугодию. Как ни скверно чувствовала себя Прасковья Федоровна, все же она не могла увильнуть от месячного летнего морского путешествия всего двора из Петербурга в Ригу. Не раз ей было плохо на корабле, но все же это путешествие Прасковья перенесла. Но осень — самую скверную пору в Петербурге, с дождями, сильными ветрами и наводнениями, — она не пережила. С конца сентября жизнь в Прасковье постепенно угасала. Петр I, а еще чаще царица Екатерина ее навещали. Развязка наступила 13 октября 1723 года. Похоронами Прасковьи Федоровны распоряжался сам император. Организованы они были пышно и торжественно. Петр I приказал оплатить долги родственницы. Ее дочерям, Екатерине и Прасковье, было предусмотрено денежное содержание. Анна Ивановна находилась в Курляндии и не смогла проводить мать в последний путь.

Прасковья Федоровна, будучи воспитанной в старомосковских традициях, смогла найти вполне достойное себя место при дворе царя-преобразователя. Это позволило ей по-своему адаптироваться к новой жизни и, сохранив семью, дать возможность пусть и не вполне благополучно, но все же как-то устроиться своим дочерям.

Несчастливая царица Евдокия

Царица Евдокия Федоровна, первая жена Петра Великого, испила горькую чашу отвергнутой жены и еще совсем молодая была по приказу царя-мужа пострижена в монахини. В истории династии Романовых подобного факта мы не найдем. Что же привело царицу Евдокию к жизненной драме?

В 1688 году царь Петр I достиг шестнадцатилетнего возраста и, следовательно, совершеннолетия. Царица-мать Наталья Кирилловна срочно стала подыскивать невесту для сына.

Она выбрала красивую, статную девушку Евдокию Лопухину. Свадьбу царя Петра I и Евдокии, состоявшуюся 27 января 1689 года, сыграли скромно. Последнее обстоятельство, видимо, объясняется спешностью, вызванной политическими соображениями.

Род Лопухиных, из которого происходила молодая царица, имеет очень древнее происхождение. По преданию, он восходит к легендарному «касожскому» (адыгскому) князю Редеде, которого в 1022 году победил в единоборстве князь Мстислав, сын Владимира Святого. Лопухины были давно и хорошо известны царице Наталье Кирилловне. Дед Евдокии, Абрам Никитич Лопухин, служил в свое время дворецким у матери Петра I. Отец молодой царицы, Илларион Абрамович Лопухин, был стрелецким полковником, верхотурским воеводой, а в 1682 году возведен в чин окольничего. Став царским тестем, по указу нареченный Федором (подобное, как мы знаем, случилось и с отцом царицы Прасковьи Федоровны), он получил чин боярина. Позже боярами стали также его братья, соответственно дяди царицы Евдокии: Петр Большой, Петр Меньшой, Василий и Сергей Абрамовичи. Молодое поколение Лопухиных было записано в стольники.

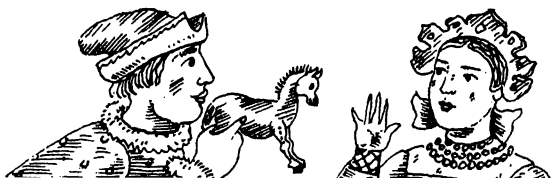
После свадьбы царь Петр побыл с молодой женой до начала весны, а затем уехал в Переславль-Залесский, где строились корабли для плавания по Плещееву озеру. Обычно любознательный и увлекающийся, Петр Алексеевич не любил проводить много времени в общении с супругой. Да он и не любил ее по-настоящему. Царица Евдокия была воспитана, как и положено, в старомосковском духе. Петр же чем дальше, тем больше проявлял враждебность ко многим обычаям и традициям предков. Он рано усвоил западнические привычки и уже в молодости стал перестраивать российское общество на европейский лад. В этом жена Евдокия была ему не помощница, и муж довольно скоро начал отдаляться от жены.

Но до разрыва еще дело не дошло. 4 августа 1689 года Петр I в Измайловском дворце праздновал именины Евдокии. Буквально через три дня наступила развязка политической борьбы, которая обострялась уже в течение нескольких месяцев. В ночь с 7 на 8 августа фаворит царевны Софьи, Ф. Л. Шакловитый, послал в Преображенское, где находился Петр I

с семьей, стрельцов, чтобы расправиться с главным оппонентом правительницы. Французский дипломат де ла Невилль пишет, что Евдокия была очень «напугана» тем, что ей пришлось «бежать ночью полураздетой» и что «несколько дней спустя у нее случился выкидыш». Но француз, видимо, напутал. У испуганной Евдокии не могло быть выкидыша. Иначе бы она в феврале 1690 года не родила своего первенца.

1690 год вообще стал наиболее радостным и значимым для Евдокии. 18 февраля она родила сына, названного Алексеем. Событие это имело далеко идущие последствия. Петр I обзавелся реальным наследником; на радостях он приказал выдать по куску сукна «сахарного дела мастерам», которые «лили сахарные ковришки к столу для рождения царевича Алексея Петровича». Его соправитель, Иван V, мог похвастаться лишь рождением дочерей. И даже если бы его жена, царица Прасковья Федоровна, позже подарила ему сына, то все равно преимущественные права на престолонаследие имел царевич Алексей. Царь Петр 4 августа присутствовал на именинах жены, которые праздновались в Преображенском. Конечно, хотя бы на людях он должен был проявлять чувство благодарности к Евдокии, родившей ему наследника.

Царица Евдокия Федоровна постепенно обустроивала свое собственное жилище. Для нее делались из серебра, в технике «скани с припускными красками», зеркальная оправа и обивка ларца, на «кипарисной доске» был написан портрет царевича Алексея. Комнаты ее обивались «золотными» кожами, на окна и двери прикреплялись «завесы» из шерстяных и шелковых тканей с шелковыми шнурками. На лавки клались «полавочки» из красного сукна. Украшались и комнаты маленького царевича Алексея, который находился на попечении женской прислуги. Уходом за младенцем и его воспитанием руководила бабушка, царица Наталья Кирилловна. Мать, Евдокия Федоровна, как это было принято, во всем слушалась свекрови, но и имела свой голос, когда речь шла о хлопотах об Алексее. Отведенные ему помещения постоянно обновлялись. Стены обивались атласом, золочеными кожами и листьями, расписывались красками. Украшались золотом и росписями оконные рамы, переделывались печи и «мыленка». В одной из комнат царевича стоял липовый зо-

лоченый и расписной шкаф высотой более двух метров с выдвижными ящиками.

Поражает изобилием список игрушек Алексея: волчки, булавы, шпаги, сабли, тесаки, мечи, барабаны, «потешные городки» из дерева и кости, куклы, собачки, голуби, лошадки, медведи, солдатики, коляски, деревянные яйца и т. д. Позже появляются шахматы, «потешные» колодцы с цепями и ведрами, ларцы, позолоченная чернильница — признак начала обучения грамоте. В 1694 году четырехлетнему Алексею Петровичу было сделано «место», то есть специальный помост, куда ставилось кресло. Настало время официальных приемов. Пятилетнему царевичу делают «книгохранильницу» из липовых досок (то есть книжную полку) длиной больше метра с дверцами и замком. В его библиотеке «потешные» (детские) книги: «солдатского строю», про птиц, зверей и др.

Евдокия Федоровна в 1689—1691 годах в основном находилась «в положении». После сына Алексея в 1691 году она родила Петру I сына Александра. Но тот вскоре после рождения умер. До взрослого возраста дожил только первенец, царевич Алексей Петрович, жизнь которого трагически оборвалась в 1718 году. И эта трагедия, как мы увидим, затронула и мать, и ее родню. Подлинные несчастья начались для Евдокии в злополучном 1692 году. Именно тогда царь Петр влюбился в Анну Монс и совсем охладел к супруге. Для Евдокии Федоровны наступила пора унижения ее женского достоинства. Муж пропал в Новой Немецкой слободе у безродной немки, «трактирщицы». Обида была жгучая. Предпочсть ее, царицу, представительницу древнего рода, какой-то «девке»! Петр даже не появился на похоронах умершего 14 мая малютки сына Александра. Не известно, был ли он в тот год на именинах Евдокии. В обоих случаях высшую власть представлял Иван V.

Первое время Евдокия Федоровна искренне пыталась вернуть мужа, посылая ему записочки с нежными словами. Она старалась везде появляться вместе с сыном, царевичем Алексеем. Даже пожалования бояр и их жен кубками с вином делались от них обоих. Пока была жива царица Наталья, Петр I, уважительно относившийся к матери, вынужден был считаться с ее мнением. А мать, разумеется, была на стороне Евдокии и не одобряла увлечение сына. Но после смерти Ната-

льи Кирилловны в 1694 году Петр Алексеевич уже не находил нужным соблюдать какие-либо приличия. Формально царица Евдокия Федоровна еще считалась его женой, но свой разрыв с ней и увлечение фавориткой царь демонстрировал ежедневно.

Разрыв с женой повлиял и на отношение Петра I к ее родне, Лопухиным, которые проявляли раздражение не всегда скрытое. Первым пострадал боярин Петр Большой Абрамович Лопухин, дядя Евдокии. Его давний недруг, дядя Петра I, боярин Л. К. Нарышкин, в 1695 году состряпал на него донос, в котором содержались тяжкие обвинения. Петра Абрамовича подвергли пытке, и он, по одной версии, на следующий день умер, а по другой — был сослан в свое имение. В 1697 году был раскрыт заговор Цыклера — Соковнина. Заговорщики обсуждали планы убийства Петра I. Очевидно, в числе знакомых казенных заговорщиков оказались и Лопухины. Поскольку доказательств их участия в заговоре не было, нескольких Лопухиных разослали на воеводства в отдаленные города: тесть Петра I, Федор Абрамович, отправился в Тотьму, его братья Сергей Абрамович — в Вязьму, а Василий Абрамович — в Чаронду, где и умер. В 1698 году был пытан и умер еще один дядя царицы Евдокии — Петр Меньшой Абрамович Лопухин. Его обвинили в убийстве крестьян.

Уезжая в 1697 году в составе Великого посольства за границу, Петр I поручил дяде, Л. К. Нарышкину, уговорить Евдокию Федоровну отказаться от замужества и постричься в монахини. Евдокия не захотела подчиниться царскому приказу. К этому делу надлежало подключиться самому патриарху Адриану. Однако по закону церковь не могла развести Петра с женой. Ведь причины развода строго определены — супружеская неверность, бесплодие и явное психическое расстройство. Ни в чем этом Евдокию нельзя было обвинить. Опираясь на мнение духовенства и многих бояр, патриарх не торопился исполнять прихоть царя Петра. Кроме того, видимо, рассчитывали на то, что Петр за границей охладит к своей фаворитке и, вернувшись домой, не станет настаивать на разводе с супругой.

Разумеется, во время отсутствия Петра Евдокия Федоровна пользовалась всеми преимуществами своего официально-

го статуса царицы и матери наследника престола. Как пишет секретарь австрийского посольства Иоганн Корб, в 1698 году 29 апреля она наблюдала из окна терема торжественный въезд в Кремль этого посольства. На Пасху Евдокия вместе с царевичем Алексеем совершила торжественное паломничество в Троице-Сергиев монастырь, а затем несколько раз была на официальных приемах у австрийского посла. 25 августа в Москву прибыл Петр I. Он не только не забыл Анну Монс, но и пришел в ярость, узнав, что Евдокия еще не монахиня. Вообще царь проявлял сильное недовольство, так как ему пришлось прервать важную заграничную поездку из-за стрелецкого бунта. А тут еще он решил, что розыск по стрелецкому делу был проведен без должной тщательности.

По одним сведениям, он встретился с Евдокией и говорил о постриге, а по другим — навестил только сына, царевича Алексея. Царь весь свой гнев обратил на патриарха. Адриан буквально умолял о пощаде и ссылаясь на отрицательное отношение к насильственному постригу царицы своего окружения и бояр. По приказу царя пятерых приближенных патриарха отвезли в тюрьму в Преображенское. На следующий день сестра Петра, царевна Наталья Алексеевна, буквально вырвала царевича из рук Евдокии Федоровны. Царицу же увезли в суздальский Покровский девичий монастырь, где она была пострижена в монахини под именем Елена. Русские современники осудили Петра, считая, что он сотворил беззаконие и произвол. Иностранцы также привыкли к другим взаимоотношениям в монарших семьях. В конце XVII века европейские государи своих нелюбимых жен в монастырь не отправляли, а довольствовались любовью фавориток.

Казалось, имя инокини Елены теперь будет известно только узкому кругу монахинь ее суздальской обители. Но через много лет о бывшей царице вспомнили снова. Поводом послужило дело царевича Алексея Петровича, который разошелся с отцом во взглядах на политику и будущее России. Алексей бежал, скрывался во владениях австрийского императора, но вынужден был вернуться. В 1718 году Петр I учинил розыск по его делу. По следствию проходили инокиня Елена и ее родственники. Евдокию-Елену подвергли пыткам, и она призналась, что вела переписку с сыном и его окруже-

нием. Но никаких политических преступлений за ней не значилось (правда, была открыта ее любовная связь с офицером С. Б. Глебовым). Да и понятно, Евдокия никогда политикой не занималась. Поэтому инокиню из застенка выпустили, но отправили в другой монастырь, ладожский Успенский. Царевич Алексей Петрович был пытан и погиб в застенке. Из родственников жестокой казни подвергли брата бывшей царицы, Абрама Федоровича Лопухина, поскольку он входил в ближайшее окружение царевича. Представитель другой ветви рода, Степан Иванович Лопухин, очевидно, был лишь косвенно причастен к делу, поэтому отделался ссылкой в Кольский острог.

Во время правления ее счастливой преемницы на брачном ложе Петра I, Екатерины I, наша героиня находилась в Шлиссельбургской крепости. Воцарение ее внука, Петра II, в 1727 году не только дало Евдокии-Елене долгожданную свободу, но и вернуло уже порядком подзабытое высокое положение — теперь уже бабушки императора. Она переехала в Москву и жила в основном в монастырях. После смерти внука в 1730 году Верховный тайный совет даже рассматривал ее как вероятную кандидатку на престол. Но земные страсти ее уже не волновали. 27 августа 1731 года инокиня Елена закончила свой земной путь.

Много переживаний и испытаний выпало на долю царицы Евдокии. И в том не было ее вины. Евдокия пыталась быть любящей женой и матерью, но ее заставили коротать век в монастырской келье.

Вместо предисловия

У царей династии Романовых именно дочери-царевны, как правило, рождались крепкими и здоровыми и часто доживали до взрослого, а то и преклонного возраста, чего не скажешь о большинстве сыновей-царевичей. Очевидно, это была генетическая особенность потомства Федора Никитича и Ксении Ивановны Романовых (в монастыре Филарета и Марфы). Во второй половине XVII — начале XVIII века жили царевны от браков: царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны (Ирина, Анна и Татьяна Михайловны), царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны (Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария и Федосья Алексеевны), царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны (Наталья Алексеевна), царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны (Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны). Правила воспитания и уклад жизни дочерей русских государей к XVII столетию имели давнюю историю. Но в интересующее нас время в очерченный порядок могли пробиваться и новации, связанные с начавшимся поворотом в сторону европейских культур и традиций.

Г. К. Котошихин повествует, что появлялись на свет царские дети в «мыльне» (бане). Роды у царицы принимали повивальная бабка и «немногие жены». Как только рождался младенец, об этом сообщали отцу-царю. Он посылал за духовником, протопопом кремлевского Благовещенского собора, который читал молитву в присутствии матери, ребенка и всех принимавших роды. Затем духовник «нарекал» дитя именем, которое давалось в честь святого или святой, чей день церковью отмечался через восемь дней после рождения. После в «мыльню» входил сам царь и осматривал дитя. О своей радости государь сообщал патриарху, который начинал службу в кремлевском Успенском соборе, и по всем московским церквям и монастырям, как только доходили известия о прибавлении в царском семействе, проводились соответствующие службы. При этом раздавалась милостыня «нищим и убогим». Сам царь посещал московские монастыри, «кормил» монахов и раздавал им деньги. По такому радостному случаю милостыней оделялись и тюрьмы, и богадельни, а из тюрем освобождали «сидельцев», кроме тех, которые находились «по самым великим делам».

Затем царь устраивал «родинный» стол в кремлевских палатах. На торжество приглашались патриарх, высшие церковные иерархи, бояре, окольные и духовенство кремлевских соборов. Дворянам низших чинов, стрельцам и выборным горожанам в Москве также устраивалось угощение. Причем в разные города посылались специальные гонцы с известием о событии. Тех гонцов положено было обильно угощать и одаривать богатыми подарками. Если же потом гонцы жаловались, что их принимали и одаривали «скудно», то царь мог разгневаться и обвинить местные власти в том, что они не рады рождению в его семье ребенка, а это могло уже иметь самые серьезные последствия. Через несколько дней совершался обряд крещения. Крестным отцом обычно бывал старец одного из первых монастырей (Троице-Сергиева, Чудова и т. д.), а крестной матерью — царевна. За «крестинный» стол приглашались те же, кто присутствовал и за «родинным» столом. Приглашенные дарили новому члену царской семьи многочисленные подарки. Угощение так же, как и в день рождения, предусматривалось для служилых людей и выбор-

ных горожан Москвы. Следует заметить, что рождение и крещение царевен отмечалось менее пышно и торжественно. Так, за «родинные» и «крестинные» столы приглашался ограниченный круг лиц.

Малютке царевне сразу же назначали «маму» из приближенных боярынь, которая руководила уходом за младенцем и воспитанием. Ей подчинялся штат мамок и нянек, непосредственно обихаживавших царскую дочь. Важную роль играла кормилица. Жила она в царицыных покоях и пользовалась особым почетом. Ее выбирали из нескольких кандидатов, в число которых попадали дворянки, жены приказных и служилых людей, а также жительницы московских слобод, физически здоровые, не замеченные в предосудительных поступках, у которых уже были здоровые дети и которые недавно родили очередного ребенка. Кормилицам полагалось особое «хлебное» и «мясное» жалованье, и им часто преподносились различные подарки от имени августейших родителей. Когда надобность в кормилице отпадала, мужей дворянок жаловали вотчинами или посылали на воеводство, мужьям из служилых или приказных людей «прибавляли чести и давали жалованья немало», а мужей горожанок награждали «немалым жалованьем», а также освобождали от податей, то есть кормилицы царских детей приносили своим семьям немалые доходы и привилегии. Подарки полагались и всем женщинам, приставленным к царевнам. Уже самым маленьким делали игрушки, девочкам в основном куклы. Причем довольно рано царевен приучали к рукоделию, преимущественно к вышиванию различных покровов, которые дарились церквям.

Курляндец Я. Рейтенфельс отмечал, что царские дети «воспитываются заботливо и тщательно». Тот факт, что царевны жили в строгой изоляции от посторонних (а о сестрах царя Алексея Михайловича — Ирине, Анне и Татьяне — он заметил, что они вообще «ведут монашеский образ жизни»), обычно не выходили из своих апартаментов и вынуждены были вести «сидячий образ жизни», Рейтенфельс считал причиной различных болезней. Однако известно, что у девочек-царевен имелись возможности развлекаться с приближенными женщинами и девушками, и не только во внутренних покоях, но и заниматься подвижными играми в садах царских резиден-

ций, отгороженных от посторонних заборами. Кроме того, царевны могли ездить с родителями по церквам и монастырям, и эти паломничества совершались не только в Москве, но и за ее пределами. Выходы или выезды царевен на люди обставлялись так же, как и царич: при посещении различных мест их отгораживали от посторонних суконными полотнищами, над их головами держали большие зонты, в церквах они стояли в завешенных тканями местах, ездили в экипажах с опущенными шторами. От этих строгостей начали отходить в 70–80-е годы XVII века. Как мы помним, царица Наталья Кирилловна делала попытки выйти из затворничества. Когда правительницей страны стала царевна Софья Алексеевна, она для себя и своих сестер ввела различные послабления, связанные с большей свободой в передвижении, в выходах на люди и т. д. А уж сестра царя Петра I, царевна Наталья Алексеевна, в 90-е годы вела себя, чего и желал брат, уже как европейская принцесса, посещавшая и официальные церемонии, и «ассамблей», и шумные застолья без каких-либо ограничений. За нею потянулись и племянницы Петра I — царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны.

Примерно в шести-семилетнем возрасте царевну начинали учить грамоте. Для этого назначали «мастерицу». Ее задачей было привить ученице навыки чтения, письма, счета, а также рукоделия. Царевны-девушки принимали по делам посетителей, одевались, питались, располагали собственными апартаментами и пользовались прислугой различных рангов в той же степени, что и царицы. Только на все это им выделялись средства «с убавкой» по сравнению с женами или вдовами государей. В их хоромы также привечались монахини, странники и странницы, блаженные и убогие, их также развлекали «карлы и карлицы», они также увлекались играми, хороводами и пением, также обожали в клетках птиц в ярком оперенье и также засыпали под проникновенные речи «бахарок», знавших множество сказок. Как и матери-царицы, царевны, радовали глаз статью и дородством. Но доля взрослых царевен была незавидна. После неудачного опыта сватовства иноземного принца, прочившегося в женихи Ирине Михайловне, от дальнейших попыток отказались. А выйти замуж за подданного считалось невозможным. Вот и вынуждены были царев-

ны коротать в одиночестве свой девичий век. Ведь ни муж, ни семья им не полагались! Ходили упорные слухи, что царевны имели любовников, разными способами избавлялись от детей. В особенности это касалось правительницы Софьи Алексеевны и ее сестер. Конечно, трудно было бы представить, что царевны никогда не влюблялись и совсем не встречались с мужчинами в интимной обстановке. Что касается царевен Софьи и Марфы, то их фавориты, по крайней мере некоторые, хорошо известны.

Когда царские дочери заканчивали свой земной путь, церемония отпевания в соборе и погребения была скромнее, чем у других членов царской фамилии. Хоронили их обычно в кремлевском Вознесенском девичьем монастыре, но иногда и в других монастырях.

Познакомимся с наиболее известными и яркими царевнами.

Царевна Ирина — неудавшаяся невеста

Первенцем царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны стала родившаяся 22 апреля 1627 года царевна Ирина. Этим именем девочку нарек духовник царя протопоп Максим, он же и первый молился о благополучных родах. За это счастливый отец пожаловал Максима дорогой шелковой тканью и сороком соболей. 25 апреля в Грановитой палате был «родинный» стол. Во главе его сидели патриарх Филарет и Лукьян Степанович Стрешнев (дедушки малютки), высшие церковные иерархи, бояре — князь И. Б. Черкасский, М. Б. Шеин, князь Д. М. Пожарский — и другие приближенные и придворные. Всего более 100 человек. Причем патриарху Филарету подносились подарки. Крещение царевны состоялось 6 мая в кремлевском Чудовом монастыре. Крестил ее все тот же протопоп Максим. Крестными отцом и матерью стали келарь Троице-Сергиева монастыря Александр Булатников и бабушка по материнской линии Анна Константиновна Стрешнева. Заметим, что при крещении присутствовали отец, царь Михаил Федорович, и дедушка, патриарх Филарет Никитич. В Золотой палате тогда же был устроен «крестин-

ный» стол во главе с патриархом и Л. С. Стрешневым. Гостей собрано было 32 человека, и Филарет Никитич опять получал подарки. Известно, что бабушка по линии отца, инокиня Марфа, очень любила Ирину, а та, в свою очередь, испытывала к ней те же чувства. Марфа, очевидно по болезни, не могла присутствовать на торжествах по случаю рождения и крещения царевны.

Ирина Михайловна была первой царевной новой династии. И это обстоятельство наложило отпечаток на ее судьбу. Тогда, в 1627 году, государь Михаил Федорович щедро одарил повивальную бабку суконной «шубкой» и «летником» из тафты. Постаралась не отстать от сына и инокиня Марфа: она подарила бабке «шубку» из персидской ткани. Не была обижена и кормилица царевны: ей царь Михаил пожаловал суконный «опашень» и шелковый «летник». Мать, царица Евдокия, пожаловала трех боярынь и кормилицу шляпами. Кормилица царевны Ирины получала подарки от царской четы и позже: в 1637 году от Евдокии Лукьяновны — сафьяновые сапоги, а в 1640 году от Михаила Федоровича английское черное сукно. Грудному ребенку нужны были игрушки. Уже в мае 1627 года была сделана белая атласная кукла. Известно также, что бабушка, инокиня Марфа, шила куклы для любимой внучки сама.

В хоромах маленькой царевны обивались сукном окна и двери. В 1629 году ей были сделаны: новая колыбель, обитая красным атласом с золотыми узорами, одеяло из красной камки с золотыми и серебряными изображениями, нагрудник из красной тафты. С трех лет Ирина была обряжена во «взрослые» одежды: в 1630—1636 годах ей кроют из золотой, красной гладкой и с разводами шелковой ткани «опашень», «летник», кафтан «на турецкое дело» с серебряными пуговицами, подбитые соболями две шубы, «телогрею», подбитый белкой «кортель» (зимнее одеяние), а также «приволоку» (верхняя накидка) на бобровом пуху.

У царевны были деревянный стульчик, «погребец», в котором хранились стеклянные сосуды, маленький «погребчик», обитый «нерповою кожей» и «немецким» железом, ларец, украшенный цветными рисунками, отделанный слюдой и обитый железом и оловом... Шестилетняя Ирина «для поте-

хи» пользовалась «немецкой» раскрашенной бумагой. Кукол своих она укладывала в игрушечные постели, с настоящими перинами и подушками. На новоселье, в новые хоромы девочки Ирины, бабушка, инокиня Марфа, пожаловала в 1630 году сорок соболей. Две связки по сорока соболей, но уже Ирине-девушке подарила в 1641 году, также на новоселье, ее мать, царица Евдокия.

Царь Михаил Федорович решил в какой-то степени пойти по стопам Бориса Годунова, который хотел устроить брак своей дочери Ксении с датским принцем Иоанном. Тот даже приехал в Москву, но скоростижно скончался. Михаил Федорович по просьбе датского короля Христиана IV вернул на родину прах Иоанна. Возможно, эта история натолкнула его на мысль, когда решено было выдать замуж царевну Ирину, искать жениха тоже в Дании. Царь Михаил желал упрочения авторитета династии Романовых в Европе путем брака с одним из европейских принцев, хотя, конечно, он сознавал всю сложность подобной затеи. Ведь неизбежно вставал вопрос вероисповедания жениха. Может быть, государь надеялся как-то уговорить его принять православие. Ирине в это время исполнилось всего тринадцать лет.

Сначала обратились к известному в России гамбургскому купцу Петру Марселису, который одновременно являлся приказчиком (торговым агентом) датской короны в Москве. Марселис в Посольском приказе обстоятельно охарактеризовал семейные дела Христиана IV. Два сына Ирине в женихи не подходили: один уже был женат и являлся наследником престола, другой был помолвлен. Третий сын, Вальдемар, двадцати двух лет, происходил от мorganатического брака Христиана IV с графиней Мунк. Марселис поведал, что король с его матерью расстался, так как ее упрекали в желании наслать «порчу» на сына. В то же время Вальдемара Христиан любил.

В Данию был послан «гонец», которому, между прочим, приказали проведать о семейных делах датского короля и особенно о принце Вальдемаре. Требовали даже заказать его портрет. Вернувшись в Москву, «гонец» поведал, что принц молод, хорош собой, образован (знал латынь, немецкий, французский и итальянский языки) и искусен в военном

деле. Его мать принадлежит к знатному роду. Портрета Вальдемара «гонец» достать не смог, но его интерес к принцу стал известен при датском дворе. На расспросы он ничего определенного не сказал, но королевский секретарь обнадежил, что король отпустит Вальдемара в Россию с посольством.

И вот в 1641 году датское посольство во главе с Вальдемаром прибыло в Россию. Переговоры касались в основном вопросов торговли: по поводу приезда датских купцов в Россию, условий их проживания, возвращения имущества владельцам с разбитых бурей кораблей. Все это устраивалось на общих для всех иностранцев основаниях. Попытки получить монопольные права в торговле кожами были отвергнуты. На просьбу Дании и Норвегии ежегодно покупать в России двести сорок тысяч пудов хлеба в Посольском приказе заметили, что в государстве уже не первый год неурожаем и хлеба не хватает самим. Конец переговоров Вальдемар и вовсе скомкал, потребовав, чтобы в грамоте имя датского короля было написано раньше имени царя Михаила Федоровича.

Посольство уехало. Казалось бы, Вальдемар проявил себя напористым и неуступчивым послом. Стоило ли на него «ставить» как на возможного кандидата в женихи царевны Ирины Михайловны? Оказалось, что стоило! Во всяком случае, так думал царь Михаил. В 1642 году он послал посольство в Данию. Одним из важных поручений послам было вручение Вальдемару подарков. Послам полагалось также всячески хлопотать о браке Вальдемара и царевны Ирины. В подмогу им выдали соболей, которыми они должны были щедро одаривать влиятельных лиц в Копенгагене. Но русских послов встретили неприветливо. Кроме того, когда зашел разговор о возможном брачном союзе, датская сторона отказалась выполнить требование о переходе Вальдемара в православие.

Неудача посольства не охладила желания Михаила Федоровича заполучить принца в женихи дочери. Решили отправить в Данию опытного Петра Марселиса. Царь обещал сделать своего будущего зятя «ближним приятелем», оказать ему «большую честь». Вальдемару были обещаны также щедрые пожалования именьями и казной (в их числе города Суздаль и Ярославль с уездами). Причем объявили, что принуждать принца переходить в православие не будут. На этих условиях

Марселису удалось договориться, и осенью 1643 года Вальдемар с послами и свитой отправился в Россию. В Москву он въехал 21 января 1644 года. Сразу же начались переговоры о статусе принца в России и о решении вопросов о торговле. Сам царь Михаил Федорович 4 февраля навестил Вальдемара в специально выстроенных для него хоромах.

Однако сразу же камнем преткновения стал вопрос о вере. В Копенгагене хитрый Марселис всячески его сглаживал. Теперь же принялись уговаривать кандидата в женихи принять православие. Михаил Федорович 13 февраля принял Вальдемара уже у себя, во внутренних покоях. Царь начал говорить о том, что король Христиан IV, как сообщали датские послы, велел принцу слушаться русского государя. Последовал упрек Вальдемару за его отказ поменять веру. Принц не поддался. Тогда Михаил заявил, что отпустить упряма он не может, опасаясь международного скандала. Вальдемар обещал подумать. Однако последовавшая затем переписка принца и царя ничего нового не дала. Видимо, царь Михаил Федорович рассердился на Вальдемара и лично с ним не встречался. Оставались без ответа и просьбы упрямого кандидата в женихи отпустить его в Данию. Вальдемар стал обращаться к главе правительства, боярину Федору Ивановичу Шереметеву, но тщетно. Принц нервничал. Ответом русской стороны стало усиление охраны его резиденции и обращение к датским послам, чтобы они уговорили строптивца, на что те ответили отказом. Безрезультатно увещевал Вальдемара в специальном письме и патриарх Иоасаф. Принц теперь лишь просил отпустить его домой.

А что же царевна Ирина Михайловна? Ее никоим образом не привлекали к контактам с Вальдемаром. Мало того, ее, по старомосковскому обычаю, вообще ему не показывали. Сама Ирина тайно могла видеть кандидата в женихи во время какой-нибудь официальной церемонии. Любопытно, что обшавшиеся с принцем бояре клялись, что Ирина пригожа, отличается умом и скромностью. Проверить это каким-либо образом Вальдемар не мог: ведь ему даже не подарили портрета предполагаемой невесты, поскольку это было не принято. И совсем уж курьезное: Вальдемара уверяли, что царевна не напивается допьяна (ведь известно, что иностранные ме-

муаристы любили обвинять русских, как мужчин, так и женщин, в привычке к пьянству).

Принц томился-томился взаперти на своем дворе, да и решился на отчаянный шаг. 9 мая 1644 года члены его свиты напали на стрелецкий караул, как только им отказали в просьбе выйти в город. Причем одного стрельца убили, а шестерых ранили. Выяснилось, что под прикрытием столкновения Вальдемар хотел бежать, однако ему досталось от стрельцов. Принц признался, что стрельца убил он, и это еще более усилило недовольство царя Михаила Федоровича.

Между тем прошли лето и осень, а дело с места не сдвинулось. И вот 29 декабря 1644 года царь Михаил лично подтвердил свое решение: без принятия православия Вальдемар жениться на Ирине не может, а отпустить его в Данию нельзя, поскольку король Христиан IV отдал принца царю «в сыновья». Не помогли даже уговоры приехавшего в Москву в 1645 году польского посла, который склонял Вальдемара к уступкам по политическим расчетам и соображениям безопасности: а ну как царь так прогневается, что сошлет принца в отдаленные места! Но датский упрямец не уступал, а 25 июня было объявлено, что он заболел.

Перемена веры в то время не была чем-то необычным. Так, старший современник датского принца, Генрих Наваррский, перешел из протестантской веры в католичество, чтобы стать французским королем. Но Вальдемар проявлял прямо-таки исключительную твердость. Считается, что на принца сильно влиял находившийся при нем пастор, связанный со шведским двором, не желавшим брака Вальдемара с Ириной. Кроме того, негативное впечатление на датского искателя руки русской царевны произвели старомосковские обычаи, не позволявшие ему жить в Москве свободно. Русский двор сильно отличался от дворов европейских монархов византийскими традициями.

Лишь после того, как 12 июля 1645 года царь Михаил Федорович умер, вступивший на престол Алексей Михайлович отпустил Вальдемара домой. Когда это случилось, Ирина Михайловна входила в пору девичьей зрелости, ей было восемнадцать лет. Царевну окружало множество вещей, которые полагалось иметь девушке ее положения. Очевидно, в 1645 го-

ду ее любимая шкатулка, шитая золотом, была обита кованым серебряным кружевом и для нее сшит футляр из красного сукна. Тогда же мать, царица Евдокия, подарила Ирине зеркало турецкой работы в кожаной раме, оклеенной красным бархатом, а «по бархату шиты травы золотом волоченым, около трав обнизано жемчугом». У Ирины Михайловны также имелись: четыре опахала (одно из павлиньих перьев с зеркалом, а три из страусовых перьев, одно из них также с зеркалом), «осиновая» белая коробочка, в которой хранились девятнадцать стеклянных сосудов, три погребца, шесть «поставцов троецких», деревянных, расписанных красками, а седьмой — «походный в сукне» — ящик деревянный, в котором содержались восемьдесят стеклянных сосудов, ларчик «турецкой нарезан раковинами, пробойцы и спереди личинки серебряны, а в нем ложечка и гребешек турецкий», алая, шитая золотом и серебром атласная шкатулка, обложенный красным бархатом «ларчик» с «вислым замочком». Тогда же царевна подарила своим сестрам: Татьяне — два хрустальных зеркала (одно в кожаной, золоченой и раскрашенной раме, а другое «в деревянном ободу», расписанном сусальным золотом и красками), а Анне также хрустальное зеркало в кожаной раме.

Точно не известно, как отнеслась царевна Ирина к неудавшейся миссии Вальдемара. Смеем лишь предположить, что девушка могла серьезно расстроиться от рухнувших надежд на замужество, в чем ее вины не было. Единственно, что «подслащивало» неизбежную горечь, было осознание того высокого положения, которое Ирина Михайловна заняла при дворе своего брата, царя Алексея Михайловича. Когда они оба, вместе с сестрами, в 1645 году потеряли и отца, и мать, по традиции некоторые родительские права во внутрисемейных делах должны перейти к старшему по возрасту. А старшей была царевна Ирина! Существует масса свидетельств, что царь Алексей исключительно уважительно относился к сестре, даже называл ее «матушкой». Особенно характерны в этом смысле письма государя, написанные во время его пребывания в войсках в 1654—1656 годах, когда шла война с Речью Посполитой. Хотя послания были обращены ко всей семье и, очевидно, читались вслух, на первое место Алексей Михайлович всегда ставит царевну Ирину.

Официальным подтверждением высокого ранга нашей героини служит и то, что она была крестной матерью в 1648 году первенца в семье брата-царя, царевича Дмитрия, а в 1654 году — царевича Алексея; правда, оба мальчика рано умерли. В 1672 году Ирина стала крестной матерью сына царя Алексея Михайловича от второго брака, царевича Петра (будущего Петра Великого). В последние годы жизни царь Алексей, по некоторым сведениям, несколько отдалился от старшей сестры. Возможно, она была не в восторге от его второго брака — с Натальей Нарышкиной, хотя известно, что Ирина в 1671 году первая благословила Алексея Михайловича на этот шаг.

Жизнь шла своим чередом. В 1649 году ее хоромы обиваются красным сукном. В 1648—1653 годах у Ирины появляются новые зеркала. Не забыты и постельные принадлежности: чинится соболье одеяло и кроится новая «наволока» на пуховик. «Собирается» новое «подножье» на собольем меху. Для дорогой утвари и ювелирных изделий («кипарисного» ларчика и серег) кроются суконные футляры. Тогда же Ирина Михайловна продолжает традицию одаривания окружающих: шелковым ожерельем — брата-государя; золотой братиной, серебряными чаркой и колокольчиком — своего крестника, царевича Дмитрия; церковь Спаса, что у Государя в Сениях, — хрустальным зеркалом, что когда-то ей преподнес дедушка, патриарх Филарет; маленькую племянницу, царевну Евдокию Алексеевну, — соболями; царевен (видимо, также племянниц) — сорочками; «девку» Марию Голохвостову — беличьим мехом и лисьей шапкой; «верховых девок и карлиц» — тканями; «девок Соболю да Смирну» — куными треухами; «карлицу» Маньку — сапогами; «Катерину-дурю» — коробом.

Ирина Михайловна активно занималась собственным хозяйством. Ей принадлежало подмосковное село Рубцово — наследство бабушки, инокини Марфы. Здесь она жила подолгу, благоустраивая имение садами, рукотворными прудами и пр.

В последние годы жизни царевна Ирина Михайловна собирала изящные безделушки, в основном статуетки. Так, ей принадлежали: крылатый змей с человеческой головой во рту, три «немки» с сосудом в руках, братина и «лохань», «мужик»

с лошадей и сохой, «караблик» на колесах, попугай, «телец», баран, птичка...

Скончалась Ирина в 1679 году на пятьдесят втором году жизни. По ее желанию похоронена она в Новоспасском монастыре рядом с могилой любимой бабушки, инокини Марфы. В 1682 году десятилетний мальчик-царь Петр I присутствовал на поминальной церковной службе по своей крестной. И позже крестник ее не забывал.

Царевна Татьяна — тетка Петра Великого

Царевна Татьяна была восьмым ребенком в семье царя Михаила Федоровича и царицы Евдокии Лукьяновны. Она родилась 5 января 1636 года. Крестили малютку 24 января в кремлевском Чудовом монастыре. «Крестинный» стол в Столовой избе устроили скромный: присутствовали патриарх Иоасаф, три боярина и окольный. Последнее неудивительно. Особо радостными событиями были рождения первой дочери, царевны Ирины, и царевичей, любой из которых мог впоследствии унаследовать престол. Татьяна же была пятой царевной. И это обстоятельство превращало ее рождение почти в будничное событие. Кто мог предвидеть, что Татьяна проживет дольше всех детей царя Михаила Федоровича и увидит XVIII столетие, принесшее России столько нового.

В январе 1636 года кормилице малютки Татьяны, Пелагее Трофимовой, по указу государя и государыни был сделан за казенный счет целый набор различного платья: «шубка» из английского светло-зеленого сукна, два «летника» (один из камки, а другой из персидской лазоревой ткани), две «телогреи» из персидской ткани, подбитые беличьим мехом. Но этого оказалось мало: в марте кормилица обзавелась еще «телогреей» из той же ткани и «шубкой» из красного сукна, а в апреле она обулась в новые желтые «сафьянные» сапоги. Такую же обувь кормилица Палашка получала в 1637 и 1638 годах. Любопытно, что кормилицам царских детей полагалось годовое хлебное и мясное «жалованье».

Постоянные заботы окружавшей царевну прислуги, детские игры перемежались праздниками, из которых едва ли не

самым радостным был день ангела. Так, в 1641 году, когда Татьяне исполнилось пять лет, особыми пирогами одарили десять боярынь, одну боярышню, двух жен окольничих и девять приближенных женщин-дворянок.

В семь лет Татьяну стали учить грамоте. В наставницы ей определили вдову, «мастерицу» Марью. Учительниц также принято было одаривать подарками. Вот и Марье царица Евдокия дарит полку «убрусную» и полотно. Учение продолжалось, и в 1645 году «мастерица» получает подарки от матери-царицы: вишнево-зеленую и красную шелковую ткань, а также соболей. Но не одна «мастерица» занималась обучением царевны. Особенности церковной службы Татьяна постигала в храме; например, в 1643 году она учила «заутреню» в Рождественском храме, что у Государя в Сениях. Протопопу собора Еремею с «братъею» за это пожалована «полтина».

Царевна Татьяна Михайловна, как и положено, имела в Кремле собственные хоромы. В 1649 году там заново обивали красным сукном окна и двери, а в 1651 году из того же материала сделали новые занавески. Постоянно заботились и о царевниной постели: обновлялся гусиный пух в «пуховике», кроились новые наволочки. Шились Татьяне и различные предметы одежды: чулки, желтые «сафьянные чеботы», низанная жемчугом «перевязка», «летник», отделанный бархатом черного цвета с вышитыми золотыми и серебряными «травками», и т. д. Ей же было сделано «подножье», утепленное собольим мехом, и оклеен красным бархатом «кипарисный» ящик. Для Татьяны приобретались в торговых рядах и любопытные вещицы: в 1649 году — «зрительная трубка», а в 1653 году — «монастырек» (по сути — несессер затейливой формы), в котором хранились «два ножичка, да ноженки, да вилки, да свайка, да зубочистка». Получала царевна и подарки. В 1643 году старшая сестра Ирина подарила ей «зеркало хрустальное в деревянном ободу, около стекла по левкасу писано сусальным золотом с красками». Мать, царица Евдокия, в 1649 году подарила царевне серебряные, позолоченные «лохань» и рукомойник. На новоселье в 1652 году ей были «принесены» пять сороков соболей. Случалось, и сама Татьяна одаривала близких людей. Так, в 1652 году она пожаловала княжнам Марье Шаховской и Пелагее Друцкой наряд-

ный «летник» из алой шелковой материи и куски разноцветной шелковой ткани.

Царевна Татьяна Михайловна была сильно увлечена реформаторской деятельностью, да и личностью патриарха Никона, этой крупной фигуры русской церкви XVII века. Как известно, звезда Никона начала восходить в 40-е годы, когда он стал архимандритом московского Новоспасского монастыря, являвшегося усыпальницей Романовых, а затем и новгородским митрополитом. Его карьера объясняется личной заинтересованностью царя Алексея Михайловича, считавшего Никона своим духовным наставником. Наконец по прямому указанию государя в 1652 году его избирают патриархом.

Однако с течением времени отношения между царем и патриархом ухудшились. Причин было несколько: и властный, неуживчивый характер Никона, и его стремление поставить «священство выше царства», и раздражавший Алексея Михайловича назидательный тон обращений первосвященника, и критика патриарха со стороны страдавшего от его своеволия духовенства. Царь Алексей стал отдаляться от своего бывшего душевного приятеля, перестал посещать его литургии. Никон решил пригрозить. В 1658 году он публично заявил, что снимает с себя патриарший сан и удаляется в монастырь. Но этот жест царя не испугал. Дело об официальном отречении Никона от патриаршества затянулось. Канонически решить это мог церковный собор с участием других патриархов. Такой собор удалось собрать только в 1666 году, и Никон был лишен и архиерейства, и священства. Его сослали простым монахом в далекий Ферапонтов монастырь в Белозерском крае.

Татьяна Михайловна искренне переживала за Никона. Но пока был жив старший брат царь Алексей Михайлович, она мало что могла сделать для бывшего патриарха. Но со смертью брата в 1676 году и вступлением на престол племянника, царя Федора Алексеевича, царевна Татьяна нашла в хлопотах за Никона выход своей немалой энергии.

Она постоянно обращалась к Федору с просьбами облегчить участь опального и перевести его из далекого Ферапонтова в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь на реке Истре, который был им когда-то создан. При этом весьма

влиятельным противником различных послаблений для Никона являлся патриарх Иоаким. Формально его позиция была безупречна: раз Никон низложен с сана и сослан по решению собора с участием вселенских патриархов, то изменить что-либо в его судьбе можно только с их согласия. Но разумеется, Иоаким опасался популярности Никона в придворных кругах и не желал приближать его к Москве, видя в этом угрозу своему авторитету первосвященника.

Очевидно, Татьяна Михайловна сыграла определенную роль в принятии решения о созыве церковного собора по этому делу. Но высшие иерархи русской церкви не пожелали облегчить участь старика. Тогда Татьяна уговорила царя Федора Алексеевича написать Никону милостивое письмо.

Годы и подорванное лишениями здоровье дали о себе знать. Семидесятипятилетний Никон в 1681 году заболел. В это время царь Федор Алексеевич приказал перевести его в Воскресенский монастырь. Но в дороге бывший патриарх умер. Татьяна Михайловна настояла на том, чтобы Никона похоронили в Воскресенском монастыре, причем отпевали по архиерейскому чину, на что также потребовалось распоряжение царя Федора. Опять-таки во многом благодаря хлопотам царевны Татьяны в 1682 году восточные патриархи разрешили поминать Никона в церкви как патриарха. Место упокоения своего героя Татьяна Михайловна не забывала, а в 1691 году даже преподнесла Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю в дар святые мощи мученицы Татьяны.

Кровавый 1682 год дал возможность Татьяне Михайловне прикоснуться к государственной политике. Так, 26 июля она, по докладу дьяка Е. И. Украинцева, распорядилась от имени государей послать на Двину грамоту воеводе, чтобы он всячески убеждал местных людей не верить смутьяну, холмогорцу Максиму Окулову, и не учинил «всякое дурно и несогласие». В этом году авторитет царевны Татьяны вырос. Она встала на сторону Милославских, поддержав совместное правление Ивана V и Петра I. Именно после ее упреков царица Наталья Кирилловна вынуждена была объяснять факт увода десятилетнего царя Петра из собора до окончания панихиды по покойному царю Федору Алексеевичу усталостью ребенка. В то же время у нас нет сведений, что строгая поборница обычаев

Татьяна Михайловна попеняла Софье, чье вызывающее поведение так оскорбляло царицу Наталью.

В правление Софьи царевна Татьяна пользовалась почетом при дворе и располагала куда большими материальными возможностями, нежели раньше. Она фактически становится старшей в доме Романовых. Формально таковой должна была быть ее старшая сестра, царевна Анна Михайловна. Но Анна — бесцветная и ничем себя не проявлявшая царевна, — очевидно, не противилась узурпации почетного места более энергичной и целеустремленной младшей сестрой. Благодаря хорошим отношениям с правительницей Софьей и взятой на себя роли старшей тетки царей и царевен — потомков царя Алексея Михайловича — Татьяна Михайловна располагалась на официальных мероприятиях выше, чем это было положено ей по статусу царевны. Так, 5 июля 1682 года, во время памятного диспута о вере в Грановитой палате между официальным духовенством и раскольниками, Татьяна сидела на царских тронах вместе с Софьей. Царица Наталья Кирилловна сидела ниже, в простом кресле, что, конечно, унижало ее.

Падение Софьи и возвышение Петра I, казалось бы, должны были сильно отразиться на судьбе нашей героини, однако видимых перемен в ее положении не произошло. Петр I, конечно, помнил о предпочтениях тетки в 1682 году и позже, но почитал ее как старшую в семье. Именно царевна Татьяна в 1690 году стала крестной матерью его первенца, царевича Алексея Петровича. Любопытно, что в 1693 году она стала крестной матерью и царевны Анны Ивановны, будущей императрицы. В письмах из Архангельска в этот период царь Петр не забывал специально «кланяться» тетке Татьяне.

В 80–90-е годы комнаты царевны обивались зеленым сукном. Потолок ее передней комнаты расписывался под ночное звездное небо, а средней (как и стены) был расписан узорами на сером фоне. В 1693 году в двух комнатах перестелили полы (потребовалось восемьсот «дубовых кирпичей»), сделали новые перегородки, двери и лавки, вставили новые «слюдяные окончины», повесили новый фонарь. В 1684 году Татьяна в хоромы поставили четыре новых стола, три метра на полтора, и еще один стол в метр шириной. Ножки у столов были

точены, а столешницы расписаны красками и золотом. В их описании сказано, что в центре нарисованы были двуглавые орлы, а по бокам — аллегорические фигуры, символизовавшие четыре времени года. Окаймлялись эти изображения рисунками разных птиц. Очевидно, Татьяна Михайловна предпочитала зеленый цвет. Вот и кресло ее обивалось в 1696 году зелеными сукном и атласом.

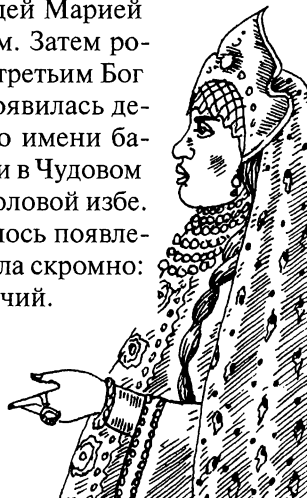
В числе других членов царской фамилии Татьяна Михайловна устраивала в специальных комнатах поминальные угощения для нищих. В 1699 году в течение девяти дней приглашались двести двадцать человек. В 1700 году Петр распорядился вместо «поденной» пищи ежегодно выдавать царикам и царевнам на питание денежные суммы. Царевне Татьяне полагалась самая большая — три тысячи рублей. Пользуясь своим почетным положением при дворе Петра, Татьяна Михайловна старалась, как могла, облегчить участь опальных царевен. Так, она писала душевные письма племяннице Марфе Алексеевне (в монашестве Маргарита), хлопотала о докторе для нее, высылала ей деньги.

Скончалась царевна Татьяна Михайловна 23 августа 1706 года на семьдесят первом году жизни. Младший ребенок основателя династии Романовых, царя Михаила Федоровича, прожил самую долгую жизнь по сравнению со своими братьями и сестрами.

Участливая царевна Марфа

Царь Алексей Михайлович страстно желал, чтобы у него родился сын. Его первенец от брака с царицей Марией Ильиничной, царевич Дмитрий, умер годовалым. Затем родилась дочь, царевна Евдокия. Молились, чтобы третьим Бог дал мальчика. Но 26 августа 1652 года на свет появилась девочка. Назвали ее Марфой в честь монашеского имени бабушки царя Алексея. 5 сентября малютку крестили в Чудовом монастыре. «Крестинный» стол был устроен в Столовой избе. По уже сложившейся традиции, когда дело касалось появления на свет очередной царевны, церемония прошла скромно: присутствовали патриарх, два боярина и окольниковый.

«Мамкой», в чью обязанность входило руководство по уходу и воспитанию ребенка, назначили боярыню Ульяну Петровну Шереметеву. Кормилицу выбирали из нескольких кандидаток. Семь женщин проживали в Конюшенной слободе, а одна была женой придворного истопника. Все они уже имели по нескольку детей и, самое главное, недавно родили. Выбрана была Аксинья, жена крестьянина Конюшенной слободы Андрея Носова. Аксинье Носовой дал характеристику ее духовный отец, священник церкви Святых Афанасия и Кирилла, «что на Сивцове Вражке», Василий. Он ручался, что кормилица — «жена... добрая, не пьет и не бражничает, и воровства за ней никакова нет, и прискорбь никакую за ней не слышал». Кормилица Аксинья в 1653 году неоднократно получала различные подарки от родителей девочки. Это (в хронологической последовательности) серебряный позолоченный крест с финифтью, окованный железом ларец, тюфяк и изголовье, хрустальное зеркало в раме из красной кожи и гребень, дорогой воротник для платья, отделанный золотом, серебром и красным шелком, шелковый поясок, красная коробья «с нутряным замком», серебряные серьги, шапка из красного атласа, обшитая золотом и серебром, желтые «сафьяновые» башмаки и чулки. На все это было потрачено одиннадцать рублей, что составляло сумму, сопоставимую со средним годовым жалованьем московского подьячего.

С первой серьезной опасностью в жизни царевна Марфа столкнулась еще в двухлетнем возрасте. В Москве в 1654 году вспыхнула эпидемия чумы. Царская семья срочно покинула город. Когда царевнам исполнялось лет шесть-семь, их, как это было принято, начинали учить грамоте. Вот и Марфе в «мастерицы» определили Авдотью Пыпину. Но, как видно, особого интереса к знаниям царевна не проявляла.

Едва ли не самым радостным праздником в ее жизни были именины. В 1668—1669 годах у шестнадцати-семнадцатилетней Марфы в гостях бывало по четырнадцать боярынь, по пять-шесть жен окольничих и стольников. Кроме них именниницу посещали грузинская царица Елена и жена сибирского царевича Петра. Всем женщинам дарились именинные пироги. Но они различались по качеству: царице, жене царевича и боярыням — пироги с маком, женам окольничих —

пирог «крупчатые» с маком, а женам стольников — пироги с сыром. К совершеннолетию царевна Марфа была стройной, дородной, красивой девушкой. Ее первый выход «в свет» произошел в присутствии антиохийского патриарха Макария, приглашенного в Россию для участия в церковном соборе по делу бывшего патриарха Никона. Макарий вручил барышне особую благословенную грамоту.

1669 год изменил жизнь царевен и царевичей — дочерей и сыновей царя Алексея Михайловича. Умерла их мать, царица Мария Ильинична. Опекать детей брата-царя (а их было восемь: шесть царевен и два царевича) стали их тетки. Особенно любила Марфу тетка Татьяна Михайловна, бывшая, по-видимому, ее крестной матерью. Марфа искренне называла ее «матушкой». Их близкие отношения с тех пор не прерывались.

Вторую женитьбу царя Алексея Михайловича — на Наталье Нарышкиной — его старшие дочери встретили без особой радости. На людях им приходилось проявлять всяческое уважение к новой царице, но за глаза они называли ее Наташкой (ведь та же Марфа была всего на год моложе мачехи). И чем дальше, тем больше усиливалось раздражение царевен по поводу молодой жены отца. В ней они видели причину его явного охлаждения к детям от первого брака. Кроме того, проявлялась естественная женская зависть. Их сверстница, царица Наталья, нашла свое счастье, рожала детей, а они были обречены на безбрачие и затворничество. Свое нерастраченное материнское чувство участливая Марфа Алексеевна могла как-то удовлетворять, заботясь о жившей у нее в хорамах безногой девочке.

Марфа также особо сблизилась со своей сестрой, царевной Софьей, которая была моложе на пять лет. Абсолютно разные по характеру (Марфа мягкая, лиричная, с развитым женским началом, а Софья твердая, умная и целеустремленная), они, вероятно, дополняли друг друга. Известный польский автор отметил, что Марфа «ни во что не вмешивается». Он имел в виду, что в политической жизни царевна не принимала участия. Поэтому никакой заслуги нашей героини в том, что ее любимая сестра Софья стала правительницей страны, не было.

Правление Софьи Алексеевны стало лучшим временем жизни для ее сестер. Они получили большую свободу, им выдавалось больше денег на собственные надобности. В этот период особенно заметно новое строительство и ремонт в хоромах царевен. В апартаментах Марфы Алексеевны обновили стены, двери и окна. Затем стены обили сукном, поставили новые лавки, два «поставца» в два метра шириной и метр высотой, стол с ящиком. В новых помещениях повесили шторы из шелковой материи, на лавки постелили суконные «полабочники», потолки и стены двух комнат и чуланов покрывали шелковыми чехлами, а третий чулан обили зеленой тафтой. Марфе также сделали складной деревянный позолоченный стул, обитый черным бархатом. Для занятий рукоделием были заказаны новые двенадцать липовых пяльцев.

Поговорка «друг познается в беде» в полной мере применима к царевне Марфе Алексеевне. Когда царевна Софья потеряла власть и оказалась под арестом в Новодевичьем монастыре, Марфа в полной мере проявила свое участие в судьбе младшей сестры и подруги, хотя, казалось бы, можно было отдалиться от опальной. Но наша героиня поступила наоборот, как бы не задумываясь о той опасности, которая ей грозила. Марфа Алексеевна придумывала способы общаться с Софьей через доверенных лиц. Трудно сказать, насколько серьезно Марфа вмешалась в политику. Раньше это было для нее нехарактерно. Однако она оказалась втянутой в восстание московских стрельцов 1698 года.

Все началось с похода к Москве без приказа четырех московских стрелецких полков из-под Великих Лук, где они находились на службе. В Москве в это время было неспокойно. Царь Петр в составе Великого посольства находился за границей. Ползли слухи один хлеще другого: царя Петра за границей «подменили», царь Петр за границей «сгинул»... В Москве говорили о «чудных» делах в Кремле. Будто бояре хотели задушить царевича Алексея Петровича, но его спасли, переодев в чужое платье, и после этого царицу Евдокию озлобленные бояре «били по щекам». Причем царевна Марфа казалась чуть ли не душой заговора. Она якобы имела контакты с двигавшимися к столице стрельцами, торопила их и рассчитывала с их помощью совершить государственный переворот

в пользу сестры Софьи. Общалась она со стрельцами через стрельцких жен («стрельчих»), а с сестрой Софьей — через свою постельницу Жукову, которую предупреждала, что если ее схватят власти, то будут пытаться; себе царевна предрекала монастырь.

Что здесь правда, что вымысел — понять трудно. В основе этих сведений лежат и слухи, и признания, полученные под пыткой или под угрозой насилия. После того как мятеж стрельцов был подавлен — особенно с приездом Петра I из-за границы, — велось весьма пристрастное следствие. В числе привлеченных и пытаных оказались постельницы царевен Софьи и Марфы. Петр лично допрашивал обеих сестер. Так, Марфу он допрашивал дважды, 24 сентября и 8 октября. В первый раз Марфа (возможно, не обошлось без применения силы крутым сводным братом) призналась, будто общалась Софье, что стрельцы хотят посадить ее на трон. Затем была проведена очная ставка царевны с оговорившей ее «с пытки» постельницей.

Вряд ли умный Петр верил, что Марфа могла быть одной из руководительниц заговора, и, уж конечно, он не верил в показания, добытые под пытками, будто фаворита Марфы, дьякона Ивана Гавриловича, мятежники наметили в «канцлеры». Связь Марфы Алексеевны с дьяконом, о которой упоминает и австриец Корб, понять можно. Хоронить себя заживо еще нестарая женщина не хотела. Что же касается заговора, то, вероятно, Марфа, зятая в него политическим водоворотом, хотела поспособствовать любимой сестре вернуть власть. Но быть заговорщицей по своим личным качествам она не могла. Да и был ли заговор? Сам мятеж стрельцких полков был спонтанным. Его причиной явилось бедственное положение и крайнее недовольство стрельцов начальством.

Поскольку прямого участия в заговоре ни Софьи, ни Марфы доказано не было, Петр их оставил в живых. Обе сестры были пострижены в монахини. Сорокашестилетняя Марфа, в монашестве Маргарита, оказалась в женском Успенском монастыре, что в Александровой слободе (ныне город Александров). Ее приняли в монастыре с честью, как царскую дочь, поместили в особую келью — точнее, использовали царские хоромы, перенесенные с бывшего царского двора в сло-

боде. Жилище нашей героини было построено из белого камня и крыто тесом.

Петр I не поспешил на содержание сестер-монахинь. Так, Маргарита получала ту же ежегодную сумму, что и до пострига: 2,6 тысячи рублей. Ей предоставлялась относительная свобода: никакого караула приставлено не было, лишь игуменье предписывалось надзирать за высокопоставленной монахиней. Более того, Маргарита сохранила в монастыре свой двор: штат боярынь, боярышень и женщин-прислужниц. Продукты поставлялись из дворцового ведомства. Правда, иногда они подвозились с опозданием, а качество снеди оставляло желать лучшего.

Царевна-монахиня рассылала письма с жалобами на свое бедственное положение князю-«кесарю» Ф. Ю. Ромодановскому, особо приближенному к царю Петру I, влиятельному царскому дяде Л. К. Нарышкину. Но чаще всего Маргарита обращалась к тетке, «матушке» Татьяне Михайловне. Тут жалобы и на задержки с выплатой денег, и на плохое качество еды. А тут пришли болезни. Обострилась подагра, появились хрипы в легких. Маргарита просила тетку хлопотать о присылке к ней «дохтура Лаврентия молодого», который, очевидно, был хорошо знаком с ее болезнями. Татьяна Михайловна хлопотала, как могла: и денег племяннице высылала, и врач не без ее участия навестил больную.

Тяжелым ударом для Маргариты стали кончины сначала сестры Софьи в 1704 году, а затем и «матушки» Татьяны Михайловны в 1706 году. В память о них Маргарите досталась некоторая утварь: блюда, подсвечник, ложка. В последние годы царевна в основном читала богослужебную литературу. Известно также, что она вышивала (это занятие всегда было ею любимым).

По монастырским преданиям, инокиня Маргарита не чувствовала обычной монашеской работы: носила кирпичи, убирала вместе с другими сено, занималась в своем небольшом саду. Ее навещали оставшиеся на свободе сестры — царевны Мария и Феодосия.

Сохранило предание и рассказ о том, как царь Петр I внезапно приехал в монастырь и застал уже немощную сводную сестру за чтением; это умилило грозного государя. Есть точ-

ные известия, что Маргариту тайно навестил в 1706 году царевич Алексей Петрович по пути в Суздаль для встречи с находившейся там матерью-монахиней.

После смерти тетки Маргарита вынуждена была писать о своих скорбях царевне Наталье Алексеевне, влиятельной сестре царя Петра. Ее главной просьбой было поспособствовать новому приезду «дохтура Лаврентия». Маргариту одолевали различные хвори, которые ей, с детства склонной к полноте, а теперь чрезвычайно тучной, переносить было особенно тяжело. Но врача не прислали.

На пятьдесят пятом году жизни, 19 июня 1707 года, Марфа-Маргарита умерла и была похоронена в Успенской обители.

Царевна-правительница Софья

Царевна Софья Алексеевна представляет собой непревзойденный феномен не только в отечественной, но и европейской истории Нового времени. Это единственный случай, когда в течение нескольких лет страной правила дочь покойного государя при живых государях-наследниках и вдовах государей. Применительно к России этот факт еще более удивителен, ибо здесь в соответствии с традицией царевны не только не допускались к какому бы то ни было участию в политической жизни, но и вообще жили как затворницы, которых посторонним видеть было нельзя. Прорваться к власти в таких условиях могла лишь личность выдающаяся.

Царевна Софья Алексеевна родилась 17 сентября 1657 года. Она стала третьей дочерью царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны. «Родинный» стол был собран 1 октября в Золотой палате. В качестве приглашенных значились патриарх, царевичи Грузинский, Касимовский, два Сибирских, а также бояре и окольные. Крестили Софью 4 октября в Успенском соборе. «Крестинный» стол устроили в той же Золотой палате. За ним сидели патриарх, два боярина и окольные. «Мамкой» царевны назначили боярыню княгиню Анну Никифоровну Лобанову-Ростовскую, годовое жалованье ей положили в пятьдесят рублей. В кормили-

цы определили некую Марфу Кузьмину, которая позже была пожалована в постельницы.

Довольно рано, к девяти годам, царевна Софья стала заметно выделяться среди своих сестер. К этому времени она уже прошла курс, как бы мы сейчас сказали, начального образования у специально приставленной «мастерицы». На этом и заканчивалась «школа» для других царевен. Софья же отличалась необыкновенной живостью ума, страстью к знаниям и желанием быть лидером, не уступать своим братьям в развитии. Поэтому она, единственная из сестер, продолжила образование — и не у кого-нибудь, а у самого Симеона Полоцкого, признанного интеллектуального лидера образованных людей второй половины XVII века, влиятельного идеолога складывающейся в России абсолютной монархии, советника царя Алексея Михайловича в делах науки и культуры. Одновременно Полоцкий преподавал и братьям Софьи — царевичам Алексею и Федору.

Так царевна Софья Алексеевна стала одним из образованнейших людей своего времени и уж точно самой образованной женщиной. Она знала древние (греческий и латинский) и польский языки, писала стихи, участвовала в представлениях придворного театра, устроенного для царя Алексея Михайловича боярином А. С. Матвеевым, где шли пьесы ее учителя: «Комедия о Навуходоносоре», «Притча о блудном сыне», «Юдифь» и т. д. Страстным увлечением Софьи была история, как отечественная и современная европейская, так и древняя — Рима и Византии.

Особенное впечатление произвела на Софью история византийской царевны V века Пульхерии. Пульхерия жила в монастыре и приняла обет целомудрия. Когда умер отец, император Аркадий, и на престол вззошел малолетний брат Феодосий II, царевна, пользовавшаяся безграничным влиянием на нового государя, в шестнадцать лет с титулом августы стала править страной. Она имела славу мудрой правительницы, умело выбирала людей на различные посты, построила храмы и монастыри, покровительствовала наукам и искусствам. Кроме того, Пульхерия подыскала невесту своему брату-императору, талантливую и просвещенную девушку, занимавшуюся поэзией и переводами Священного Писания.

После смерти брата Пульхерия стала императрицей и по политическим соображениям вышла замуж за сенатора Маркиана с сохранением данного в юности обета целомудрия. Маркиан в качестве императора унаследовал византийскую корону с уходом Пульхерия в мир иной.

Софья-подросток видела себя второй Пульхерией! Ее братья, которые могли претендовать на престол после отца, отличались слабым здоровьем и не превосходили амбициозную сестру талантами. Почему бы ей не повторить успех византийской царевны? Да и знаменитый Симеон Полоцкий ценил свою ученицу. Так, он подарил ей одно из своих основных произведений — «Венец веры», сопроводив специальными стихами, посвященными царевне Софье Алексеевне. А царевна прилежно изучала все произведения Полоцкого.

В 1669 году умирает мать, царица Мария Ильинична. Софье пока лишь двенадцать лет. В 1671 году отец, царь Алексей Михайлович, женился второй раз, на Наталье Кирилловне Нарышкиной, которая была всего на шесть лет старше Софьи и ровесницей ее старшим сестрам Евдокии и Марфе. Во дворце произошли большие перемены. Неудивительно, что царские дочери возненавидели мачеху, стали называть ее за глаза Наташкой. Ненависть еще более усилилась, когда они поняли, что царь-отец охладил к детям от первого брака. Даже Софье, девушке с властным и решительным характером, явно не хватало родительского тепла. Мать ей в какой-то степени заменила старшая сестра, царевна Марфа Алексеевна. Теплые отношения между Софьей и Марфой сохранятся до конца их дней.

Софью, начинающего формироваться политика, тревожило то, что с выдвижением А. С. Матвеева и женитьбой отца на Наталье Кирилловне ведущей при дворе стала партия Нарышкиных. Милославские, к которым принадлежала Софья, оказались оттеснены на второй план. Ситуация стала угрожающей в 1672 году, когда у царя Алексея родился сын, царевич Петр Алексеевич. Софья понимала, что сыграть роль Пульхерии в случае, если престол унаследует сводный брат, ей не удастся.

В 1676 году Алексей Михайлович умер. На престол взошел пятнадцатилетний Федор Алексеевич, старший из царевичей,

ранее объявленный отцом наследником престола. При Федоре к власти приходит партия Милославских.

Софье Алексеевне уже девятнадцать лет. Как политик она уже сформировалась. Ее политический противник Андрей Артамонович Матвеев характеризовал Софью как «великого ума и самых нежных проницательств, больше мужского ума исполненную деву». Историк С. М. Соловьев даже называл ее «богатырь царевна». Одна беда — Софья некрасива. Она дородна, талия коротка, голова большая, лицо лишено женского обаяния. Младший брат, царь Федор Алексеевич, хоть и немощен и нуждался в постоянном уходе, но роль Пульхе-ри при нем у Софьи не получается.

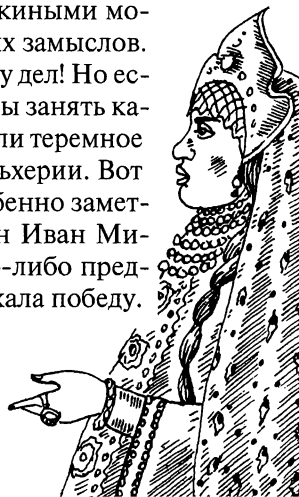
Федор умен и образован не хуже сестры. И учился он у того же Симеона Полоцкого, которого сделал своим советником и всемерно почитал вплоть до его кончины в 1681 году. В первые годы правления царя Федора основное влияние на политику оказывал двоюродный дядя, боярин Иван Михайлович Милославский. Тягаться с ним Софья Алексеевна не могла, но «клан» сестер государя она уже возглавила. Но в 1679 году Федор Алексеевич отстранил от власти И. М. Милославского и возглавляемую им партию. Иван Михайлович, хитрый и беспринципный царедворец, не учел того, что слабый телом государь обладает сильным духом.

Опала И. М. Милославского и его политических сторонников не распространилась на государевых сестер. Они все так же были вхожи в царский дворец. Именно здесь Софья встречается с приближенным брата-царя, боярином и князем Василием Васильевичем Голицыным, который стал стал любовником или, как тогда говорили, «галантом» Софьи.

В этого знатного, умного и красивого мужчину Софья Алексеевна влюбилась. Голицын был старше ее на четырнадцать лет. Жил он с женой и детьми в великолепном доме, убранном по-европейски. Роскошь мебели, обилие зеркал, картин, гравюр, огромная библиотека поражали современников. Василий Васильевич слыл западником, имел познания в разных науках (истории, богословии, философии, астрономии, медицине), говорил на нескольких языках (польском, немецком, греческом, латыни), разбирался в современной европейской культуре. Царь Федор Алексеевич приблизил

к себе Голицына после того, как он проявил себя на военном поприще: участвовал в Чигиринских походах и командовал армией на Украине. Правда, особой склонности к военному делу князь не имел, да и полководческого таланта у него не наблюдалось. Федору он импонировал прежде всего как высокообразованный аристократ. Последнее обстоятельство было важно еще и потому, что родовитое боярство проявляло недовольство «безродным» окружением государя, которое до Голицына ограничивалось Языковым и Лихачевыми. Князь особенно проявил себя при подготовке важного мероприятия — отмены «местничества» в 1682 году, когда для продвижения по служебной лестнице вместо старых, феодальных принципов, связанных с заслугами рода и предков, были выдвинуты иные основания — личные заслуги и способности.

1682 год был переломным в судьбах и царевны, и князя. Вначале он не сулил им ничего хорошего. Царь Федор Алексеевич, по совету фаворитов, спешно женился вторым браком на совсем еще юной Марфе Апраксиной. Новая царица являлась одновременно свойственницей «старшего» фаворита, боярина И. М. Языкова, и крестницей опального боярина А. С. Матвеева. Выдвигая подобную кандидатуру в жены царя Федора, фавориты ясно дали понять, что решили пойти на сближение с партией Нарышкиных. Да и сам Федор Алексеевич особенно не противился этому, все более и более выказывая расположение к десятилетнему сводному брату и крестнику царевичу Петру Алексеевичу. Царица Марфа Матвеевна сразу же стала ходатайствовать перед мужем за А. С. Матвеева, и его перевели ближе к столице, облегчив бремя ссылки. Софья Алексеевна и Голицын понимали, что союз фаворитов слабеющего на глазах царя Федора с Нарышкиными может обернуться катастрофой для их честолюбивых замыслов. Партия Милославских могла оказаться совсем не у дел! Но если знатный и известный Голицын все равно мог бы занять какой-нибудь государственный пост, то Софью ждали терменное затворничество и крах надежд на роль новой Пульхерии. Вот почему в весенне-летних событиях 1682 года особенно заметны Софья и глава партии Милославских боярин Иван Михайлович. Голицын же скорее выжидал, чем что-либо предпринимал. Он вышел из тени, когда Софья одержала победу.

27 апреля 1682 года умер царь Федор Алексеевич, не оставив после себя сына-наследника. И. М. Языков, А. Т. и М. Т. Лихачевы, договорившись с Нарышкиными, посадили на престол десятилетнего Петра Алексеевича. Это было нарушением традиций престолонаследия, поскольку царствовать после бездетного старшего брата Федора должен был следующий по возрасту брат — шестнадцатилетний Иван. Но царевич Иван, болезненный и недалекий юноша, к самостоятельному правлению способен не был.

Однако Милославские сдаваться не собирались. Два их лидера, хитрый и опытный боярин Иван Михайлович и умная, властолюбивая царевна Софья Алексеевна, перешли к активным действиям. Иван Михайлович действовал тайно. Не случайно из противной партии, устами Андрея Артамоновича Матвеева, его характеризовали так: «Муж прехитрого и зело коварного в обольщениях характера... на всякие человекам пакости злообычный и в злобах лютый супостат». Он искусно плел интригу. Суть ее состояла в том, чтобы использовать усиливавшееся недовольство властью московских стрельцов. Еще при царе Федоре Алексеевиче стрельцы пытались подать челобитные с жалобами на своих командиров. Те эксплуатировали своих подчиненных: заставляли выполнять различные тяжелые работы, как будто стрельцы были их холопами, вымогали взятки и даже удерживали в свою пользу часть их жалованья. Расследовавший дело боярин И. М. Языков встал на сторону полковников и жестоко наказал челобитчиков (это потом ему припомнили стрельцы).

С приходом к власти Петра I правившие при нем Нарышкины практически ничего не сделали для пресечения злоупотреблений полковых командиров. Этим воспользовались И. М. Милославский и его сторонники, которые стали искусно подогревать и направлять в нужную сторону стрельцов — на свержение Нарышкиных. А сила была огромная: девятнадцать стрелецких и один выборный солдатский полк численностью до пятнадцати тысяч человек, Нарышкины им только облегчали задачу. Они оттеснили от трона фаворитов покойного царя Федора, запретив Языкову и Лихачевым появляться на глаза царя Петра I, и вообще вели себя до крайности бестактно; особенно выделялся Иван Кирил-

лович Нарышкин, получивший боярство в обход всех правил. По Москве о нем ползли слухи один нелепее другого: то говорили, что он примерял царское одеяние и садился на трон, то утверждали, будто он чуть не задушил царевича Ивана Алексеевича в присутствии вдовствующей царицы Марфы Матвеевны и царевны Софьи Алексеевны. Кроме того, возвращение из ссылки боярина А. С. Матвеева не сулило стрельцам ничего хорошего: они отлично помнили этого властного и скорого на расправу вельможу и понимали, что добиться от него уступок будет еще сложнее.

Стрелцы тайно собирались на сходки, обсуждали свои беды и сговаривались о совместных действиях. И. М. Милославский на эти сборища подсылал своих людей, да и сам принимал дома выборных от стрелецких полков. Щедро раздавал деньги; стрельцов науськивали на Нарышкиных; им говорилось, что стоит посадить на трон царевича Ивана Алексеевича, как все их беды сразу прекратятся.

В отличие от двоюродного дяди Софья выступила открыто и дерзко. Такого Нарышкины никак не ожидали, но унять царевну не решились. 28 апреля состоялись похороны царя Федора Алексеевича. Траурную процессию возглавляли царь Петр I и обе вдовствующие царицы — Наталья Кирилловна и Марфа Матвеевна. Вопреки обычаю царевна Софья, единственная из сестер, тоже присоединилась к провожавшим Федора Алексеевича в последний путь. Неизвестный польский автор отметил, что Софья «вопила» и рыдала на всем пути процессии в собор, где должно было произойти отпевание. Ее еле удерживали монахини. Множество народу видело неподдельную скорбь Софьи. Ей искренне сочувствовали. Столь бурное проявление царевной чувств, однако, вызвало гнев Натальи Кирилловны, а десятилетний царь Петр упрекнул сводную сестру в «ззорном» поведении. Завершилось все тем, что царица Наталья увела Петра из собора задолго до окончания литургии. С ними ушли почти все бояре, что привело в изумление духовенство.

Простой народ стал упрекать мать-царицу и сына-царя в пренебрежении к покойному. Те же упреки раздались и в царской семье. Наталья Кирилловна вынуждена была оправдываться усталостью мальчика-царя. Примечательно,

что тетки упрекали в неправильном поведении Наталью и Петра, но ни слова не сказали Софье, также нарушившей обычай и явившейся причиной всех последующих событий. И не случайно: Татьяна Михайловна была на стороне Милославских.

Дальше — больше! Возвращаясь с похорон, Софья опять привлекла внимание толпы криками, что царя Федора отравили «недоброжелатели» (явный намек на Нарышкиных). Народ сочувствовал царевне. Ее популярность среди москвичей росла. Смеем утверждать, что Софья намеренно стучала краски, специально преувеличивала свою скорбь. Ее необычное для царской семьи поведение было хорошо рассчитано. И этот расчет увенчался успехом. Она и к себе привлекла внимание, и Нарышкиных в черном цвете изобразила. С того дня отношения между царицей-мачехой Натальей Кирилловной и царевной-падчерицей Софьей Алексеевной окончательно испортились. Но Софья ведь к тому и вела!

Приезд в Москву 10 мая боярина А. С. Матвеева, самого опытного и авторитетного политика нарышкинской партии, уже не мог изменить ход событий. Правительство уже не контролировало стрельцов, по рукам которых ходили списки «изменников», составленные не без помощи И. М. Милославского «со товарищи», где в числе первых значились А. С. Матвеев, И. К. Нарышкин, И. М. Языков и т. д. 15 мая 1682 года произошло событие, равного которому не было ни до, ни после. Настроенный свергнуть правительство Нарышкиных, в Кремль с оружием, с барабанным боем, развернув знамена, вошел весь столичный стрелецкий гарнизон. Клевретами Милославского был пущен слух, что царевича Ивана Алексеевича задушили. Демонстрация царевича Ивана и царя Петра I на Красном крыльце стрельцов не успокоила. Началась кровавая вакханалия: вооруженная толпа убила руководителей нарышкинской партии (А. С. Матвеева и И. К. Нарышкина), ненавистных им фаворита царя Федора И. М. Языкова, главу Стрелецкого приказа князя Ю. А. Долгорукого и других, поименованных и не поименованных в «поскрипционных» списках.

Где же была наша героиня в эти дни? Царевна Софья Алексеевна находилась во дворце вместе с царской фамилией

в гуще событий. В резкой форме она заявила 17 мая царице Наталье Кирилловне, чтобы та не упорствовала и выдала восставшим брата И. К. Нарышкина, аргументируя свою позицию тем, что иначе они все могут «погибнуть» от рук стрельцов. Насколько царевна влияла на события? Конечно, они готовились с ее ведома. В стрельцовой среде, вероятно, находились «агитаторы» не только от И. М. Милославского, но и от Софьи. Однако само восстание контролировать было невозможно. Гнев стрельцов нарастал и мог обрушиться и на тех, кто это восстание готовил. Однако все обошлось. 18 мая убийства прекратились. В последних числах мая решался вопрос о власти. Под нажимом стрельцов Боярская дума и импровизированный Земский собор постановили, что на троне будут два царя: первый — Иван V и второй — Петр I, а править страной во время их «малолетства» должна царевна Софья Алексеевна. Наша героиня добилась своего. Теперь она — правительница России. Причем на законном основании.

Первым шагом правительницы Софьи была раздача денег стрельцам. По их искам с полковников также взыскивались удержанные ранее суммы. Московские стрельцы пожелали теперь именоваться Надворной пехотой, в память событий 15—17 мая был воздвигнут обелиск и т. д. Однако Софья Алексеевна неожиданно столкнулась с другим претендентом на власть. Им стал князь Иван Андреевич Хованский. Поначалу он принадлежал к партии Милославских, но с конца мая повел свою игру. Этот амбициозный и энергичный деятель, не отличавшийся, правда, политической дальновидностью, пользовался популярностью в стрельцовой среде. Очевидно, сказало его военное прошлое (долгое время служил полковым воеводой). По настоянию стрельцов князь Хованский возглавил Стрелецкий приказ, то есть стал старшим стрельцким начальником. Как выяснилось позже, Тараруй (его так прозвали за страсть к шумным застольям и хвастовство) вынашивал планы перехвата власти у Софьи Алексеевны.

Так у правительницы возникли две основные задачи: успокоить стрельцов и вернуть все в обычное русло, а также избавиться от соперника в лице Хованского. Ближайшим помощником Софьи в этих делах стал Василий Васильевич Голицын. Надо сказать, что в ходе стрельцкого движения активизирова-

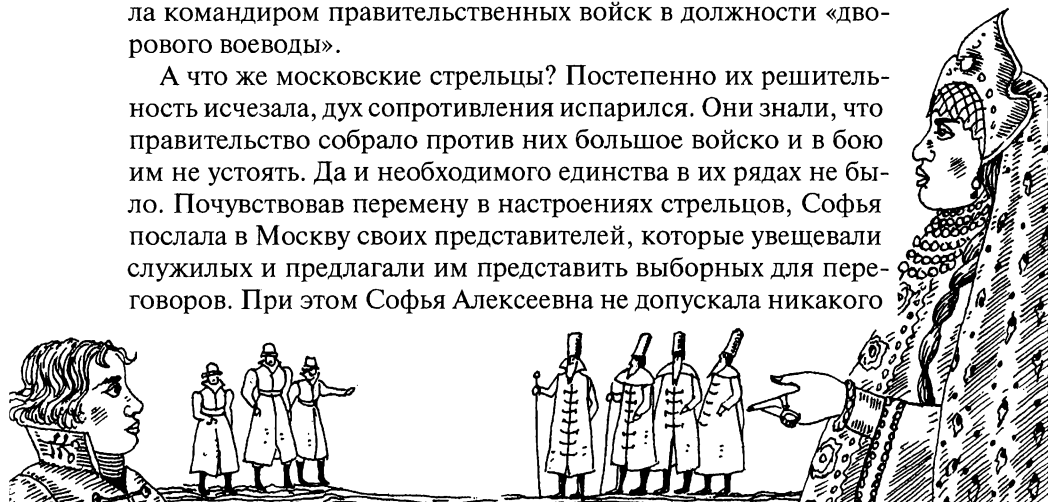
лись раскольники. Среди московских стрельцов было немало приверженцев старой веры. Сочувственно к старообрядцам относился и И. А. Хованский. По некоторым сведениям, он и сам был из них. «Расколоучители», проповедник Никита Пустосвят «со товарищи», при поддержке сторонников обратились к Хованскому, чтобы он устроил им диспут с официальным духовенством, из которого они рассчитывали выйти победителями. Власть в лице Софьи Алексеевны вынуждена была пойти на это, и 5 июля в Грановитой палате состоялось «прение о вере». Присутствовали правительница Софья, царица Наталья Кирилловна, царевны Татьяна Михайловна и Мария Алексеевна, патриарх Иоаким, официальное духовенство и бояре, с одной стороны, и старообрядцы во главе с Никитой Пустосвятом — с другой. Софья активно участвовала в «прении» наряду с духовенством: она руководила дискуссией и сама увещевала противную сторону. Был момент, когда царевна не выдержала нападков раскольников и «со слезами» стала отводить обвинения в ереси от отца, царя Алексея Михайловича, и брата, царя Федора Алексеевича. Некие присутствовавшие на диспуте выборные от стрельцов — сторонники старой веры — стали говорить, что пора царевне «в монастырь... полно... царство мутить» и т. д. Но Софья удержала себя в руках и не потеряла нити спора, продолжая приводить аргументы против раскола. Наступил критический момент. Ведь немалое количество стрельцов могло высказаться за ее уход в монастырь. Ясно, что среди них были сторонники И. А. Хованского, для которого подобный вариант обернулся бы воплощением его честолюбивых замыслов. Того же желала и царица Наталья Кирилловна. Но Софья не позволила событиям выйти из-под контроля. Преданные ей стрельцы спустя несколько дней схватили Никиту Пустосвята и казнили его. Остальных «расколоучителей» разослали в ссылку по разным монастырям. Это событие стало началом конца князя И. А. Хованского и как политика, и как человека.

Развязка этого противостояния наступила в августе — сентябре. Софья придумала сильный ход: 20 августа она с царями — Иваном V и Петром I — и со всем двором выехала из Москвы в село Коломенское. Отъезд представителей высшей власти вызвал сильный переполох. Князь И. А. Хованский

растерялся, заволновались стрельцы. А Софья 2 сентября последовала дальше: в село Воробьево, затем в Саввин-Сторожевский монастырь и, наконец, к 17 сентября, ко дню своих именин, в село Воздвиженское, что недалеко от Троице-Сергиева монастыря. Здесь она и замыслила свой решительный удар по Тарарую. Был объявлен сбор в Воздвиженском ратных людей (то есть дворянского ополчения). Сюда же вызвали Хованского со старшим сыном Андреем и выборными стрельцами. Однако они не успели доехать до места — их схватили и связанными привезли в Воздвиженское. Здесь в присутствии царевны на заседании Боярской думы думный дьяк Ф. Л. Шаковитый зачитал царский указ, где перечислялись все «вины» князя И. А. Хованского, начиная с начала его служебной карьеры и заканчивая участием в стрелецком восстании. Тараруя упрекали в желании стать государем, а своего сына женить то ли на царевне Софье, то ли на царевне Екатерине. За эти преступления Ивана и Андрея Хованских по царскому указу и боярскому приговору вместе с приехавшими с ними выборными стрельцами казнили.

Таким образом, Софья не только вывела из игры соперника, который имел влияние на стрельцов, но и внесла растерянность в их души. Когда испуганный младший сын Хованского, Иван, явился в Москву и сообщил о случившемся, стрельцы, опасаясь нападения дворянского войска, стали вооружаться, умножили караулы и закрыли въезды в столицу. Но нападения не последовало. Софья не торопилась. Тем временем в Троице-Сергиев монастырь, который она выбрала своей резиденцией, стекались служилые люди. Из тени вышел князь В. В. Голицын, которого правительница назначила командиром правительственных войск в должности «дворянского воеводы».

А что же московские стрельцы? Постепенно их решительность исчезала, дух сопротивления испарился. Они знали, что правительство собрало против них большое войско и в бою им не устоять. Да и необходимого единства в их рядах не было. Почувствовав перемену в настроениях стрельцов, Софья послала в Москву своих представителей, которые увещевали служилых и предлагали им представить выборных для переговоров. При этом Софья Алексеевна не допускала никакого

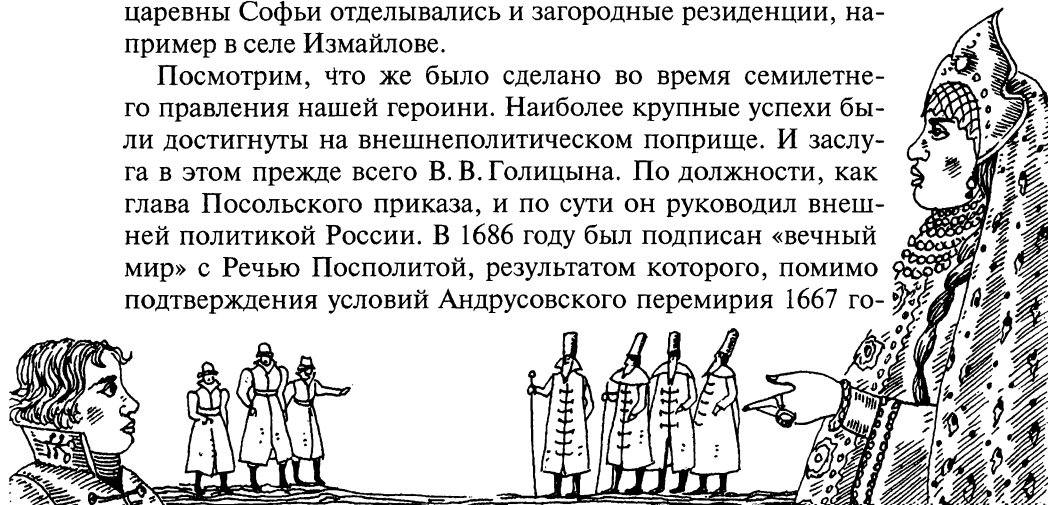
заигрывания со стрельцами. Она полностью переменяла тон. Если в мае, когда восставшие посадили на престол брата Ивана, она их приветствовала, то теперь, в сентябре, она обвинила стрельцов в противоправительственном мятеже и призвала покаяться в своих «винах». Делать было нечего, и выборные «повинились» за себя и своих товарищей. В специальных грамотах, выданных стрельецким полкам, перечислялись прегрешения, а все «выбитые» у правительства льготы отменялись. Словом, все возвращалось на круги своя. Москва успокоилась, и 3 ноября 1682 года Софья с царями и двором въехала в столицу победительницей. Можно было спокойно обжиться и в Кремле, и на государстве.

Победа, казалось, была полной, но таила в себе будущую угрозу. Стрельцы хорошо запомнили, как Софья с Милославскими призывали их громить Нарышкиных, а затем она же их и наказала: нескольких «заводчиков» движения казнили вместе с Хованскими, а из наиболее активных составили четыре полка и послали их на службу в отдаленные города. Позже это «прозрение» стрельцов аукнется Софье. А пока правительница формировала свою «команду». Возглавить правительство она поручила фавориту, князю Василию Васильевичу Голицыну. Он вообще был обласкан необычайно. Стольких почетных званий не было ни у кого: «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель, ближний боярин, дворовый воевода и наместник Новгородский». В ходе борьбы со стрельецким восстанием в узкий круг приближенных Софьи вошел Федор Леонтьевич Шакловитый. Ему она вручила Стрелецкий приказ, то есть руководство и надзор за беспокойным стрельецким войском. Идеологом и историографом правления царевны стал ученик С. Полоцкого монах Сильвестр Медведев, высокообразованный писатель и поэт.

Однако политика политикой, но надо было думать и о быте. В ноябре 1682 года Кремль охватил сильный пожар, после которого стали строить новые хоромы. Софье пришлось какое-то время жить с сестрами на «Потешном дворе» (в бывшем здании театра при царе Алексее Михайловиче). В 1683–1684 годах возводились и отделялись новые терема. В апартаментах правительницы печи покрывались зеленой краской,

известные живописцы — Салтанов и Безмин — расписали потолок столовой под звездное небо, а стены нескольких комнат были сплошь украшены живописными изображениями: распятия, несения креста на Голгофу, Иоанна Предтечи, Иакова — «брата Господня», Спасителя, Воскресения Христова, Тайной вечери, царей Давида и Соломона, апостолов, херувимов и т. д. В комнатах висели «парсуны» отца и матери (царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны), братьев (царей Федора, Ивана и Петра Алексеевичей) и царевича Алексея Алексеевича), сестры (царевны Екатерины Алексеевны) и самой Софьи. Кроме того, одна из комнат была сплошь отделана дорогими коврами. Двери в апартаментах обили сукном, а промежутки между окнами — персидским бархатом. В 80-е годы в помещениях царевны имелись: покрытые «полавочниками» длинные скамьи (одна была «спальной»), дубовый стол «на польских ногах», кресла (одно обитое красным бархатом и атласом, другое — кожей, а третье — «разъемное» — отделанное и кожей, и бархатом), расписанные красками секретер и шкаф с выдвигаемыми ящиками, шкатулки (одна «что письма кладут, и с чернильницей, и с ножки, и с ножницы, и с косточкою, чем письма оправливают», другая «уборная», оправленная серебром, с зеркалом и ящичками), серебряная коробочка «немецкая» для драгоценностей и т. д. Софье Алексеевне досталась обширная библиотека брата-царя Федора Алексеевича (около 300 томов), в которой содержались книги богослужебные и богословские, философские, исторические, географические, математические, медицинские, а также по языкознанию, военному делу, поэтические сборники на русском и латинском языках. Наряду с кремлевской для царевны Софьи отделялись и загородные резиденции, например в селе Измайлове.

Посмотрим, что же было сделано во время семилетнего правления нашей героини. Наиболее крупные успехи были достигнуты на внешнеполитическом поприще. И заслуга в этом прежде всего В. В. Голицына. По должности, как глава Посольского приказа, и по сути он руководил внешней политикой России. В 1686 году был подписан «вечный мир» с Речью Посполитой, результатом которого, помимо подтверждения условий Андрусовского перемирия 1667 го-

да и установления союза между обоими государствами, явилась окончательная уступка России Киева. Вместе с Австрийской империей, Речью Посполитой и Венецией страна вошла в «Священную лигу», направленную против Турции. Россия обязалась начать войну с Крымским ханством — вассалом Османской Порты. Важное значение имел и подписанный в 1689 году Нерчинский договор с Китаем, нормализовавший двусторонние отношения и давший хороший импульс развитию взаимной торговли.

Внутри страны Софья и Голицын спешили покончить с последствиями стрелецкого движения. Всех сбежавших от своих хозяев холопов указом 1683 года было приказано ловить и возвращать назад. Тех же, которых владельцы принимать отказывались, велено ссылать в Сибирь на поселение. Это соответствовало требованиям дворянства. Однако другое решение правительства поддерживало беглых: по указу 1684 года в городах можно было остаться тем, кто ушел от своих господ из деревень. Проводилась жесткая политика по преследованию старообрядцев, что вполне соответствовало позиции официальной церкви. Кроме того, проходило размежевание помещичьих и монастырских земель, приведшее к заметному уменьшению числа спорных дел по поводу угодий, и были ликвидированы таможи по малороссийскому рубежу, что облегчило торговлю между великороссийскими и малороссийскими землями.

Заметно приукрасилась Москва. В этот период построили немало каменных и кирпичных зданий, больше улиц было покрыто деревянным настилом. Большие успехи были достигнуты в области просвещения и науки. Молодые дворяне посылались на учебу за границу (заметим, еще до Петра I). В 1687 году открылась Славяно-греко-латинская академия, во главе которой встали выпускники университета в Падуе (Италия) братья Софроний и Иоанникий Лихуды.

Князь Голицын находился на вершине своей карьеры. Он просто обвораживал общавшихся с ним иностранцев — и официальных дипломатических представителей, и частных лиц. Князь, давно уже прославившийся западником, воспринимался ими как какой-нибудь европейский министр. При нем в Москве появились иезуиты, что вызвало гнев патриар-

ха Иоакима, всегда отличавшегося симпатией к Нарышкиным. Голицын вообще был полон далеко идущих замыслов. Так, он предлагал освободить крестьян от крепостной зависимости, что в то время было абсолютно нереальным. Однако Василию Васильевичу не хватало решительности, которой была наделена царевна Софья Алексеевна. Она же, как могла, поддерживала авторитет своего любовника, желала, чтобы он еще более прославился.

После заключения в 1686 году «вечного мира» Софья Алексеевна почувствовала себя в зените славы. Она приказала, чтобы ее имя упоминалось в официальных грамотах вместе с именами царей-соправителей Ивана V и Петра I. И по указу от 8 января 1687 года был принят новый официальный титул государей: «Великие государи, цари и великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня, благоверная царевна и великая княжна Софья Алексеевна, всея Великие, и Малые, и Белые России самодержцы». Если раньше она не показывалась на официальных приемах, в частности иностранных послов, но наблюдала за всем из-за занавески, то теперь царевна открыто сопровождала царей на всех церемониях. Мало того, у нее возникает мысль о венчании на царство и, следовательно, об отстранении братьев. Опасаться полностью зависимого от нее родного брата Ивана не приходилось. С ним она могла вести себя, как Пульхерия с Феодосием II. В 1684 году его женили на Прасковье Салтыковой, но от этого брака рождались лишь девочки. Может быть, последнее обстоятельство подтолкнуло Софью к мысли о собственном венчании на царство? Во всяком случае, правительница поручила Шакловитому разведать мнение стрельцов по этому вопросу. Но служивые, как видно, энтузиазма не выказали. К тому же В. В. Голицын, получивший из рук Софьи слишком много власти, вызывал ненависть других бояр. Француз де ла Невиль отмечал, что фаворит стремился на все сколько-нибудь значимые должности посадить родственников или незначительных лиц, всем ему обязанных. Это еще больше озлобляло тех, кто был оттеснен на вторые роли.

Реальную угрозу Софье представлял Петр I. Пока он был мальчиком, даже его недетские «марсовы» забавы не вызывали особого беспокойства: чем бы дитя ни тешилось! Но Петр

вырос, его «потешные» конюхи и псары превратились в хорошо экипированных и обученных солдат. Софья и Голицын понимали, что время работает не на них. Ведь официально царевна исполняла обязанности опекуны до совершеннолетия государей. Иван V был, разумеется, не в счет. Но стремительно приближалось совершеннолетие Петра I, и столь же стремительно росло число его сторонников. Все больше бояр и придворных, недовольных идущими вразрез со старомосковской традицией претензиями царевны Софьи на власть, а тем более на корону, и всеилием Голицына, оказывались в противоположном лагере. Стрельцы также не были надежной опорой правительницы.

Василий Васильевич как-то в сердцах пожалел, что в 1682 году стрельцы не убили царицу Наталью Кирилловну и всех ее сторонников. Но сам он, гордец и аристократ, не стал бы пачкаться кровью членов царской фамилии. В то же время Ф. Л. Шакловитый, советовавший Софье «известить» Наталью, пошел бы до конца. Для Софьи Алексеевны наступало время опоры на таких людей, как Шакловитый, — «безродных», всем ей обязанных и понимавших, что в случае падения правительницы не уцелеть и им.

Современники (об этих толках повествует де ла Невилль) утверждали, что Софья предполагала женить на себе фаворита. То есть Пульхерия выбрала себе сенатора Маркиана. Но Голицын уже был женат и имел детей. Не вдаваясь в подробности всевозможных слухов, к которым надо относиться с большой осторожностью, сделаем вывод, что князь не собирался идти на крайности вроде заключения жены в монастырь и т. п. Да и любил ли он Софью искренне? Вполне вероятно, что он использовал эту связь в карьерных целях и связывать себя браком с правительницей не собирался.

В то же время Софья Алексеевна считала, что необходимо поднять престиж правительства и прославить его главу, князя В. В. Голицына, чтобы заткнуть рот всем недовольным. С этой целью она организовала походы русского войска в Крым — тем более что они соответствовали обязательствам по «Священной лиге». В обоих походах, 1687 и 1689 годов, сотысячной армией руководил Голицын. Он старался уклониться от такой чести, но настояла Софья. Мало того, настаивали и бо-

яре, справедливо полагавшие, что им на руку удаление из Москвы слишком усилившегося фаворита правительницы, к тому же тайно мечтавшие о посрамлении гордеца.

Их замысел оправдался: походы принесли горькое разочарование. Хотя войско и не потерпело серьезных поражений, но поставленных целей достичь не удалось. Затрачены были огромные средства, армия понесла чувствительные потери не столько от крымских татар, которые всячески избегали прямого столкновения, сколько от плохо организованного марша по раскаленным солнцем безводным степям. Во всем винили Голицына. Софья пыталась сделать хорошую мину при плохой игре и щедро наградила князя и других воевод за подвиги, которых не было. Но в правдивость славословия по поводу Крымских походов никто не верил. Авторитет В. В. Голицына, а вместе с ним и царевны Софьи падал на глазах.

1689 год стал несчастливым для Софьи. Петр I достиг совершеннолетия, в январе его женили на Евдокии Лопухиной. Он стал открыто выражать недовольство тем, что царевна на всех официальных церемониях выступала наравне с ним и его соправителем Иваном V. В этом поддерживали, а возможно, и подстрекали его возмущение мать, царица Наталья Кирилловна, и другие сторонники. Чувствовалось, что приближается решающая схватка за власть. В. В. Голицын, вернувшийся в июле из второго Крымского похода, впал в уныние и проявлял нерешительность. Правительнице теперь очень не хватало двоюродного дяди, И. М. Милославского, умершего в 1685 году. Опытный и хитрый интриган, он помог бы выпутаться из сложного положения.

Только Ф. Л. Шакловитый готов был к решительным действиям ради царевны. В отношениях между Софьей и Голицыным произошло охлаждение. Князя на месте фаворита сменил Шакловитый. Ему царевна поручила готовить стрельцов для нового государственного переворота, который должен был отстранить от власти Петра I и его партию. Но стрельцы, помнившие метаморфозы политики Софьи Алексеевны в 1682 году, безоглядно на ее сторону не встали. В итоге Шакловитый мог рассчитывать лишь на несколько сот преданных служилых. Чтобы как-то оправдать выступление, была организована провокация, скорее всего, не без ведома Софьи:

7 августа в Москве зачитали письмо, в котором говорилось, что ночью «потешные» Петра нападут на Кремль, убьют царя Ивана и всех его сестер, включая, разумеется, и Софью.

Точно известно, что Петр I не замыслил ничего подобного. Василий Васильевич Голицын всячески отговаривал Софью от решительных действий, но она только раздражалась и упрекала князя в трусости. С ее согласия Шакловитый с верными стрельцами отправился в поход на Преображенское. Но затея не удалась. И в то время, как к бежавшему в Троице-Сергиев монастырь Петру стали стекаться войска, бояре, дворяне и духовенство, Софью в Кремле начали покидать сторонники. 29 августа она решила сама ехать к сводному брату в Троицу в сопровождении князя Голицына и других бояр. Но в селе Воздвиженском (печально известном еще по событиям 1682 года) ее остановили, и боярин князь И. Б. Троекуров сообщил волю Петра I: возвращаться в Москву, а если она не послушается, то с ней поступят «нечестно».

Софья поехала назад. По-видимому, она не сразу поняла, что все кончено. Вернувшись в столицу, царевна позвала к себе старослужащих стрельцов, жаловалась им на свои унижения и просила поддержки. Затем она пригласила выборных от московского посада и просила защиты у них. Но тщетно: никто ее не поддержал. Через несколько дней ей пришлось выдать Ф. Л. Шакловитого, которого жестоко пытали и казнили с несколькими приспешниками. Князь В. В. Голицын отделался ссылкой. За него ходатайствовал его родственник и приближенный Петра I князь Б. А. Голицын. Кроме того, очевидно, помогло пассивное поведение Василия Васильевича в ходе августовской авантюры Софьи и Шакловитого. Сильвестра Медведева пытали и поместили в монастырскую тюрьму, но через полтора года, когда выяснились новые подробности его дела, казнили. С Софьей брат Петр I встречаться не захотел. Он назвал ее в письме к Ивану V «третьим зорным лицом» и поместил под арест в Новодевичий монастырь.

Так умерла Софья-политик. Но Софья-царевна с амбициозным и твердым характером продолжала жить. Хотя царевне были предоставлены комфортные условия и она имела штат женской прислуги, вряд ли ее устраивала жизнь в монастыре.

Скорее, наша героиня очень страдала, поскольку власть, которую она потеряла, была для нее если не всем, то почти всем.

Прошло девять лет, и, казалось, про Софью Алексеевну забыли. О ней помнили лишь близкие люди. Любимая старшая сестра Марфа Алексеевна через постельницу находила возможность общаться с арестанткой. В поле зрения власти бывшая правительница попала в 1698 году, когда четыре стрельцких полка, состоявшие из московских стрельцов, самовольно двинулись из-под Великих Лук в столицу. Поначалу они сетовали на отсутствие жалованья, голод и долгую разлуку с семьями. Их требования подогревались упорными слухами, будто царь Петр I, находившийся за границей в составе Великого посольства, «сгинул». Тут стрельцы вспомнили про царевну Софью и выступили с многочисленными призывами вернуть ее во власть. Сама Софья узнала об этом только из письма сестры, царевны Марфы. Но 18 июня на подступах к Москве под Новоиерусалимским монастырем, на реке Истре, четыре стрельцких полка были разбиты правительственными войсками.

Началось следствие, которое вначале возглавлял боярин А. С. Шеин. Казнили более ста человек, однако спешно вернувшийся из-за рубежа Петр I все равно остался недоволен. Он возобновил розыск, считая, что заговор против него гораздо глубже и разветвленней. К следствию были привлечены царевны Софья и Марфа Алексеевны и их слуги. Петр I дважды лично допрашивал Софью. Но она твердо отрицала свое участие в событиях. Царь подозревал царевну в том, что она писала к восставшим стрельцам и призывала их идти на Москву. Но подлинных писем не нашли. В противном случае Софью ждала бы плаха.

Петр I от своих подозрений не избавился и ужесточил режим содержания сводной сестры. 11 октября 1698 года над Софьей состоялся суд. Она была пострижена в монахини под именем Сусанна и оставлена все в том же Новодевичьем монастыре, но под более строгим надзором. Царь не отказал себе в жестокой по отношению к сестре выходке. По сообщению Корба, вблизи Новодевичьего монастыря было поставлено тридцать виселиц, на которых повесили более двухсот стрельцов. Трое зачинщиков восстания были повешены на мона-

стырской стене под самыми окнами кельи инокини Сусанны. У одного из них к рукам была привязана стрелецкая челобитная к царевне Софье Алексеевне. Трупы с виселиц велено было не снимать. Кошмар этот продолжался пять месяцев.

Софья после этих событий прожила недолго. Ее не стало 3 июля 1704 года, на сорок седьмом году жизни. Похоронена была правительница России в месте своего заточения, в Новодевичьем монастыре.

Царевна Наталья — сестра Петра Великого

Наталью Алексеевну по рождению и воспитанию с полным правом можно назвать царевной, а по взрослому мировосприятию и привычкам — принцессой европеизированного петровского двора. Младшая сестра Петра I родилась 22 августа 1673 года. На радостях, по случаю ее крещения, от имени отца и матери, царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны, были изготовлены два серебряных кубка с крышками. От них же было подарено два сорока соболей и десять аршин темно-лазоревого шелковой материи. Выделил от себя подарки и царевич Федор Алексеевич: сорок соболей и пять аршин шелковой ткани. Все подарки, кроме одного сорока соболей, доставшегося совершившему обряд крещения архимандриту Чудова монастыря Варнаве, предназначались малютке Наталье. Кроме того, участвовавшим в таинстве двум священникам и трем дьяконам выдано двадцать три рубля. В «мамки» к Наталье определили княгиню Прасковью Ивановну Ромодановскую. Кормилицей малютки назначили некую Гликерью. Мать, царица Наталья, сразу подарила ей постельные принадлежности: обшитый зеленым сукном войлок и пуховую подушку из лазоревой хлопчатобумажной ткани, а также «летник» из желтой «с травами» шелковой ткани на бобровом пуху. Тогда же знаменитый придворный живописец Симон Ушаков написал на липовой доске размером сорок пять на тринадцать сантиметров небольшой портрет царевны.

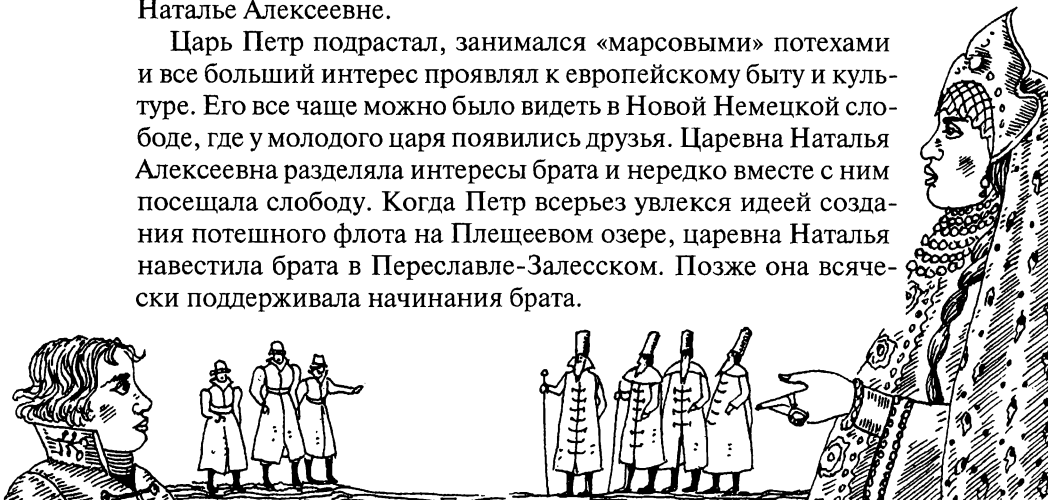
Страшный для царского семейства 1682 год Наталья встретила девятилетней девочкой. В майские дни стрелецкой воль-

ницы она находилась в своих апартаментах и, к счастью, не видела той крови, которая лилась на глазах не только взрослых, но и ее десятилетнего брата, тогда уже царя Петра I. Но, как писал Андрей Артамонович Матвеев, в комнатах Натальи прятались от расправы видные деятели нарышкинской партии.

Неизвестный польский мемуарист особо отметил, что девятилетняя царевна «отличалась замечательной красотой». Она «по уму и вежливости... вся в мать», то есть в царицу Наталью Кирилловну. Наталья была очень дружна с братом-царем Петром, и эти теплые отношения между ними сохранились и во взрослом возрасте.

После прихода к власти царевны Софьи Алексеевны царица Наталья с детьми предпочитала проживать в селе Преображенском, но бывала наездами и в кремлевских хоромах, которые в 80-е годы подверглись перепланировке, в результате чего было увеличено количество окон. В 1685 году комнаты матери-царицы и царевны Натальи украсили живописью на сюжеты евангельских и апостольских притч, а в 1687—1688 годах одна из комнат была обита «золотными» кожами. В это время у Натальи появились два «поставца» около метра высотой, «вислая» полка с дверцами, «спальная» скамья, аналой с дверцами, три стола (дубовый, небольшой липовый и с каменной доской «на польский образец») и дубовый ящик. О первой кормилице Натальи — Гликерье — позже не упоминается. В 1684 году в кормилицах уже значилась княгиня Лукерья Гавриловна Ухтомская. Тогда ей был подарен красный атлас. Через десять лет, в 1694 году, княгиня Ухтомская была пожалована в боярыни и осталась при царевне Наталье Алексеевне.

Царь Петр подрастал, занимался «марсовыми» потехами и все больший интерес проявлял к европейскому быту и культуре. Его все чаще можно было видеть в Новой Немецкой слободе, где у молодого царя появились друзья. Царевна Наталья Алексеевна разделяла интересы брата и нередко вместе с ним посещала слободу. Когда Петр всерьез увлекся идеей создания потешного флота на Плещеевом озере, царевна Наталья навестила брата в Переславле-Залесском. Позже она всячески поддерживала начинания брата.

Тяжело переживали брат с сестрой смерть матери, Натальи Кирилловны, в 1694 году. Они ежегодно поминали покойную Наталью Кирилловну. В 1697 году, например, по указу Петра I выдано царевне Наталье двести рублей, которые роздали на поминавание матери «по тюрьмам и богадельням». В 1699 году отмечено, что у Натальи Алексеевны в четыре поминальных дня соответствующую трапезу получали двести нищих.

Наталья старалась опекать Петра, проявляла о нем заботу. У нее в комнате висели в золоченых рамах портрет брата и изображения его «тезоименитых ангелов» Петра и Павла. Тон писем Натальи к Петру во время Азовских походов 1695–1696 годов напоминает материнский. Царевна умоляет брата побереечь себя и не появляться в опасных местах. В ответных письмах государь в шутиливой форме благодарит за заботу.

В ее покоях в это время опять ремонт. В 1694 году на полы в двух комнатах царевны пошло восемьсот «дубовых кирпичей», и вставлялись новые окна. Стены и потолки «средней» комнаты выкрасили заново (по голубому фону разноцветными травами), обновили роспись оконных рам и дверей. В 1696–1697 годах одно из помещений заново обили «золотными» кожами, а в двух настелили новые «полаовчники» из зеленого сукна. Тогда же было подсчитано, что ежегодно на свечи для апартаментов Натальи уходило сто девяносто пудов воска.

Австрийский дипломат Корб подчеркивает в своих записках, что Наталья — любимая сестра царя Петра. В 1698 году влияние царевны Натальи Алексеевны еще более усилилось. Как уже говорилось, Петр I, вернувшись из-за границы, решил окончательно порвать с женой, царицей Евдокией Федоровной. Попечительство над сыном-наследником, царевичем Алексеем Петровичем, после этого было вверено Наталье Алексеевне. Как передавали, она буквально вырвала мальчика из рук матери, которую отправили в ссылку в Покровский монастырь в Суздале. Ходили слухи, что именно царевна Наталья настроила Петра I против жены. Но они безосновательны. Фактически Петр уже давно разошелся с царицей Евдокией и жил с фавориткой Анной Монс.

Во время проводов бранденбургского посольства на приеме в Лефортовском дворце Наталья Алексеевна наблюдала

за танцами и фейерверком вместе с восьмилетним царевичем Алексеем. Когда через некоторое время умер престарелый генерал Гордон, которого высоко ценил Петр I, Наталья также вместе с племянником-царевичем слушала заупокойную мессу в московской католической кирхе. Она уже переделалась в европейское платье и быстро освоила европейский «политес». Помимо хлопот по воспитанию царевича Алексея Наталья участвовала и в важных государственных мероприятиях: в 1700 году в Воронеже присутствовала при спуске корабля «Прединация», во время Северной войны в 1705 году провозжала брата-царя с войсками до города Путивля, а в 1709 году активно участвовала в празднованиях в Москве по случаю победы в Полтавском сражении.

Надо сказать, что Петр Великий давал любимой сестре и деликатные поручения. При дворе царевны Натальи Алексеевны находились женщины, вошедшие в число важных особ петровского царствования. Здесь они постигали науку придворной жизни, учились премудростям великосветских интриг и кокетства, да и просто приобретали «поск», необходимый благородным дамам. Это и сестры А. Д. Меншикова, Мария и Анна, и Дарья Михайловна Арсеньева, на которой Меншиков позже женился... Наконец, именно «под крылышком» царевны Натальи с 1703 или с 1704 года делала свои первые шаги в свете знаменитая мариенбургская пленница Марта Скавронская, ставшая позже женой Петра I и императрицей Екатериной I. Позже царь Петр доверял своей умной и деятельной сестре воспитание детей и внуков: под ее опекой находились дочери от второго брака, Анна и Елизавета, а также дети царевича Алексея Петровича — Петр (будущий император Петр II) и Наталья. Наша героиня была также ходатаем перед Петром I по делам сводных сестер, находившихся под арестом, например Марфы, в монашестве Маргариты.

С установлением при Петре Великом европейских традиций для Натальи открылась возможность выйти замуж за какого-нибудь европейского государя. Так, при дворе австрийского императора очень желали получить ее портрет, что могло быть прелюдией к какому-либо сватовству. Петр выдал за немецких герцогов дочь Анну и племянниц, Анну и Екатерину. Но вот Наталья так и не обзавелась семьей. Видимо, ца-

рю сестра нужна была самому в качестве человека, которому можно безбоязненно поручить опеку над собственной семьей.

Для своего времени Наталья Алексеевна была весьма начинанна. Кроме того, она страстно увлекалась театром. Известно, что в 1690 году в ее хоромы в Кремле устраивались театральные постановки. Позже она организовывала действия в царских резиденциях в Преображенском и Измайлове. По распоряжению Петра в Москве на Красной площади было построено помещение театра для широкой публики, где ставились спектакли по пьесам, в том числе и современных европейских авторов. Разумеется, Наталья не была в стороне от этого дела.

В 1708 году двор и русская знать по приказу Петра I переехали в Петербург. И здесь при дворе Натальи сразу же был организован театр, имевший специальное здание. Наталья Алексеевна не только, говоря современным языком, занималась режиссурой, но и сама писала пьесы как на религиозные сюжеты («Екатерина Великомученица», «Евдокия Великомученица»), так и исторического содержания («Христанф и Дария», «Цезарь Отгон»). В своих драмах Наталья выводила также события, свидетельницей которых она была: это и аллегория на заговор Шакловитого 1689 года (пьеса «Стефанотокос»), и история великомученицы Евдокии, в чем-то напоминавшая судьбу царицы Евдокии Федоровны. Петр I поддерживал увлечение сестры и с удовольствием посещал спектакли.

Наталью Алексеевну можно считать поборницей именно русского театра. Она пыталась придать театральному искусству национальные черты. А публике было с чем сравнивать, ведь тогда в России появляются заезжие итальянские, французские и немецкие труппы.

Умерла царевна внезапно на сорок третьем году жизни, 18 июня 1716 года. Петр I в это время находился за границей. Он до конца своих дней помнил любимую сестру, поборницу его преобразований и помощницу в семейных делах.

Содержание

Людмила Морозова

Царицы и царевны первой половины XVII века

Вместо предисловия	7
Первая выборная царица.	8
Несчастливая дочь царя Бориса	37
«Московская царица».	50
Жена полуцаря.	74
Великая государыня старица Марфа Ивановна	93
Царица-босоножка	132

Андрей Дёмкин

Царицы и царевны второй половины XVII века

Царицы

Вместо предисловия	151
Примерная царица Мария	161
Царица Наталья — мать Петра Великого	171
Царица-девочка Марфа	187
Царица Прасковья — мать императрицы Анны	194
Несчастливая царица Евдокия.	211

Царевны

Вместо предисловия	218
Царевна Ирина — неудавшаяся невеста	222
Царевна Татьяна — тетка Петра Великого.	230
Участливая царевна Марфа	235
Царевна-правительница Софья.	241
Царевна Наталья — сестра Петра Великого.	260

Морозова Л., Дёмкин А.

М80 Русские царицы и царевны XVII века / Людмила Морозова, Андрей Дёмкин. — М. : Ломоносовъ, — 2016. — 272 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-313-1

О русских государынях XVIII столетия известно многое — если не все. О русских царицах и царевнах века XVII, особенно его первой половины, мы знаем очень мало — почти ничего. Уже простой перечень имен в Синодике Новодевичьего монастыря содержит массу загадок: «Благоверная царица Анна», «благоверная царица Леонида», «благоверная царица Марфа, монахиня», «благоверная царица Ирина Иоанновна», «благоверная царица Мария», «благоверная царица Евдокия Лукьяновна», «благоверная царица Мария Ильинична»... Судьбы их прослеживаются нечетким пунктиром, и даже вопрос о мужьях некоторых из них ставит историков в тупик. Чтобы составить их биографии, авторы исследовали множество источников, по крупицам собрали разрозненные сведения об их происхождении, семейной жизни, участии в управлении государством, и оказалось: каждая из этих женщин не просто примечательна — без них история России была бы иной.

Людмила Морозова и Андрей Дёмкин — ведущие научные сотрудники Института российской истории РАН, доктора исторических наук.

УДК 94(47).044-048

ББК 63.3(2)45-46

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Людмила Морозова

Андрей Дёмкин

Русские царицы и царевны XVII века

Редактор А. Храповицкий

Верстка А. Петровой

Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 14.01.2016.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 1200 экз.

Заказ 196.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбииков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА

- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ
и ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и зоология МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО в СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОК
- 40 Наталья Пушкирева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ,
ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ и УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ и НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО о СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ и НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ в БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ в ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ в МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА в МИФАХ
и ЛЕГЕНДАХ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I и тайна ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО в ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ, СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. Заложники ПЕТРА I и КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ПОКОРИТЕЛЬ АЗИИ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО в XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ о КОЛДОВСТВЕ в Европе и РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ и КРЕСТОНОСЦЫ. ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. Великое княжество Литовское
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ и ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокщанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ и СКИФЫ

- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ,
КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ
- 102 Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- 103 Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК
- 104 Геннадий Коваленко. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИНОСТРАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ
- 105 Людмила Ивонина. ДРАМА ДИНАСТИИ СТЮАРТОВ
- 106 Игорь Тантлевский. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ИЗРАИЛЯ И ИУДЕИ
- 107 Станислав Чернявский. АНТИОХ ВЕЛИКИЙ, «ЦАРЬ АЗИИ»
- 108 Георгий Вернадский. ЗВЕНЬЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
- 109 Владимир Соколов. ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ
- 110 Антон Горский. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ
- 111 Вера Курская. ИСТОРИЯ ЛОШАДИ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
- 112 Антон Горский. МОСКВА И ОРДА
- 113 Александр Васильев. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ ОТ ОСНОВАНИЯ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ ДО ЭПОХИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
324—1081 ГОДЫ
- 114 Дмитрий Занков. РУСЬ ЗА ТРАПЕЗОЙ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Людмила
Морозова

Андрей
Дёмкин

Русские
царицы
и царевны
XVII века

О русских государынях XVIII столетия известно многое — если не все. О русских царицах и царевнах века XVII, особенно его первой половины, мы знаем очень мало — почти ничего. Уже простой перечень имен в Синодике Новодевичьего монастыря содержит массу загадок: «Благодарная царица Анна», «благодарная царица Леонида», «благодарная царица Марфа, монахиня», «благодарная царица Ирина Иоанновна», «благодарная царица Мария», «благодарная царица Евдокия Лукьяновна», «благодарная царица Мария Ильинична»... Судьбы их прослеживаются нечетким пунктиром, и даже вопрос о мужьях некоторых из них ставит историков в тупик. Чтобы составить их биографии, авторы исследовали множество источников, по крупицам собрали разрозненные сведения об их происхождении, семейной жизни, участии в управлении государством, и оказалось: каждая из этих женщин не просто примечательна — без них история России была бы иной.

Людмила Морозова и Андрей Дёмкин — ведущие научные сотрудники Института российской истории РАН, доктора исторических наук.

ISBN 978-5-91678-313-1

9 785916 783131